

ОГОНЁК

№ 40 ОКТЯБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Мы наш, мы новый мир построили!

С. Иванов. **СЕМЬ ЧАСОВ В РАДУГЕ**

Жан Виллен. **РЕСПУБЛИКА ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ**

М. Ботвинник. Поединок в Оберхаузене

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 40 (1789)

1 ОКТЯБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Звезды «Электростали»

Каждый день у проходных ворот подмосковного завода «Электросталь» на стенде загораются две звездочки: так на заводе отмечают цехи, которые занимают лучшие места в предсъездовском соревновании.

А 14 сентября яркой звезде полагалось бы озарить весь завод: в этот день металлурги досрочно выполнили свое обязательство в честь съезда партии — подарили Родине сверхплановый металл.

На снимках:

1. Константин Зоркин выдает только отличную сталь. 70 тонн сверх плана — вот его подарок съезду родной партии.

2. Идет разливка стали.

3. К середине сентября на счету Василия Никитовича Коледникова было уже на 260 тонн стали больше нормы. Старейший сталевар завода перевыполнил обязательство, взятое в честь XXII съезда КПСС.

4. Депутат Верховного Совета СССР сталевар Алексей Петрович Журавлев уже перевыполнил свое предсъездовское обязательство: выдал сверх задания 85 тонн высококачественной стали. А к открытию XXII съезда КПСС он даст 100 тонн. Сын Алексея Петровича Виктор — тоже сталевар. Он не отстает от отца: встречает праздник советского народа большими трудовыми успехами.

Фото М. Савина.

«Да здравствует дружба народов Финляндии и Советского Союза!» — эти слова были написаны на плакатах, с которыми жители Хельсинки встречали Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, прибывшего в их страну с государственным визитом.

Народ суоми тепло приветствовал на своей земле гостя из Советской страны, с которой Финляндию связывают дружеские, добрососедские отношения. Укреплению этих отношений способствовал неоднократный обмен визитами между Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым и Президентом Финляндской Республики У. К. Кекконеном.

Выступая в Хельсинки, Л. И. Брежнев подчеркнул, что советский и финский народы «связывает общность стремления к миру и дружбе».

На снимках:

Л. И. Брежнев и Президент Финляндской Республики У. К. Кекконен на площади Хагнес в Хельсинки.

Л. И. Брежнев возложил венок на могилу Ю. К. Паасикиви.

Фото В. Егорова. ТАСС. (Снимки приняты по фототелеграфу).

ДЕЛЕГАТ СЪЕЗДА

Трудно, пожалуй, найти в Полтаве человека, который не знал бы Героя Социалистического Труда Надежду Семеновну Шаповал. Она работает мастером на Крюковском вагоностроительном заводе. Трудится отлично, увлекается общественной работой.

Областная партийная конференция избрала Н. С. Шаповал делегатом XXII съезда КПСС.

Фото П. Кекало (ТАСС).

Ростовская область

Крупный речной порт вырос в Раздорском районе, неподалеку от того места, где Северный Донец разделяется на два рукава. В порт поступает донецкий уголь, а отсюда водным путем он идет в приволжские города. С Камы по Волго-Донскому каналу в новый Усть-Донецкий порт доставляют лес для донецких шахт.

Сейчас, готовясь к встрече XXII съезда КПСС, строители завершают работы на второй очереди порта — Северной стенке. Скоро шесть новых причалов станут принимать уголь, лес и другие грузы.

Фото В. Турбина.

Фото Н. Капелюша

ШКОЛА К

П. М. ДЕМИН,

Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Искра», Горьковской области

Вот уже почти двадцать лет, как я председательствую в колхозе. За это время накопилось немало наблюдений, мыслей. Вместе с колхозом я пережил тяжелые годы войны, не менее тяжкие послевоенные годы и время самого начала подъема нашего сельского хозяйства. Не было ни одного легкого дня, ни одного часа не прожито беззаботно. Быть может, потому и добилась наша «Искра» некоторых успехов...

Теперь вот всей колхозной семьей переживаем знаменательные предсъездовские дни. Ждем XXII съезд Коммунистической партии, еще и еще раз читаем проект Программы КПСС, особенно раздел, посвященный дальнейшему развитию сельского хозяйства и общественных отношений в деревне. О многом стоит поразмыслить вслух. В проекте Программы КПСС просто и коротко сказано о пути, пройденном советской деревней, и о пути, которым ей идти дальше.

Человек я беспартийный. Но вместе с коммунистами всем сердцем принял ленинское слово о кооперации. Колхозы доказали, что они жизненны, что эта форма организации крестьянства наилучшая, что и на всех этапах отвечала она особенностям крестьянства.

И в дальнейшем, на нашем пути к коммунизму, эта форма хозяйства сохранится и будет совершенствоваться.

На глазах у нас некоторые колхозы в последнее время были реорганизованы в совхозы. И кое-кто рассуждал так: не настала ли пора все сельское хозяйство переводить на рельсы государственного предприятия? Жизнь показала, что эти рассуждения—«вокруг да около», а суть в той формуле, которая дана в проекте Программы: «Колхоз — это школа коммунизма для крестьянства».

В этом итог развития колхозного движения и наша историческая задача на будущее.

Колхоз учит коммунизму, тому, что совершенно не свойственно было крестьянству дореволюционному. Не Я хозяин, а МЫ; не МОЕ, а НАШЕ; не ЧАСТНАЯ собственность, а КОЛЛЕКТИВНАЯ; не «все мое», а распределение по труду. Вот эта вторая роль колхоза — роль школы, в которой воспитываются новые, коммунистические отношения в деревне, должна отныне стать ведущей.

Еще недавно колхозы были хозяевами земли, но не были хозяевами орудий производства, машин. Государство не покупало продукцию колхозов, а заготовляло ее в порядке обязательных поставок. Таково было требование времени. Теперь колхозы ощутимо окрепли, обзавелись своими кадрами, специалистами. Ныне они в состоянии покупать у государства самые сложные машины, лучшие сорта, удобрения, химические препараты. Но купить — полдела. Важно все это полностью, с умом использовать. А тут еще не все гладко, есть над чем призадуматься.

Я неустанно повторяю, и те люди, которые работают со мной, знают это: сельское хозяйство вести — не карманом трясти!.. Что я этим хочу сказать? А то, что сельское производство, на мой взгляд, посложнее промышленного. Организация труда тут посложнее пока, чем в промышленности. Мы имеем дело с живой природой, с живыми организмами. Наше производство все еще в значительной мере зависит от природы, от ее капризов, от стихии.

Года четыре назад был у нас Никита Сергеевич Хрущев, знакомился с хозяйством. Многое нам подсказал. А хозяйство в беседе назвал середняцким и пожелал нам побольше производить мяса и молока. Вспомнил я это к тому, что мы-то подтянулись, но многие колхозы еще не подошли к уровню передовых. Почему? Сильна зависимость от природных условий. У нас, например, вот уже два года выдается сухое лето. Поэтому зимой большая нехватка кормов. Кукуруза? Да, ее стали возделывать. Но культура эта новая, и чтобы колхозники могли научиться выращивать незнакомую им южанку, потребовалось время.

В проекте Программы говорится, что зависимость сельского хозяйства от природной стихии заметно уменьшится, а затем сведется к минимуму. Но каким же образом? Думаете, все само собой образуется? На это рассчитывать нельзя. Этот трудный процесс освобождения земледельца от власти природы будет проходить тем успешнее, чем большего совершенства достигнет организация колхозного производства, чем крепче будет наша связь с наукой.

Вот почему совершенно правильно отмечается в проекте Программы КПСС необходимость всесторонней механизации и интенсификации сельского хозяйства. По-

Женщину из маленького русского поселка встречает Прага.

Живет у нас в поселке...

Фото М. САВИНА.

Поселок как поселок, в Ивановской области. Старый деревянный поселок-трудяга, внешне ничем не примечательный. Фабрика тут есть. Текстильная. Тоже довольно старая.

Так бывает часто: местечко самое что ни на есть обычное, на солидных картах его и в помине нет, а о людях, что работают там, знают все. И это, пожалуй, самое характерное — люди-то простые. Зато дела у них...

Юлия Михайловна Вечерова, известная всей стране ткачиха, живет в маленьком фабричном поселке Савино. В прошлом году ей присвоили звание Героя Социалистического Труда. За работу, за мастерство. «За «семилетние шаги» — так говорят о ней в шутку друзья. Но это вовсе не шутка: в прошлом году Юлия Михайловна по производительности труда шагнула сразу в последний год семилетки. А это значит, что обогнала русская женщина «быстроногую Америку»: ни в одной стране мира не слыхивали о такой производительности труда.

Пришло в маленький поселок письмо из Москвы. Ткачихе Ю. М. Вечеровой от Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева.

«Желаю Вам, дорогая Юлия Михайловна,— писал Никита Сергеевич,— новых достижений в работе, учебе, здоровья и счастья в личной жизни».

На ивановской областной партийной конференции Ю. М. Вечерова говорила своим товарищам: «Новый прилив энергии, творческой активности вызвал у нас проект Программы Коммунистической партии Советского Союза. Коллектив нашей фабрики единодушно одобряет этот исторический документ потому, что в нем изложены наши мысли, чаяния и надежды».

Молодой коммунист Вечерова в честь XXII съезда КПСС взяла личное обязательство: ко дню открытия съезда выпустить 9,5 тысячи метров тканей сверх плана. И эту норму Юлия Михайловна старается перевыполнить.

Ее напряженный, героический труд, обгоняя время, приближает торжество коммунизма.

На областной партийной конференции Юлию Вечерову выбрали делегатом XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Эта женщина, чью жизнь определил строй социализма, коммунистка и отличная производственница, будет голосовать на съезде за Программу партии — программу строительства коммунизма.

ОММУНИЗМА

купка новой техники, пересмотр структуры посевных площадей, замена малоурожайных сортов и культур высокоурожайными — эти и другие меры помогут нам быстрее добиться изобилия.

Нельзя вести хозяйство рывками, от одного благоприятного года до другого. В наших силах добиться, чтобы каждый год — с поздней весной или ранней, с дождем или без дождя в июле — был новой ступенью вверх. Каждый! Если не добьемся этого, будем топтаться на месте. Вот пример. До объединения с соседними хозяйствами скота у нас было мало. В 1950 году мы держали 330 голов крупного рогатого скота. Потом у нас стало 850 голов, а сейчас на зиму оставим 1 200! И такого роста мы добились, несмотря на сушь, которая вот уже два года мешает нам.

Сделано много. Полеводство в «Искре» механизировано на 90 процентов. Остановка за механизацией ферм. У нас это проблема № 1. Но мы уже имеем капитальные мастерские. Все семь деревень колхоза электрифицированы, на нас работают 60 электромоторов. А будет их еще больше!

Хочу особо сказать о трудовой дисциплине. Обилие техники, с одной стороны, и нехватка рабочих рук в деревне, с другой,— все это требует нового, очень добросовестного отношения колхозника к труду. Много доброго говорится о колхозной демократии. Всяк, мол, является хозяином... Но хозяин должен и по-хозяйски к делу относиться! К сожалению, колхозная демократия иногда мешает взять лодыря за шиворот и заставить его работать с полной отдачей сил. И вот тут-то колхоз и должен показать себя школой коммунизма, школой воспитания коммунистической сознательности. И скажем прямо: здесь пока еще делаем только первые шаги.

Очень хорошо, что в проекте Программы партии есть такие слова: основой развития колхозов вместе с непрерывным ростом производительных сил, улучшением организации производства и методов хозяйствования является «и строгое соблюдение принципа: за хороший труд, за лучшие результаты—более высокую оплату». Это непременные условия для того, чтобы колхозы по своим производственным отношениям, по характеру труда, по уровню благосостояния и культуры трудящихся становились бы предприятиями коммунистического типа. Кто этого не понял и не осуществил на практике, того колхозники не поблагодарят.

У нас в «Искре» о материальной заинтересованности никогда не забывают. Уже не первый год введена авансовая денежная оплата: ежеквартально, день в день колхозники получают в кассе по 60 копеек (новыми деньгами) на трудодень.

И еще раз о школе коммунизма, о преобразовании общественных отношений в деревне. Я только что приехал с полей второй бригады. Люди копают картофель. Моросит дождь, резкий ветер пробирается под телогрейки. Стынут руки. Но люди копают. Сегодня картофель и свекла — главное! И все же женщины спросили меня: «Копать кончим, тогда, Павел Михалыч, чем займемся?» Ничего особенного, кажется, в этом вопросе и нет. А ведь, чтобы такой вопрос услышать сегодня, прошли годы и годы огромной воспитательной работы с человеком. Надо было душу его повернуть от СВОЕГО клина к НАШЕМУ полю! И повернули. В этом победа. Но проект Программы КПСС показывает, что не меньшая работа с людьми будущей коммунистической деревни еще впереди.

Что это будет за деревня? Мы много мечтаем о ней. Мы своими руками строим ее. Строим коллективно. В колхозе кровно переплетены личная заинтересованность и общественные интересы. Бывало, дом построить — пуп надорвешь. Нынче колхозник строится, а колхоз ему ссуду предоставляет, помогает добыть материалы. И вот к зиме дом готов — большой, светлый, остекленный. Да, теперь так. Крестьянин дом ставит в одно лето и при этом не надрывается.

Придут к нам и городской быт и культура городская. И сейчас уже есть во всех деревнях «Искры» новые клубы. В колхозе кино, свой телефон. Ведем отопление в мастерские. Надо бы и водопровод провести. Судя по проекту Программы партии, государство обещает и впредь всемерно помогать колхозному крестьянству. Это важно. Например, у нас ставка на кукурузу, а комбайнов маловато...

Программа, которую примет скоро XXII съезд партии, многое обещает и далеко зовет! Нам по душе, что по экономическим условиям колхозы сравняются с общенародными предприятиями в сельском хозяйстве, что колхозники будут жить обеспеченно, что они смогут пользоваться услугами столовых, пекарен, прачечных, детских яслей и садов, библиотек, стадионов. Это все тем более радостно, что добрая половина подобных благ уже ощутима, достигнута! Нам радостно, что и оплата труда колхозников станет такой, как и на общенародных предприятиях, что они получат все виды социального обеспечения — пенсии, отпуска...

Ради такого будущего стоит хорошо поработать! Но чтобы не забывать о действительном положении вещей, еще раз подчеркиваю, что внимание к сельскому хозяйству со стороны государства не должно ослабевать. Колхозы еще во многом нуждаются, особенно в нашей нечерноземной полосе, где скудны земли, малонаселенны деревни.

Торжественно звучат слова из проекта новой Программы партии о том, что в конечном счете по культурно-бытовым условиям жизни сельское население сравняется с городским. Да, дело идет к тому — уничтожаются различия между городом и деревней. А мы сделаем все, чтобы в нашей школе коммунизма не было отстающих.

Молодым есть у кого учиться.

«...обходит владенья свои...». Ю. М. Вечерова на своем участке. →

Юлия Михайловна учится на заочном отделении текстильного техникума.

В комитете комсомола идет разговор о методах работы Вечеровой.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

№ 59. Вторник 18 марта 1919 г.

ПРАВДА

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Бессмертная

Вторник 18 марта 1919 г. № 59.

ПРАВДА

Всякий, кому дороги интересы рабочих, должен итти работать на транспорт!

Во Франции.

МЫ НАШ, М

Советский человек заглядывает ныне далеко вперед — взоры его обращены к светлому коммунистическому завтра. Вчитываясь в полные глубокого смысла строки великого Манифеста Коммунизма — проекта Программы КПСС, он уже сегодня во многом, что окружает его, что рядом с ним, видит черты этого завтра.

Но известно, что величие свершенного, достигнутого и завоеванного мы ощущаем еще более остро, когда мысленным взором с высокой вершины окидываем путь пройденный, вспоминаем минувшие дни.

Давайте же оглянемся, дорогие читатели! Перенесемся в год 1919-й, вспомним жизнь нашей страны на том рубеже ее трудного становления, когда VIII съезд партии принимал вторую Программу, на смену которой приходит теперь новая Программа — построения коммунистического общества.

Редакция обратилась к свидетельству документа — номера газеты «Правда» за 18 марта 1919 года (день открытия VIII съезда партии).

В каждой строке — дыхание той бурной эпохи, тех незабываемых дней, когда страна находилась в кольце блокады интервентов и белогвардейцев. В углу второй страницы газеты лаконичный перечень—«Сегодня в номере: Советские войска вступили в Николаев. Расстрел рабочих в Одессе. «Добровольцы» эвакуируют Одессу... Красными войсками взят Житомир... В Берлине ведется среди рабочих агитация за всеобщую стачку... Солдатское восстание в Англии... Революционное движение в Италии... Выступление коммунистов в Седлеце (Польша)».

Вести с фронтов, оперативные военные сводки печатались рядом с подборкой заметок под заголовком «Вопросы продовольствия»; здесь и порядок отправки продовольственных посылок и сообщение о скромных запасах чая...

Наши корреспонденты отправились по следам заметок одного этого номера «Правды», побывали в городах, домах, районах, о которых сообщала газета, по «адресам», упоминаемым ею. О том, что они увидели, рассказывают помещаемые ниже материалы.

Наступление продолжается...

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ, УРАЛЬСКИЙ РАЙОН. Наше продвижение к югу от Уральска продолжается. ОРСКИЙ РАЙОН. ТРОИЦКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. НАМИ С БОЕМ ЗАНЯТА СТАНИЦА КВАРКОНСКАЯ, в 125 вер. северо-восточнее Орска.

В годы гражданской войны отроги Южного Урала явились ареной жестоких схваток. Молодая Красная Армия громила здесь отборные офицерские полки адмирала Колчака, казачьи сотни атамана Дутова и другую контрреволюционную нечисть. В тяжелых боях освобождались города и станицы бывшей Оренбургской губернии. Здесь креп и развивался талант таких военачальников, как Фрунзе, Чапаев, Блюхер, Фурманов.

Мы встретились с бывшим командующим Орско-Актюбинского фронта Михаилом Минновичем Краснощековым. Сейчас Михаил Миннович — персональный пенсионер; он охотно поделился воспоминаниями о тех незабываемых днях.

— Наши войска успешно развивали наступление на белых весной 1919 года,— вспоминает он.— Мы гнали колчаковцев и севернее Орска и на юге от Уральска. Сообщение о взятии станицы Кварконской — этого сильно укрепленного пункта белоказаков — вызвало большой подъем в наступающих частях.

Вы уж простите меня, старика,— говорит Михаил Миннович,— но как ни соблазнительно вспомнить о прошлом, а я все же расскажу о сегодняшнем дне. Расцветает наше орденоносное Оренбуржье, его восточная часть. Здесь-то и находятся станица Кварконская и в прошлом захолустный город Орск...

Что представляла собой раньше Кварконская? Рай для кучки атаманов, сущий ад для бесправного казачества. Конечно, ни электричества, ни водопровода, ни настоящего медицинского обслуживания. Полуразвалившееся здание начальной школы, а неподалеку процветающее питейное заведение...

Сейчас Кварконская—районный центр. Весной 1954 года по призыву Коммунистической партии и ленинского комсомола сюда приехали тысячи молодых патриотов страны. В заснеженных степях были разбиты палатки, встали в ряд полевые вагончики. Возле них указатели: «Совхоз «Урожайный», «Улица Ленина»...

Сто тысяч гектаров целинных земель подняли тогда в этих местах комсомольцы-новоселы. В районе родились семь новых зерносовхозов. Ныне кварконцы дали слово продать не менее четырех с половиной миллионов пудов хлеба. Они же нынешним летом распахали еще десять тысяч гектаров новых земель.

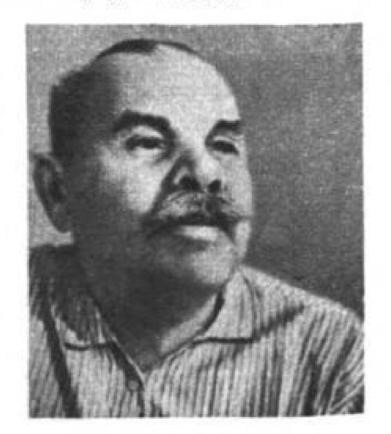
Нельзя не упомянуть и о таком деле рук человеческих, как Оренбургское море. Огромное водохранилище пересекает западную часть Кварконского района. Без воды не обойтись бы полям, предприятиям и целинным поселкам. Три года назад верховье Урала перегородила плотина высотой в сорок пять метров. В тело плотины вмонтированы четыре агрегата гидростанции.

А Орск? Когда-то ссыльный Шевченко писал о том, что местное население дало этой царской крепости название Яман-Кала, что означает «плохой город». Да, это был заурядный купеческий городишко, грязный, неуютный, с кривыми улочками. Сейчас Орск превратился в крупный индустриальный центр Южного Урала. В годы Советской власти здесь построен мощный никелевый комбинат. Младшим братом «Уралмаша» называют здесь Южноуральский завод тяжелого машиностроения. С маркой «ЮУМЗ» можно встретить металлургическое и коксохимическое оборудование в Бхилаи, Новой Гуте, в Аньшане. В городе свыше десятка прекрасных Дворцов культуры, есть парки и стадионы, созданы три народных театра, самодеятельная академическая капелла. Ее участники — рабочие «Южуралмаша».

Но это еще далеко не все. Южнее Орска на базе здешнего месторождения железных руд возникла оренбургская «Магнитка» — Орско-Халиловский металлургический комбинат. Он выпускает ценнейшую продукцию — чугун, сталь, прокат, богатые хромом и никелем. Севернее Орска строится новый город — Гай. Возводит его молодежь, посланцы ленинского комсомола. Геологи нашли здесь богатые залежи меди. Сооружается горнообогатительный комбинат с открытым карьером и механизированным рудником.

А у Гая, совсем юного Гая, есть более юный брат — город Светлый. Ему пошел всего-навсего второй год. Рядом с первыми кварталами города закладываются стены никелевого комбината.

Вот какие дела творятся сегодня там, где иногда еще можно встретить следы ожесточенных боев за Советскую власть — полузаваленный окоп, чудом уцелевший блиндаж, скромные обелиски, воздвигнутые в память о героях 1919 года... Так и хочется сказать: «Наступление продолжается!»

М. М. Краснощеков.

Ы НОВЫЙ МИР ПОСТРОИЛИ!

ТА И НЕ ТА ПЛОЩАДЬ

В старину ее называли Петровской. Она служила местом свалки мусора. Коренные москвичи старшего поколения помнят ее Театральной, громыхающей трамваями и извозчичьими пролетками. Так ее окрестили в 1825 году в честь открытия Большого театра. Автор путеводителя по Москве того времени писал о ней: «Много знаменитых городов европейских хвалятся площадями своими, но мы, русские, теперь можем сею пред всеми гордиться».

Вероятно, так оно и было. А теперь, преображенная и помолодевшая, оживленная и клокочущая, раскинулась площадь Свердлова как живое воплощение наших ярких и бурных дней.

...Первая страница номера «Правды», по следам которого мы ведем репортаж, была в траурной рамке: умер Я. М. Свердлов. А на другой странице — сообщение о переименовании Театральной площади в площадь имени Якова Свердлова.

> Президиум Московского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов в заседании 17 марта постановил в ознаменование памяти тов. Свердлова переименовать Театральную площадь в площадь имени ЯКОВА СВЕРДЛОВА...

Она и тогда, в марте девятнадцатого года, была самым оживленным местом Москвы. Но как меняются понятия со временем! Я помню ее в те годы: по теперешним представлениям она была почти безлюдной.

А вот площадь сейчас. В отделе регулирования уличного движения мне назвали цифры: пять тысяч автомобилей и почти пятьдесят тысяч пешеходов минуют площадь Свердлова в течение часа. Она не знает часов «пик» — часов наибольшего оживления: бурлит с утра и до вечера.

Еще и еще раз прохожу мимо «Метрополя», теряясь в густой уличной толпе, рассматриваю афиши у входа в кино, яркие плакаты в зеркальных витринах. Шумно в агентстве «Интуриста».

— Куда едете, товарищи?

— В Китай!

— В Рим!

— В Аккру!

Вся стена в красочных плакатах. Чудесный «ТУ-104» и надпись: «Москва — Берлин за 180 минут». Фигура балерины на фоне Большого театра: это вы можете увидеть только в Москве! Разукрашенная ладья с пестрыми матрешками плывет по раздольной реке: приезжайте к нам на Волгу! Олень с ветвистыми рогами мчит пассажира в меховой дохе: чудесен Советский Север!

Гостеприимна наша страна. Гостеприимна и площадь Свердлова. Мне навстречу попадаются люди всех наций, всех континентов.

Но что это за забор отгородил сквер против «Метрополя»? Там сооружается величественный памятник Карлу Марксу.

Однажды сильная буря, к радости прохожих, повалила шаткий забор, и взору их открылась мастерская скульптора. И хотя шел проливной дождь, промокшие до костей люди не уходили.

Пять человек победили на конкурсе проекта памятника — скульптор Л. Кербель, архитекторы Р. Бегунц, Н. Ковальчук, В. Макаревич, В. Моргулис. Они нарушили старую традицию и возводят памятник без постамента, из гранитной глыбы высотой в восемь метров.

Сквер на площади Свердлова стал мастерской скульптора. Вместе с автором проекта поднимаюсь по лесенке на верхний ярус лесов, опоясавших скалу-гигант.

— Это место для памятника основоположнику научного коммунизма указал лично Владимир Ильич Ленин, — говорит скульптор Л. Е. Кербель.

Монотонно стучат молотки гранильщиков. Со скрежетом вгрызаются стальные шпунты в неподатливый камень. Серый гранит приобретает знакомые очертания Марксовой головы.

— Посмотрите на площадь. Какая прекрасная картина открывается отсюда, с вершины будущего памятника! — Скульптор Кербель обводит рукой вокруг. — Смотрите. Больше никогда не увидеть вам площадь с этой точки. Отсюда будет взирать на нее только Маркс!

И правда, красиво. Словно по-новому видишь и колоннаду Большого театра, и утопающий в зелени сквер впереди, и изумрудные струи фонтана, и нескончаемый поток автомашин, и пеструю толпу пешеходов.

...Бурлит, кипит площадь Свердлова. В сквере у Большого театра почти все скамейки заняты. По дорожкам бесконечной вереницей идет народ.

Я тоже присел на скамейку. Присматриваюсь к людям, прислушиваюсь к их разговорам. Почти у всех прохожих покупки. Я пытался подсчитать, сколько же свертков, коробок, пакетов проносят они в минуту, и сбился со счета. Рядом знаменитый Центральный универмаг, а его посещают ежедневно более двухсот тысяч человек!

И еще одна характерная особенность: у каждого десятого прохожего в руках фотоаппарат. Каждый десятый фотографирует фонтан на фоне Большого театра. Дети и старики. Негры и узбеки. Китайцы и англичане.

Группа пионеров в белых рубашках и красных галстуках. Они снимают и фонтан, и друг друга, и прохожих. Снимают с азартом.

— Куда едете, ребята?

— Возвращаемся из Артека домой, на Север, — отвечают дружно, хором.

А это что за группа собирается в тени у дерева? Их трое, пятеро, семеро. Подходят еще и еще. Мужчины и женщины. Шумят, спорят, смеются. Гадаю и не могу понять, кто они. Потом все разъясняется: это молодые врачи, уезжающие на целину. Сегодня прощальный вечер: они собрались в сквере у Большого.

Пятеро юношей в коротких брюках и легких распашонках поставили свои велосипеды у ограды и нацелили киноаппараты. Видно, бывалые путешественники.

— Издалека?

— Из Свердловска на велосипедах.

А люди все мелькают, мелькают, как в калейдоскопе.

Такова она, нынешняя площадь Свердлова. Та, что была когда-то, или не та? Ну, конечно же, не та!

Нефть идет!

> КАЗАТИН, 16 МАРТА. Приехавший с Кавказа товарищ передает, что англичане в Баку по нефтепроводу перегоняют нефть в Батум, где ею грузятся пароходы и отправляются в Англию.

«Дела пошли лучше, и мы... получили полнейшую свободу действия». Эти слова принадлежат английскому генералу Денстервилю — организатору оккупации Баку в 1918 году.

Полнейшую свободу действий...

На театральных тумбах висели аршинные приказы английского командования, запрещавшие под страхом самых суровых кар сходки и демонстрации. С поспешностью и жестокостью многоопытных колонизаторов вершили расправу английские судьи. Была переполнена Баиловская тюрьма...

Но Баку бурлил. Он был мало похож на бесправную, забитую колонию. Англичане знали: не долго хозяйничать им. И поэтому спешили. С предельной нагрузкой работал нефтепровод, соединяющий берега Каспия с берегами Черного моря, где ждали английские танкеры. И очень может быть, что один из этих танкеров вез ту нефть, что впервые в своей жизни добыл человек, о котором пойдет рассказ.

...В те самые мартовские дни 1919 года, когда в Москве заседал VIII съезд партии, из далекого азербайджанского селения пришел в Баку сын бедняка Муса Байрамов. За одну ночь он потерял все, что было у него на земле: отца и мать, погибших во время варварской резни, и кров, разграбленный бандитами.

Он шел много дней и много ночей, пока дорога не привела его в Баку. И еще много дней пришлось ему искать крова: для англичан и полицейских он был беспаспортным бродягой. Потому-то и платил ему меньше, чем другим, хозяин балаханского промысла, где нашел он наконец пристанище.

Близ скважины был небольшой амбарчик для нефти. Муса опускал в вязкую, темную жидкость, тонким слоем разливавшуюся по земле, тряпку, и когда она пропитывалась нефтью, выжимал ее в бидон. Нефть давала ему кусок хлеба и право на ночлег. И он отбивал ей поклоны — сотни в день, тысячи в неделю.

А в Москве заседал съезд. Муса ничего не знал о нем. Но там, на съезде, думали и о нем и о судьбе сотен тысяч таких же, как он.

Долго бы еще кланялся чужой, хозяйской нефти одинокий молчаливый паренек, долго бы еще не знал грамоты, если бы не пришел день 28 апреля 1920 года, когда поднялось над Азербайджаном знамя Советов. Удивительно ли, что он, Муса Байрамов, стал добровольцем Красной Армии, рядовым полка, который носил гордое имя Двадцати шести бакинских комиссаров, расстрелянных английскими интервентами! Бойцу вручили перед строем винтовку, и первые слова, которые он учился читать по слогам, были слова присяги на верность Советам.

Настал наконец день, когда после трех лет службы в Красной Армии снова пришел Муса Байрамов на старые, сохранившие свой унылo первозданный облик балаханские промыслы. Но казалось, не было на свете уголка милее его взору, чем этот.

После дня, проведенного у давно заброшенной скважины, Муса садился за книги и мучительно постигал азы мудреной нефтяной науки: его ждал рабфак. Потом, позднее, перед ним открылись двери совпартшколы, двери Промышленной академии. Партия поставила его на ноги, вооружила знаниями, доверила ответственный пост.

Вот уже без малого двадцать лет заведует Муса Байрамов старейшим и очень знаменитым в Азербайджане восьмым промыслом «Лениннефти».

Скважины на промысле старые и, как все старое, «с характером», со своими причудами и капризами. К каждой нужен особый подход. Заведующий промыслом обладает удивительной способностью, вызывающей настоящую зависть у молодых мастеров, — держать в своей памяти все три с лишним сотни скважин и предчувствовать поведение каждой из них, словно он видит все, что делается глубоко под землей.

А помогают ему люди молодые, деловитые, знающие — выпускники техникумов и институтов. На промысел, где некогда с помощью тряпки «добывал» нефть Муса Байрамов, приходят новейшие средства телемеханизации.

...Очень может быть, что нефть, которую добывает се-

Вышки в море.

годня Герой Социалистического Труда Муса Байрамов, тоже попадает в танки нефтеналивных судов, швартующихся в Батуми. Но только теперь разные флаги на них.

В разные концы света, по новым адресам идут щедрые дары бакинской земли, в которых словно заключено ее тепло и неостывающая энергия ее людей, истинных хозяев этой нефти.

А англичан, которые приезжают в Баку сегодня, наш город встречает так, как издавна принято встречать на Востоке гостя,— радушно и искренне.

г. Баку.

* * *

В Батуми начальник морского агентства «Инфлот» Сергей Григорьевич Довгяло, работающий здесь почти три десятилетия, сообщил нашему корреспонденту:

— Много разных грузов уходит из нашего порта во все уголки земного шара. В прошлом году в Батуми побывали сотни иностранных судов. И прежде всего иностранцы приходят к нам за советскими нефтепродуктами. Батуми поставляет на экспорт много сортов нефтепродуктов самого высокого класса. Только бензина продается пять-шесть сортов, дизельного топлива — четыре-пять сортов. Нефтеперерабатывающий завод в Батуми высоко держит свою марку. Получая сырую нефть из нескольких нефтяных районов страны, он вырабатывает отличную продукцию, которая удовлетворяет всем высоким требованиям современных машин. Широкий сбыт находит малосернистое дизельное топливо. США, например, охотно покупают нефтяной толуол и каменноугольный бензол. Прибытие танкера с батумским мариндизелем для японских рыбаков, говорят, целый праздник. В двадцать шесть стран отгружаем мы нефтепродукты.

г. Батуми.

ДРУЗЬЯ В ТЕАТРЕ МУССУРИ

Театр музыкальной комедии, бывший театр Муссури.

Дом, где проходил III Всеукраинский съезд Советов, в старину назывался театром Муссури. Это здание связано с очень значительными событиями в истории Украины.

Через несколько месяцев после III Всеукраинского съезда Советов здесь, в этом доме, на заседании Харьковского ревкома выступал член Реввоенсовета 14-й армии С. Орджоникидзе. В следующем году тут заседал IV Всеукраинский съезд Советов. Его от имени ЦИК РСФСР приветствовал Ф. Э. Дзержинский.

Старики и сейчас хорошо помнят то время и охотно рассказывают молодежи о революционном Харькове. Напоминают об исторических событиях и мемориальные доски, установленные на здании бывшего театра Муссури.

Сейчас здесь снова театр — Харьковский театр музыкальной комедии. Пока хозяева гастролируют по городам Украины, в здании обосновались их друзья — эстрадный ансамбль Польской Народной Республики. Днем гости ходят по городу и любуются Харьковом, вечером зажигаются огни у театрального подъезда. За сорок с лишним лет исторический дом помолодел, стал красивее, как и Харьков, как и вся Украина. И то, что именно в этом доме показывают теперь свое искусство наши зарубежные друзья, символично.

ПРОЛЕТАРИАТУ И БЕДНЕЙШИМ КРЕСТЬЯНАМ ВСЕГО МИРА, ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ.

От 6 до 10 марта включительно заседал в Харькове 3-й съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов всей Украины. Выбранный всем трудовым народом, он явился учредительным собранием Украины, задача которого заключалась в выработке конституции Украинской Социалистической Советской Республики.

Руководитель польского ансамбля Казимерж Рудский говорит:

— Мы впервые в Советском Союзе. Нам понравились Москва, Кремль, Красная площадь, метро. Мы не забудем и ваш прекрасный город. Но самое большое впечатление произвели зрители, советские люди. Они великолепно работают, много строят и по-настоящему любят искусство. Мы счастливы, что имеем таких замечательных друзей.

В марте 1919 года на III Всеукраинском съезде Советов Я. М. Свердлов говорил, что кровь, пролитая в общей борьбе, спаяла крепкой дружбой Украину и Россию, спаяла единым великим стремлением. Прошли десятилетия, и вместе с нами по одному пути идут и наши хорошие, верные друзья. Их много.

ПРАВДА

МЫ НАШ, М

Все вывозится из Одессы...

А. А. Хенкин.

КИЕВ, 16 МАРТА. «Известия Киевского Совета» сообщают из авторитетных источников, что в связи с уходом союзных войск из Одессы добровольческое командование издало приказ об эвакуации из Одессы в Симферополь всех местных учреждений.

ВСЕ, ЧТО МОЖНО ПОГРУЗИТЬ, ВЫВОЗИТСЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ ОДЕССЫ.

Многие одесситы помнят, как это было.

— Все хотели урвать как можно больше,— рассказывает один из старейших портовиков, А. А. Хенкин, стивидор-наставник, опытный специалист по погрузке судов.— А кого только тут не было: и оккупанты, и гайдамаки, и белогвардейцы. И все тащили, грузили, увозили. Чтобы удобней было грабить, даже поделили город на «зоны» — что ни район, то другая власть. Дай им время и возможность, наверное, в городе остались бы одни коробки домов. В те дни ходили слухи, что в Германию даже черноземом вывозят: своя, дескать, земля не устраивает.

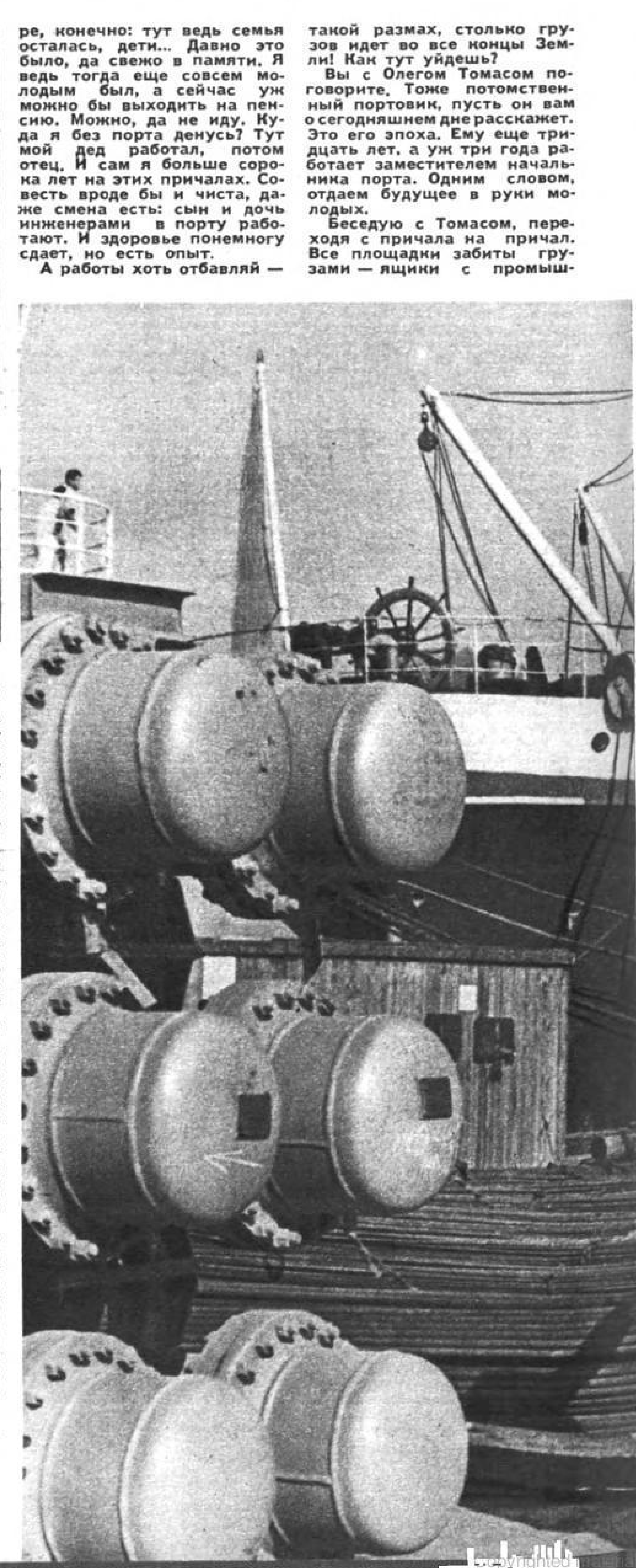
К счастью, не много им удалось забрать: сначала, видно, думали, что надолго присосались, а когда прижала их Красная Армия, тикали, как зайцы. Напоследок растаскивали все из порта, больше по мелочам. Помню, как удирали последние пароходы с белогвардейцами. Паника в городе была неописуемая, транспорта не достать: каждая подвода дороже золота.

Тут уж только успели узлы с барахлом забрать да чемоданы с драгоценностями. В суматохе вывезли даже... дворника. Полковник Марков, что жил на улице Чижикова, заставил дворника везти в порт на тачке свои пожитки. Пока чемоданы на палубу перетаскивали, пароход поспешно отошел. Так и увезли беднягу во Францию. Что уж там стало с ним, не известно. Горе, конечно: тут ведь семья осталась, дети... Давно это было, да свежо в памяти. Я ведь тогда еще совсем молодым был, а сейчас уж можно бы выходить на пенсию. Можно, да не иду. Куда я без порта денусь? Тут мой дед работал, потом отец. И сам я больше сорока лет на этих причалах. Совесть вроде бы и чиста, даже смена есть: сын и дочь инженерами в порту работают. И здоровье понемногу сдает, но есть опыт.

А работы хоть отбавляй — такой размах, столько грузов идет во все концы Земли! Как тут уйдешь?

Вы с Олегом Томасом поговорите. Тоже потомственный портовик, пусть он вам о сегодняшнем дне расскажет. Это его эпоха. Ему еще тридцать лет, а уж три года работает заместителем начальника порта. Одним словом, отдаем будущее в руки молодых.

Беседую с Томасом, переходя с причала на причал. Все площадки забиты грузами — ящики с промыш-

Ы НОВЫЙ МИР ПОСТРОИЛИ!

ленным оборудованием, машины, механизмы, металл. У одного причала грузится теплоход «Лесозаводск» — идет в Индонезию и Северный Вьетнам, у другого корма к корме два корабля — индийский и турецкий.

— Кто только у нас не бывает! — говорит Олег.— За прошлый год порт обработал суда под пятьюдесятью четырьмя национальными флагами. Вся эта техника, что вы здесь видите, идет на экспорт. Мы страна крупной промышленности, и здесь, на причалах нашего порта, это ощущается, так сказать, зримо.

Грузооборот по сравнению с довоенным у нас вырос в пять с половиной раз. Сейчас в Одессе создан еще один порт — Ильичевск. Пройдет немного времени, и он станет больше ныне действующего. Ведь объем внешней торговли все время увеличивается.

— Это промышленное оборудование идет в Болгарию.— говорит заместитель начальника порта О. Томас.

СУДЬБА ЗЕМЛИ И СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

ЕКАТЕРИНОСЛАВ, 17 МАРТА. Комиссия, обследовавшая Гришинский угольный район, докладывает: «Наличный запас угля 380 000 пудов. Принята цифра ежедневной погрузки в 75 вагонов. Финансовое положение рудников стесненное. Многие рудники уплатили рабочим только по первое декабря. Снабжение рудников продовольствием, обувью и одеждой обстоит неважно. Рудники не обеспечены лесными, смазочными, осветительными, взрывчатыми и техническими материалами. Для организации решено в Гришине устроить Отдел Народного Хозяйства.

Нет теперь в Донбассе Гришинского района. Много лет прошло, история дала новое название району — Красноармейский.

Что там, как живет сейчас бывший Гришинский район? Что пишут о нем в газетах? Перелистываем последние номера районной газеты «Новый Донбасс».

Что волнует людей в шахтерском районе? Ответ на этот вопрос, быть может, на первый взгляд покажется неожиданным: волнует кукуруза. Есть в редакции местной газеты специальный штаб, который не спускает глаз с «королевы полей». Лозунг у штаба такой: «Прицел на 60!» — это значит 60 центнеров кукурузного зерна с гектара. Прицел отличный!

Вот как изменился ныне Донбасс — теперь слава его куется не только под землей, но и на земле.

Меняется судьба земли, меняются людские судьбы. Интересно сложилась жизнь у Виктора Лузина, у человека, который всегда хочет быть там, где трудно и где нужны его крепкие руки. Однажды, как раз перед демобилизацией из армии, прочел он в газете статью, критиковали в ней одну шахту. Прочел и решил, что нужно идти работать именно на эту отстающую шахту. Пошел и работал от души.

Но после январского Пленума ЦК КПСС изменил Лузин своей привязанности. Сейчас он доярв колхозе «Победа».

А уголь... Уголь идет на-гора́. Только счет ему теперь другой — не на пуды и вагоны, а на тонны и эшелоны. Шахта № 1 «Центральная», та самая, в которой 2 200 горняков учатся в институтах, техникумах и школах, в прошлом году дала более 95 тысяч тонн сверхпланового топлива; за первое полугодие этого года красноармейские горняки отправили 45 эшелонов угля сверх плана.

Вот о чем пишут газеты в бывшем Гришинском районе.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДОМ

...Дом № 12 на Рождественском бульваре. Из окон виден бульвар — деревья и скамейки. На скамейках — молодые мамаши с беспокойными карапузами и пенсионеры с газетами. На одной скамейке — сразу три поколения. Даже скамейки исторические. А дом тем более.

Жил здесь когда-то брат знаменитого Д. И. Фонвизина, позже собирались декабристы. Тут их и арестовали — на Рождественском бульваре. А в конце прошлого века обосновалась здесь Н. Ф. фон Мекк, богатая вдова железнодорожного дельца. Известна она тем, что дружила с П. И. Чайковским. Историки говорят, что вдова никогда не встречалась с великим композитором, зато вела с ним оживленную переписку, так что с музыкой этот дом на Рождественском бульваре связан давно. В одном письме Петр Ильич писал Н. Ф. фон Мекк: «Мы переживаем критическую эпоху, и бог знает, чем все это кончится».

Дело кончилось революцией, и в особняк ребятишки пришли на музыкальную беседу. Наверное, упоминали там имя великого композитора, который слал письма в этот самый особняк.

ОТД. НАР. ПРОСВ. ГОР. Р. уведомляет, что 18 марта в 4 часа дня на Рождественском бульв., 12, ком. 6, музыкальная беседа, на каковую приглашается прислать по одному представителю от школьного совета и от учащихся.

А сейчас за один день писем сюда приходит столько, сколько богатая вдова едва ли получала за год. Хозяин старого особняка — генеральный правительственный комиссар Всемирной выставки 1967 года в Москве. Выставка откроется не скоро, но дел уже сейчас, что называется, по горло: на столах многочисленные эскизы, чертежи и... письма.

О чем в них пишут?

Инженер Т. М. Пирогов из Барнаула предлагает соорудить на выставке космический планетарий; М. С. Житков из Киева беспокоится о гостях — надо бы издать для них специальные учебники русского языка; С. М. Белик из Винницкой области советует воспроизвести в натуральную величину дореволюционную русскую деревню — пусть иностранцы знают, с чего мы начинали; Гейнц Кульбе из ГДР прислал свой проект главного входа на выставку — по его мнению, там должна стоять громадная стальная опора, увенчанная спутником.

Говорят, архитектура — это застывшая музыка. Если так, то в доме на Рождественском бульваре я увидел наброски будущей величественной симфонии, название которой «Прогресс и мир» (таков девиз выставки).

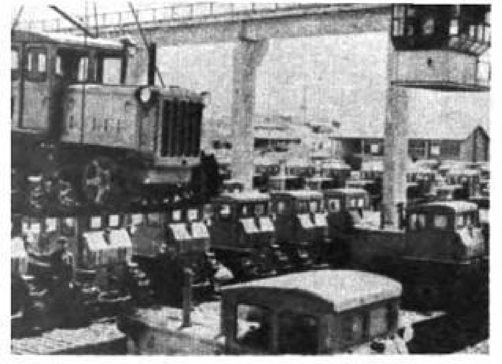
А в соседнем дворе частенько мальчишки разучивают гаммы — домовый комитет организовал кружок аккордеонистов. Ребята очень любят музыку...

Архитекторы С. Земцов (слева), Н. Иванов и инженер-строитель И. Бургман над Генеральным планом Всемирной выставки в Москве.

В подготовке материалов принимали участие А. Кикнадзе, Ю. Кривоносов, О. Куприн, И. Летичева, Я. Милецкий, В. Пролеткин.

Фото В. Джейранова, Б. Клипиницера, Ю. Кривоносова, М. Начинкина, И. Пительмана.

На снимках:

Хорошо зарекомендовали себя на полях Китая тракторы, изготовленные Лоянским заводом.

Первая книжка.

Богатый урожай собран в нынешнем году на полях госхоза «Дружба».

Фото агентства Синьхуа.

1 октября — двенадцатая годовщина провозглашения Китайской Народной Республики.

Бэйдахуан

В. КАССИС

Трудно передать те ощущения, которые испытываешь, приезжая впервые в необжитой, пустынный край. Необычная тишина над безлюдными просторами и что-то чужое, неведомое порождает тревожное чувство одиночества. Невольно следишь за случайно залетевшей сюда птицей; даже полевой суслик воспринимается как-то по-иному — он оживляет печальную картину девственной пустоши.

Так было и со мной, когда в ноябре 1954 года я приехал в ковыльные степи Бэйдахуана — обширной пустоши Китайской Народной Республики. Эти места лежат в провинции Хэйлунцзян, граничащей с Советским Союзом.

Куда ни бросишь взор — всюду степь да степь, лишь кое-где перебитая невысокими холмами. По ней разлита чуткая дрема. В те минуты не верилось, что на этих местах забурлит жизнь, что степной ветер будет ласкать не седой ковыль, а тучные нивы. Но вышло именно так...

В 1954 году Никита Сергеевич Хрущев, возглавлявший правительственную делегацию Советского Союза на торжествах по случаю пятой годовщины со дня провозглашения КНР, подарил от имени правительства СССР народу братского Китая машины и оборудование для оснащения крупного госхоза. Это было в октябре 1954 года. А уже в следующем месяце в КНР стала прибывать техника и начали приезжать советские специалисты по освоению целинных земель, чтобы передать китайским товарищам свой богатый опыт и знания.

По решению правительства госхоз намечали создать в Бэйдахуане. Первое в народном Китае высокомеханизированное государственное зерновое хозяйство получило название «Дружба». Ведь именно это слово определяет взаимоотношения народов нашей страны и Китая.

Вспоминаются первые дни госхоза. В хмурые осенние дни в степь пошли «газики», грузовики. Один за другим они доставляли сюда и молодых китайских специалистов, тех, кто недавно окончил школы и вузы страны, и кадровых работников партии китайских коммунистов, прошедших горнило освободительной войны, закаленных в боях за победу революции.

И вот в одно зябкое утро у высокой мачты с государственным флагом Китайской Народной Республики рядом с ними встали советские специалисты. На месте будущего зернограда был вбит первый разметочный кол. С той памятной минуты началось наступление на целинные просторы.

Известие о создании госхоза в провинции Хэйлунцзян быстро облетело всю страну. В штаб, который расположился в небольшой деревушке, приходили десятки поздравительных писем первым поселенцам, а вслед за ними начали поступать письма от молодежи, пожелавшей стать рабочими и служащими госхоза. Из Пекина и Харбина, Гуанчжоу и Нанкина молодые добровольцы писали о своем горячем стремлении принять участие в подъеме целинных земель своей родины.

Особенно большое оживление царило тогда в Восточно-китайской школе механизаторов. В отделе по учету кадров надрывно звенел телефон Учащиеся в коридорах обсуждали свою судьбу, связывая ее с желанной работой в первом госхозе. Многие из них переходили на краткосрочный курс, чтобы быстрее сесть за штурвал трактора и повести машину по просторам земли госхоза «Дружба».

В первые списки будущих целинников вошли молодые супруги Ши Цзе-минь и Чжу Сяо-си, бывший партизан Гу Фэй-сюн и другие товарищи. Через несколько дней тридцать новоселов, проделав длинный путь, с веселыми песнями шагали навстречу новой жизни по заснеженным улицам железнодорожной станции Фулитунь.

А на пристанционные пути Фулитуня каждый день прибывали новые составы. Не успевали новоселы выгрузить с платформ тракторы «ДТ-54», как уже поступали цистерны с горючим, сеялки, пятикорпусные плуги, копнители, комбайны, бороны, культиваторы, лущильники. На машинах стояла марка «Сделано в СССР». И, как мне рассказывали в те дни целинники, эта марка придавала им уверенность в окончательном успехе начатого дела, в победе над целиной. Ведь за этой маркой стояли советские люди, которые с огромной любовью и старанием на заводах создавали технику, зная, что она предназначена для китайских друзей.

Когда я сегодня читаю сообщения, которые приходят из прославленного на всю страну госхоза, мне невольно приходят на память слова советского специалиста Николая Сергеевича Маслова. Однажды, когда мы бродили с ним по угодьям госхоза, он вдруг спросил: «Знаете, о чем я думаю? Приехать бы в эти края лет через пять-шесть, посмотреть, что будет сделано. Нет сомнения, планы большие и нелегкие. Но я уверен, что китайским товарищам они по плечу».

1 мая 1955 года сто тракторов «ДТ-54» вышли на покорение бэйдахуанской целины. Первый трактор вела девушка-трактористка Ли Ай-лин. За сорок дней механизаторы подняли 23 400 гектаров земель. Таких темпов не знал Китай за всю свою многовековую историю. Ударным трудом пяти тысяч новоселов уже в первом году на целине был выращен хороший урожай пшеницы и сои.

За минувшие шесть лет посевные площади госхоза выросли до пятидесяти тысяч гектаров. На фермах госхоза содержится пятьдесят тысяч свиней, две тысячи коров, более двухсот тысяч голов птицы. Госхоз «Дружба» стал высокорентабельным хозяйством, ежегодно приносящим государству большую прибыль.

Правительство КНР возложило на государственное хозяйство «Дружба» задачи по выращиванию улучшенных сортов зерновых и масличных культур, по разведению племенного скота. Люди успешно справляются с порученным делом, борются за лучшие показатели.

Трудно уже узнать и те места, где шесть лет назад пролегла первая борозда. Работники госхоза распрощались с временными жилищами. Каменные дома, детские сады, ясли, общественные столовые, клубы — вот что такое сегодня бывший Бэйдахуан.

Для желающих повышать свои знания открыто отделение сельскохозяйственного института, техникум механизации сельского хозяйства, четыре средних и 73 начальных школы, в которых обучается более десяти тысяч ребятишек.

Первое механизированное хозяйство Китая «Дружба» стало подлинной школой механизаторов и целинников. В нем прошли практику за шесть лет более шести тысяч специалистов из Синьцзяна, с острова Хайнань, из провинции Цзянси и других районов страны.

Опыт освоения целины в Советском Союзе успешно внедряется теперь в горных долинах Тибета и Цинхая, в Фуцзяни и Синьцзяне. В республике создано министерство госхозов и освоения целины. В его ведении находится около 2,5 тысячи государственных хозяйств из четырех тысяч, имеющихся в КНР.

Год от года госхозы Китая приобретают все больший удельный вес в производстве продуктов сельского хозяйства. Они обеспечивают крестьян сортовыми семенами, помогают выводить лучшие, племенные породы скота.

Госхоз «Дружба» был пионером в освоении целинных земель Китая. Он продолжает оставаться знаменосцем социалистической перестройки сельского хозяйства Китайской Народной Республики.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ-ПАТРИОТА

25 сентября китайский народ и все прогрессивное человечество отметили 80-летие со дня рождения выдающегося сына Китая Лу Синя.

«Лу Синь был великим борцом и великим писателем китайского народа, одним из тех пионеров, которые будили китайский народ, звали его к борьбе против империализма, феодализма и бюрократического капитала, одним из тех, кто увидел столбовую дорогу спасения Китая после того, как орудийные залпы Великой Октябрьской революции донесли до Китая марксизм»,— заявил на торжественном собрании общественности Пекина председатель Союза китайских писателей Мао Дунь.

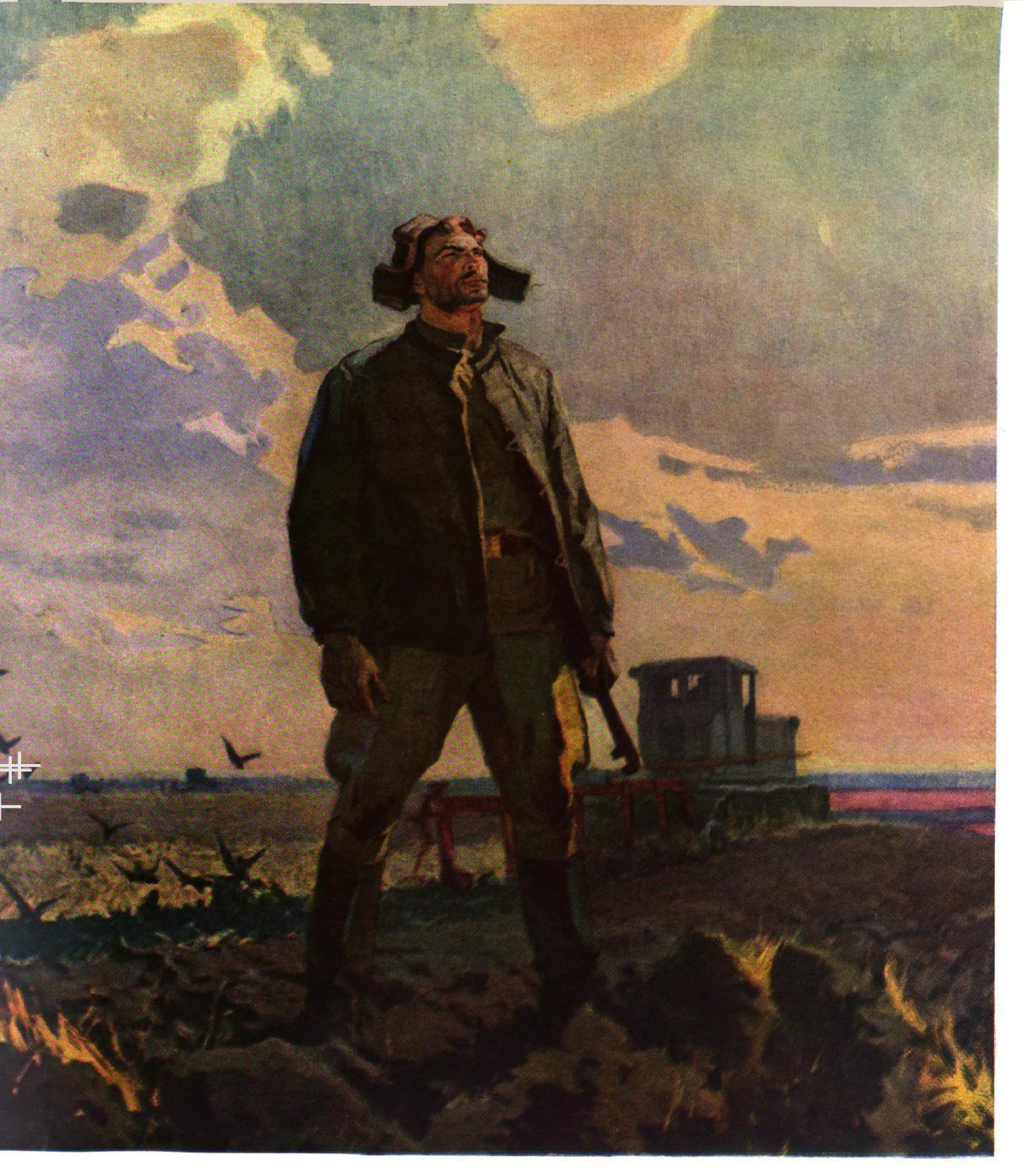
Торжественный вечер, посвященный памяти Лу Синя, состоялся в Москве.

Н. Л. Бабасюк. КИРОВЦЫ.

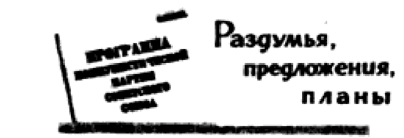
А. А. Попов. ПОРТОВИКИ.

«Огонек».

Г. С. Васецкий. К МИРНОМУ ТРУДУ.

С ХУДОЖНИКА ВСЕГДА СПРОСИТСЯ

Раздумья, предложения, планы

Только что закончилось заседание Художественного совета Театра имени Евг. Вахтангова.
Сегодня разговор шел о работе подшефных театров — Северо-Казахстанского областного драматического и Волоколамского народного.
Слева направо: Н. Гриценко, руководитель Народного Волоколамского театра С. Уральский, А. Граве, И. Толчанов, Л. Пашкова, Е. Симонов, Р. Симонов и главный режиссер Северо-Казахстанского областного драматического театра Г. Пушкарев.

Фото М. Савина.

Рубен СИМОНОВ,
народный артист СССР

Когда я читаю проект Программы КПСС, естественно, как каждый гражданин Советского Союза, я прежде всего думаю о тех задачах, которые стоят перед людьми моей профессии — работниками искусства. Что требуют от нас партия и народ и готовы ли мы к этому?

Мне думается, что наши великие учителя К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, Е. Б. Вахтангов в свое время предвидели возникновение этих задач, предсказывали их и готовили нас к ним. Наша действительность как бы конкретизировала чаяния и мечты лучших людей прошлого.

Мое поколение актеров и режиссеров пришло в театр в сложные и бурные годы Великой Октябрьской революции, когда художники — вместе со всей интеллигенцией — определяли свое отношение к революции, свое место в ней.

И вот в те годы, когда некоторые художники колебались в определении своей позиции, Евгений Багратионович Вахтангов, которому критики приписывали все существующие «измы», считая его то формалистом, то экспрессионистом, то импрессионистом, написал статью «С художника спросится». Художник должен творить вместе с народом, творящим революцию. Народ — Антеева земля актера. Все истинно великое, создаваемое художником, обязательно подслушано в сердце народа.

Так указал нам Вахтангов основное предназначение актера. Так преподал основу основ актерской мудрости. И мы, большая плеяда его учеников, с этими заветами вошли в искусство, с ними прошли весь свой путь. И, по правде говоря, вся наша творческая жизнь, все нами сделанное проверяется этой формулой.

Да, с художника всегда спросится...

Сейчас, когда позади большой творческий путь, понимаешь, что жизнь была радостной, насыщенной, приносила удовлетворение, когда ты был верен Антеевой земле, был **современным** художником. И видишь, что тебя постигали горести и неудачи, когда почему-либо, увлекшись не существом, а деталями, ты разменивал свою фантазию, сердце и чувство на периферийные явления, не имеющие значения для искусства, отрывался от земли и, превращая театр в самоцель, уходил от высокого назначения искусства.

У нас сейчас молодежь, особенно в кино, порой в поисках выразительности увлекается деталями, забывая о том, что́ собственно до́лжно выражать. Я не знаю более яркого, выразительного и театрального режиссера, чем Вахтангов: он мог в процессе работы подсказать актеру уйму превосходных деталей, но к премьере он сам же умел безжалостно их отсекать, оставляя только необходимые. Это и есть поиски подлинной выразительности, когда художник ищет наиболее свежие, убедительные, новые средства, чтобы донести до зрителя особенность данного автора, данной пьесы, данной роли, **в данный момент**.

Я не случайно выделил эти слова, ибо они определяют самое главное, что свойственно было Вахтангову, что завещал он нам, — острое чувство современности.

Я помню, Борис Васильевич Щукин репетировал роль Павла в «Виринее» Л. Сейфуллиной. У Щукина долго не получался образ, и он сокрушенно говорил: «Не знаю, как этого солдата играть!» «Подумаешь, какой граф!» — иронизировали некоторые актеры, зная, что Щукин еще недавно сам был солдатом и провел войну в окопах. Но художнику одних воспоминаний было недостаточно. Требовательный, пытливый актер не определил еще для себя, как играть именно данного солдата, в данной пьесе, в данный момент. Он думал над тем, что́ именно нужно сейчас сказать зрителю этой ролью.

Время диктует художнику и прочтение и форму. И многие наши промахи идут от пренебрежения простой, но бесспорной истиной: не театр для нас, а мы для театра. Театр же — для народа.

Но чувство современности ни в коем случае нельзя подменять понятием моды, чем грешат порой некоторые наши молодые художники. Чувство современности живет в душе художника, когда он в сегодняшнем видит черты нарождающегося завтра; когда он делает своими героями лучших, передовых людей общества и, равняясь на них, зовет к этому остальных.

Воспевая людей, которые уже сегодня сделали моральный кодекс коммунистического общества своим жизненным кредо, театр, его спектакли, образы, созданные актерами, становятся маяками для зрителей.

Но для того, чтобы быть в первых рядах агитаторов, борцов за моральный кодекс коммуниста, прежде всего надо самим — и не в будущем, а сейчас — во всем следовать кодексу, сделать его основой своей жизни. Как же может художник вести и воспитывать людей, не осознав, куда и зачем!

А ведь случается, и не так уж редко, что идет спектакль, идея в нем верная, передовая, нужная зрителю, а люди равнодушно сидят в зале и уходят равнодушными. Что же произошло? А вот что. Создатели спектакля понимают своевременность разговора на эту тему, понимают, но не чувствуют. Значит, они не эмоциональны, не лиричны в восприятии и передаче этих мыслей. А равнодушным в искусстве быть нельзя. Творчество не терпит неискренности, приспособленчества, самообмана. В искусстве можно говорить только о том, что тебя лично интересует и волнует, но вот что именно волнует,— в этом-то как раз и сказывается партийное лицо художника.

Я вспоминаю работу Бориса Васильевича Щукина над ролью Егора Булычова. Нечего говорить, что роль и пьеса настолько объемны, что трактовать их можно было очень по-разному. Я знаю актеров, которым больше всего импонировала в Булычове его жизненная сила, противостояние физической смерти. Что же, это тоже вполне заслуживает уважения. Но для Щукина, актера-гражданина, главным в то время было показать историческую смерть класса, обреченность даже лучших его представителей. «Не на той улице я родился» — вот трагедия Булычова. Эта трактовка роли создавала спектакль совершенно иного масштаба и говорила о Щукине как о художнике, остро чувствующем современность. Но если бы режиссер заранее предложил актеру сказать со сцены о неизбежной исторической гибели буржуазии как класса, актер, наверное, отказался бы от такого задания, справедливо заметив, что он не пропагандист. Такова уж природа актера. Он действует в образе и обращается к чувствам людей. Сцена не кафедра. И засушить театр не менее опасно, чем увлекаться всякими «измами» в ущерб идее. Если зритель на спектакле не плачет, не смеется, не сопереживает, — это не театр!

У нашего зрителя запросы большие и разнообразные; год от года они углубляются и расширяются. Недаром в проекте Программы КПСС говорится о многообразии искусства: оно обязательно. В театре обязательны трагедия и драма, комедия и водевиль. Обязательно индивидуальное, оригинальное их решение.

Сейчас в искусстве сцены нивелировки почти нет. Театр Маяковского вы всегда отличите от Театра имени Моссовета, Малый — от МХАТа. Спектакль Товстоногова вы не спутаете с постановкой Вивьена, а режиссерская работа Ильинского нисколько не похожа на спектакль Акимова. Только таким многообразным может быть театр. Иначе зритель ходить в него не будет, а театр без зрителя — все равно, что русло высохшей реки.

Чем дальше будет развиваться жизнь, тем мажорнее и величественнее будут наши спектакли. Но это не значит, что величественные зрелища симфонического плана, с хорами, большими коллективами действующих актеров — единственная форма театра коммунизма. Будут процветать трагедия и высокая комедия. Сохранятся и современные сценические формы и маленькие студии для экспериментальных работ. Поэтому сейчас животрепещущей и неотложной становится проблема насыщения театра будущего высокими образцами искусства, проблема воспитания такого актера, который мог бы играть и трагедию, и комедию, и психологическую драму...

К сожалению, большинство нашей молодежи к этому не подготовлено. И в этом наша вина. Над нами все еще тяготеют традиции школы, которая воспитывала актера интимного психологического театра. А кто же будет играть трагедии и высокие комедии? Жизнь идет вперед, современность становится разнообразней и требует в каждом случае своего выражения. Услышать биение жизни, найти актера сегодняшнего дня — его стиль, манеру, приемы — задача нелегкая, но безотлагательная.

Сейчас, когда каждый советский человек рапортует народу, партии о своих достижениях, есть что сказать и нам, советским художникам. Но, рапортуя о сегодняшних достижениях, мы всегда — так уж у нас повелось — говорим о планах и перспективах. Ведь то, что вчера было достижением, завтра — норма. И вот нашему поколению актеров, режиссеров, принявших знамя театрального искусства от Станиславского, Немировича-Данченко, Вахтангова, сейчас предстоит ответственная задача — передать его молодежи — художникам будущего. Но передать не как музейную реликвию, а завещая всегда помнить о главном, присущем этим художникам — чувстве современности, умении предугадать будущее, помнить, что с художника всегда спросится.

Что их ждет

Памфлет

Андре ВЮРМСЕР

Империализм вступил в период заката и гибели.

(Из проекта Программы КПСС.)

Они удобно расположились вокруг стола. Это были всё люди важные и степенные. Как вы сейчас увидите, ничего веселого в этом собрании не было.

Председательствующим на собрании был человек, которого можно было бы назвать профессионалом. Его профессия состояла именно в том, чтобы быть председателем. Он числился председателем четырехсот восьмидесяти трех правлений в семнадцати акционерных обществах и их филиалах. Он имел также ранг председателя Международного совета предпринимателей или, может быть, Совета международных предпринимателей и, кажется, был председателем еще чего-то. Всю свою жизнь он был председателем. Эту профессию он унаследовал от отца, который тоже был председателем, правда, только двухсот одиннадцати правлений. И жена у него была дочерью председателя.

— Господа, — сказал он важно, как и подобает человеку, занимающему такое положение, — вы все, конечно, знакомы с программой советских коммунистов. Нет необходимости подчеркивать, сколько причин беспокойства содержит она для нас, для наших семей и для тех, кого мы любим, то есть для цивилизации. Я решил, что нам необходимо обменяться мнениями, если мы хотим достойно встретить эту угрозу. Я буду счастлив, если каждый из вас выскажет свои соображения.

Кто-то кашлянул. Это был пятидесятилетний человек, обремененный титулом, может быть, герцог, по крайней мере граф, один из наиболее знатных представителей правящего класса. Правящий класс во Франции не так уж аристократичен. Сыновья аристократов женились на дочерях промышленников, наследницах банкиров, на женщинах из неименитых семей, но чьи отцы были королями шелка и туалетной бумаги.

Герцог, который кашлял, чтобы прочистить горло, возглавлял один-единственный совет директоров, но какой совет! Совет самой важной военной компании, который он называл с большим волнением «нашей дорогой родиной».

— Господа! — сказал он. — Самое ужасное то, что я должен согласиться с этой ужасной программой. Главный вопрос нашего времени, утверждает она,— это вопрос о войне и мире. Следовательно, наше контрнаступление должно вестись именно по этому пункту. Нам нужно с негодованием отвергнуть невыносимую угрозу Советского Союза подписать мирный договор с Германией. Нам нужно ответить на эти провокации увеличением нашего вооружения. Только это может обеспечить полную безопасность наших благородных учреждений. Пушки, пушки и еще раз пушки — только это спасет вас, меня, наших друзей, наши семьи, тех, кого мы любим, то есть нашу цивилизацию.

— Вы правы, — вымолвил председатель.

— Но, — сказал некто из присутствующих с сильным американским акцентом, — мы живем во времена недоверия. Трудно убедить наших современников, что мирный договор — это военный акт. И особенно, исключительно трудно помешать людям думать, что колоссальная программа, которая требует немалых усилий для своего выполнения, может сочетаться с планами атомных бомбардировок. Но, конечно, я одобряю меры вооружения, предложенные нашим коллегой. Они необходимы для нашего процветания. Однако их надо проводить осторожно. И как можно скорее заострить нашу пропаганду на угрозе советской агрессии, в которую, к сожалению, никто не верит, особенно с тех пор, как появилась эта опасная программа.

— И это правильно, — сказал председатель. — Следующий.

Следующим был банкир. Он контролировал большое число монополий, которые объединяли ремесленные предприятия, а также множество магазинов с массой филиалов, объединяющих мелких лавочников. Он финансировал переоборудование многих заводов, которое повлекло за собой массовые увольнения. Чтобы выдержать конкуренцию на «общем рынке», участником которого был этот банкир, он требовал повысить производительность труда. Это вызвало несколько прискорбных инцидентов; один из них стоил жизни многим рабочим. Банкир недавно выстроил роскошное здание для своего банка. Для этого пришлось снести много маленьких домов, обитатели которых были выброшены на улицу.

Он говорил в добродушной, простонародной манере. Он был очень сердечен со своим камердинером. Благодаря этим крупным добродетелям он имел солидную репутацию «столпа общества».

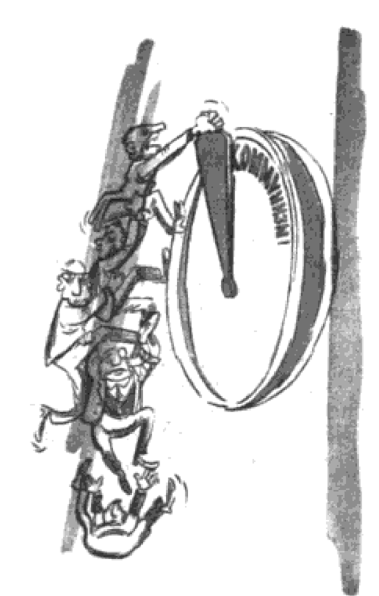
— Братцы мои, — сказал он, — в старых горшках готовится лучший суп. Будем продолжать двигаться по нашему старому пути. Свобода — вот наша испытанная боевая лошадь. У нас семнадцать политических партий, из которых шестнадцать похожи друг на друга, как близнецы; наши газеты болтают все, что приходит в голову журналистам, исключая лишь то, что затрагивает интересы наших семей, наших друзей и тех, кого мы любим, то есть нашей цивилизации. Мы свободные люди.

Любой мальчишка-лифтер должен знать, что только от него самого зависит стать одним из директоров компании, как мы. Неужели же он захочет отказаться от такого изумительного будущего ради нелепостей мрачного уравнительного общества?

— Очень разумно, — ехидно произнес председатель.— Но этот довод утрачивает большую часть своей силы для тех, кто познакомился с советской программой. Говорите сколько угодно вашим рабочим, что они свободны обедать в роскошных ресторанах, как и мы. Они же будут думать, что польза от бесплатного обеда в заводской столовой более ощутима. Уверяйте своих служащих, что они вольны основать восемнадцатую политическую партию, а они будут думать, что ясли и детский сад, бесплатное обучение их детей — более осязаемые преимущества. Попробуйте убедить своих квартиросъемщиков, что повышение квартирной платы — просто неприятный эпизод, не имеющий никакой связи со священными принципами свободы и демократии. Но они будут думать, что бесплатная квартира в новом доме гораздо лучше. Вы сможете посулить мальчишке, который поднимает вас на лифте, что ему ничто не мешает приобрести зáмок в Турени. Он же будет думать, что в обществе, где фамильные зáмки стали бы домами отдыха, его судьба сложилась бы лучше. Кто следующий?

Следующим был промышленник. Он был также владельцем крупного еженедельника. Может быть, это был Пруво — король шерсти и владелец «Фигаро». А может быть, Буссак, который является королем хлопка и хозяином «Орор». Или Дассо, который делает самолеты и «Пари-пресс». Во всяком случае, наш промышленник был похож на них.

— Посмотрим фактам прямо в глаза, — произнес он мрачно. — Если эта программа осуществится, наше дело проиграно. Поэтому мы должны поддерживать такое мнение, что эта программа — просто бред, что СССР никогда не достигнет уровня, намеченного в программе. В конце концов что мы делали во времена первого пятилетнего плана? Мы предсказали его крах. План был перевыполнен, но разве от этого меньше читают наши газеты? Что мы делали во время гитлеровской войны? Мы предсказали разгром Красной Армии. Она победила, но мы все-таки остались хозяевами, по крайней мере у себя в стране. Итак, даже если новая программа будет выполнена, мы станем черпать в советской прессе критику их недостатков и трубить, что этот режим плох. Какова наша цель? Победить? Нет! Оттянуть время!!! Мы можем выиграть двадцать, может быть, тридцать лет.

— Это было бы не так уж плохо, — сказал аристократ, фабрикант оружия. — Но вряд ли нам поверят. Ваша газета твердила о варварстве, а Советы строили университеты. Вы говорили об отсталости, а они послали в космос Гагарина и Титова. Читатели теперь будут охотнее верить советским людям, которые всегда держали свое слово, чем вашей газете, которая им всегда лгала. О, я понимаю, что это была святая ложь! Вы лгали во имя интересов каждого из нас, наших семей, наших друзей, наших возлюбленных, то есть во имя цивилизации. Но все-таки вы лгали. Я вам, право же, не советую идти по этому пути.

— Правильно! — с отчаянием воскликнул председатель. — Кто еще?

Следующим был снова тот самый некто с американским акцентом, который опроверг герцога.

— Никто из вас, мне кажется, не понял, где наша лучшая линия обороны, господа! Этот проклятый план гласит: двадцать лет! Конечно, он будет выполняться постепенно. Конечно, каждый день будет шагом вперед. Но Советы имели несчастье сказать: двадцать лет! Будем напирать на это. Представим дело так, что за эти двадцать лет ничего не должно улучшиться и что вся программа должна быть выполнена, как по волшебству, в один день, но только в 1980 году. Только! Вы понимаете?

И снова вмешался банкир:

— Чтобы осуществить свою ужасную программу, русским надо, чтобы их производство обогнало производство вашей страны. Но ваше производство за океаном использует лишь половину своих возможностей. Значит, вам было бы легко — слышите, легко! — всего за несколько лет достичь тех цифр, которые красные наметили в своей программе.

— Это свидетельствует о нашем превосходстве в настоящее время, — гордо возразил американец. — У нас есть не только шесть миллионов безработных, но и миллионеры.

— Это верно, — оживился председатель.— Следующий!

Следующим был человек в длинном плаще, представитель церкви. Он говорил медленно и слащаво.

— Мои возлюбленные братья,— сказал он, — я вас внимательно слушал. Вы выражали пожелание приписать коммунистам воинственные намерения. Но если бы вы проникли на какое-нибудь публичное собрание и оратор воскликнул бы в этот момент: «Да здравствует мир!» — что бы вы подумали?

— Что он коммунист, — сказал герцог.

— Вы думаете, вы один примете его за коммуниста? Особенно с тех пор, как появилась эта поистине дьявольская программа! А если бы вы проникли на какое-нибудь публичное собрание и оратор воскликнул бы в этот момент: «Да здравствует свобода!» — вы приняли бы его за члена нашего правительства? Увы, нет, вы сказали бы себе, что это...

— ...коммунист, — сказал банкир.

— Вы думаете, что только вы сочли бы его коммунистом? Нет. Если бы вы оказались на каком-нибудь публичном собрании и оратор говорил бы в этот момент: «Это мы сказали правду об Октябрьской революции, о пятилетних планах, о советской науке»,— какое бы вы сделали заключение?

— Что это коммунист,— сказал промышленник.

— А если бы вы проникли на международное совещание в момент, когда руководитель одной из двух великих держав произнес: «Что касается нас, мы живем сегодня лучше, чем вчера, а завтра будем жить еще лучше»,— как бы вы его назвали — Кеннеди или Хрущев?

— Хрущев,— сказал американец.

— Думаете, вы один назовете его? Нет. И особенно с тех пор, как появилась эта адская программа.

— Что же делать? — раздалось сразу несколько встревоженных голосов.

— Напрасно, братья мои во Христе, ищете вы оружие в ваших современных арсеналах. Нужно обратиться к нашим учениям. Они испытаны на протяжении веков. Они на сотни и сотни лет уже задержали прогресс человечества. Наше спасение в средневековом мракобесии! Нужно шепнуть людям: вы поверили в возможность построения общества более справедливого и более гуманного? Полноте! Человек всегда останется зверем. Всегда будут бедняки и спекулянты, обманутые и плуты. Вам, мои возлюбленные братья, нужно проповедовать презрение к человеку, который есть ужасный грешник, как мы ему давно вдалбливаем. Только на этом зиждется наша власть.

— То, что вы предлагаете, приемлемо,— уныло сказал председатель.— Но только тогда, когда люди не знают, как покончить с нищетой, с несправедливостью, избавиться от гнета изнурительного труда. Ваши проповеди поблекнут рядом с законом об отмене квартирной платы, постановлением о сокращении рабочего дня, рядом с мечтами, которые рождает полет космического корабля. Вы учите покорности судьбе, послушанию, презрению к человеку. А они доказывают величие человека, доказывают, что общество может обеспечить ему безопасность, образование, крышу над головой, кусок хлеба, счастливое будущее, наконец! Я держу пари, что вашему наркозу люди предпочтут советский эликсир жизни. Признаемся откровенно, мы можем предложить только полумеры, только временные средства торможения...

— Увы, да,— сказал герцог.

— Увы, да,— сказал банкир.

— А каков же вывод?

Председатель подумал мгновение при почтительном молчании своих коллег, поднял голову и с загробной торжественностью произнес:

— Нам крышка, господа...

Молчание, которое наступило, можно было сравнить с безмолвием затонувшего в океане города, с тишиной мертвой планеты.

Но пока молчат марионетки, мне слышится мелодия будущего, я слышу, как радостно, все громче и счастливей поет мое сердце: «Мы наш, мы новый мир построим!»

М. ГОРЧАКОВ

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

Генерал

Рассказ

В кабинете техноручка Вихрова на колченогом стуле плотно сидел отставной генерал.

Голова у него была круглая, коротко стриженная, пегая от седины. Щеки слегка отвисли. Из-под чесучового кителя выпирало брюшко.

В углу лежало имущество: кожаный баул с двумя «молниями», рюкзак да ружье в чехле. Видимо, генерал был охотником.

Звали его Андрей Антонович.

Удивительнее всего, что он и оказался новым заместителем Вихрова по административно-хозяйственной части.

Шел апрель. На базе экспедиции в хаотическом беспорядке накапливались механизмы. Начальники отрядов, как оперные разбойники, врывались в кабинет Вихрова, швыряли на подоконник береты, потрясали заявками на спальные мешки и оберточную бумагу.

Увидев генерала, начальники затихали, брали со стола графин и начинали пить теплую воду.

Первые два дня генерал сидел у техноручка. К обеду он расстегивал китель, и становился виден седоватый пух на выпуклой груди.

С утра за окном начиналась ленивая перебранка шоферов. Скрипели ворота склада. По двору катали бочки. Приезжие техники несли чемоданы или посреди общего беспорядка играли в шахматы.

В разговорах генерал не участвовал. Взгромоздив на пористый нос очки, он читал прошлогодние геологические отчеты и объяснительные записки к картам.

На третий день он двинулся к хозяйственникам.

В заплеванной тесной комнатке, в табачном дыму ругался и размахивал жилистыми руками завснабжением Головня — худой, длинный, черный человек. Он давно и прочно сорвал голос, теперь разговаривал устоявшимся низким сипом. Перед ним стеной стояли буровые мастера и шоферы.

На полу валялись разноцветные бланки накладных и махорочные «бычки», присыпанные нанесенным со двора песком. Посреди комнаты стоял ощетинившийся гвоздями ящик.

Войдя, генерал с силой распахнул створки окна. В наступившей тишине спросил удивленным басом:

— Что тут у вас?

— Война в Крыму, все в дыму,— сдержанно засмеялся шофер Белинков.

Поискав глазами, генерал углядел за дверью веник, тяжело прошагал через комнату, взял его и, вздохнув, сунул коллектору Редечкину, зашедшему из чистого любопытства.

— Подмети-ка, дорогой, ты вроде всех помоложе...

Поселился генерал в «доме-гостинице» — в маленькой комнате окнами на север.

Утром, стесняясь полноты, он выходил на террасу в трусах и сетке и делал зарядку. Вечером читал книжки про атомную энергию и учебник для вузов «Динамическая геология». При этом пил крепчайший чай, собственноручно заваренный в огнеупорной колбе, и курил сигареты с фильтром.

Вихрову он уважительно сказал:

— Наука у вас интересная. Захватывающая. Вы мне только разобраться в специфике помогите...— Потом задумался на минуту и пробасил: — Ничего. Через полгода я тебе по геологии на любые вопросы отвечу.

Шофер бурового отряда Белинков, видный, смекалистый парень, повадился ходить к генералу в гости — играть в шахматы, курить генеральские сигареты.

— О чем ты хоть толкуешь с ним, Белинков? — спрашивали в гараже.

— Широкий круг вопросов... В общем, делимся фронтовыми воспоминаниями. В войну я его подчиненного возил — командира гвардейского корпуса. А сам-то армией командовал. Считаю, что мы с ним вроде однополчане...— Белинков подмигивал.— Кому чего надо, могу сосватать. Он уже меня и в гости приглашал, в Москву. У него квартирка там, будь спокоен! На Арбате.

Скоропалительная весна пустыни кончилась с первым «афганцем», задувшим с юго-востока со свирепой силой.

На базе дышать стало нечем. Рыжий песок тек в окна, в двери, в каждую щель. У крылец вытягивались космы серых барханчиков.

Осмотревшись, Андрей Антонович первым

делом навел порядок в столовой. Над входом загудел громадный промышленный вентилятор, на окнах появились сетки от мух. И меню зацвело свежими овощами.

Утром он приходил в радиорубку, внимательно прочитывал сводки по бурению: проходка столько-то, глубины скважин такие-то, вязкость, удельный вес глинистого раствора... Он аккуратно подписывал сводки и, вздохнув, нес машинистке для передачи в трест ежедневной телефонограммы.

Иногда на высокой ноте в микрофон кричал начальник какого-либо из дальних отрядов: «полетела» раздаточная коробка, воды на три дня, координаты такие-то...

Генерал оживлялся, тяжело шагал к телефону, звонил в аэропорт. Иногда вылетал сам и обязательно брал ружье. Но, как правило, охоты не получалось. Самолет ждать не мог. За все время удалось подстрелить нескольких зайцев в ближайших окрестностях базы. Зайцы были мелкие, как котята. Поварихи брезгливо сдирали с них тонкие шкуры, жарили зайцев на растительном масле и подавали с зеленым луком вместо закуски.

В июне на базу вернулся Вихров.

Светлые брови и волосы технорука выгорели почти добела, зато лицо, худое, острое, покрылось темно-бронзовым загаром. Из ворота ковбойки торчали сухие ключицы.

Вспрыгнув на подоконник, болтая ногами, Вихров рассказал генералу новости.

— Интересно,— заметил он в конце разговора,— как поработаю в поле, заметно улучшается зрение. Вот, пожалуйста, уже две недели обхожусь без очков!

Андрей Антонович насупился.

— Знаешь, Борис Анатольевич, надо бы мне к буровикам съездить, войти в курс дела. Может, больше пользы от меня будет. Откровенно говоря, заскучал я тут.

За стеной выли на ветру провода, мутный жар тек в зарешеченное окно. Раздражающе бил в ухо резиновый ветер настольного вентилятора.

— Конечно! — с облегчением воскликнул Вихров.— Я и хотел просить вас навести там порядок. Кстати, сможете поохотиться.

Буровики жили на бугре, в хаотически расставленных палатках. На оттяжках радиомачты сохло белье. По лагерю валялись обломки рессор, промасленная ветошь и окурки.

Начальник отряда, косопузый усатый инженер Савушкин, вышел навстречу в длинных трусах, босиком, небритый.

— Милости просим! — сказал он и подтянул резинку.— Надолго в нашу резиденцию?

— Надолго,— неодобрительно сказал Андрей Антонович.

— Поохотиться приехали? Архаров тут гибель!

На горизонте торчали вышки буровых агрегатов. По широкому тракту, разъезженному, как паханая полоса, неслось облако пыли.

— Белинков едет,— сказал Савушкин.— Лихой водитель, но дисциплинка хромает.

Водовозка взлетела на пригорок, вынеслась в самую середину лагеря, резко села на тормоза. Из кабины вывалился цыгановатый Белинков, в трусах и рваной тельняшке. Чуб мотался по глазам. Скуластое лицо было черно не то от загара, не то от грязи.

— Привет начальству! — слишком громко сказал Белинков.

Блеснули крепкие зубы. Явственно потянуло спиртным.

— Опять в Кара-кая был?! — выкатив глаза, закричал Савушкин.— Я тебя больше предупреждать не буду, Белинков! Накачаешь ты себе выговор!

Генерал неожиданно заметил:

— Почему выговор? За пьянство в рабочее время следует увольнять.

Белинков саркастически сплюнул и, подмигнув, вразвалку пошел прочь.

— Никак невозможно,— вздохнул Савушкин. Усатое лицо инженера стало скорбным.— Нет шоферов. Он чувствует, гад, и пользуется. Шантажирует.

Вечером в командирской палатке Андрей Антонович учинил Савушкину разнос по всей форме.

— Не лагерь, а мусорная свалка! Надо не иметь чувства собственного достоинства, чтобы так жить. Коммунисты, комсомольцы есть у вас? Соберите, поговорим.

В результате был организован воскресник. Полдня население лагеря бродило между палатками. Посмеиваясь, люди лениво пинали окурки, волочили куски металла.

— Утренние осмотры будут? — подойдя к Андрею Антоновичу, лукаво спросил коллектор Редечкин.— А также вечерние поверки? Хорошо бы, товарищ генерал. А то к отбою никого не найдешь: в самоволку уходят.

Редечкин был студент третьего курса. В прошлом году ему довелось побывать в военных лагерях, поэтому он знал тонкости воинской службы.

— Ехал бы, что ли, архаров настрелял! — кривя губы, заметил обиженный Белинков.— Генерал без войска!

Шоферы похатывались:

— Прижал тебя однополчанин?! Ты бы с ним фронтовыми воспоминаниями поделился!

Андрей Антонович научил поварих заваривать чай. Устроил политинформацию. Сам доложил международную обстановку.

Ежедневно он ездил по скважинам. Ощупывал столбики керна, недоверчиво рассматривал в лупу окаменелые остатки древних моллюсков.

Во вторник с зарплатой за первую половину июля прилетела кассирша. К вечеру в лагере гремели песни.

Завмаг из Кара-кая, старый, одноглазый иомуд, знал свое дело. В течение двух часов он распродал месячный запас черноголовой водки и плодоягодной мадеры.

— Традиция! — разведя руками, виновато сказал Савушкин.

Инженер сам не очень твердо держался на ногах, на все корки ругал континентальный климат и проклятую технику.

Наутро генерал поехал в Кара-кая, зашел в магазин, и тотчас же навстречу метнулись двое из бурового отряда. Недопитая мадера осталась на подоконнике.

Андрей Антонович выплеснул черную жидкость в окно. Бутылку передал через прилавок завмагу и, внимательно глядя в неподвижное, усмешливое лицо его, кратко сказал:

— Продажу водки нашим людям категорически запрещаю.

— Йок! — вздохнул завмаг.— Такого приказа нет...

— Сейчас будет. Распоряжение Непесова вас устроит? Сейчас будет.

— Что такое «устроит»? — угрюмо спросил завмаг.— Где Непесов, где Кара-кая? Подумай, о чем говоришь, начальник!

Андрей Антонович выглянул в окно. Между кибитками медленно ехала автомашина. На подножке стоял радист с бланком в руке.

Войдя в магазин, радист деловито спросил:

— Мурадов вы будете?

Завмаг молча протянул руку. Желтоватый бланк затрепетал в темных пальцах. Радиограмма была за подписью секретаря райкома и начальника райторготдела.

— Хорошо,— отвернувшись, сказал завмаг. Пригладив редкие усы, стал торопливо снимать бутылки с витрины.

Радист фыркнул и подмигнул генералу.

— Чего уж лучше! Пускай роспись свою поставит, что, мол, ознакомился и принял к исполнению...

И все равно через день Белинков приехал в лагерь совершенно пьяным.

— Привет начальству! — сказал он коснеющим языком.

Машина его фыркала паром у самого входа в генеральскую палатку.

Чуб Белинкова вяло мотался. Глаза были тоскливы и мутны.

— Ну, что ты будешь делать! Экий негодяй!..— сокрушенно сказал Савушкин и подтянул сползающие трусы.

— Завтра моей машиной отправляйте на базу. Рапорт на увольнение я завизирую,— холодно сказал генерал.

— Не могу, Андрей Антоныч! Замены нет. Скважину остановим.

Андрей Антонович открыл дверцу водовозки, выключил зажигание, положил ключ в карман. Лишь после этого неприязненно пробасил:

— Замену Вихров пришлет. А пока сам буду работать.

Покопавшись в бумажнике, Андрей Антонович достал серую книжечку. Это было древнее удостоверение водителя автомашины. Права второго класса.

— Тяжеленько будет,— испуганно сказал Савушкин.— Адская работа. В вашем возрасте...

Андрей Антонович перебил его:

— Кстати, пошлите своего экспедитора, обратным рейсом пусть захватит овощи для столовой.

Наутро отряд, затаившись, следил, как генерал в синей замасленной робе копается в моторе водовозки Белинкова.

Видно было, что ему тяжело. Красный затылок его побагровел. На мясистых плечах трещала спецовка.

Ни на кого не глядя, с выражением упрямой сосредоточенности, Андрей Антонович очищал свечи, копался в карбюраторе, менял масло. Когда он с кряхтением полез под кузов шприцевать, шоферы не выдержали.

— Поможем,— подойдя, сказали они.

— Ладно, сам управлюсь.

Более двух часов возился Андрей Антонович с машиной. Потом сел за руль и поехал.

— Заблудится! — уважительно сказал буровой мастер Чихачев.

— Черта с два! — отозвался радист.— Он эти дороги лучше нас с тобой знает... Говорят, он здесь в двадцатые годы басмачей гонял.

— Ври больше!

Машина ровно пылила вдоль обочины, удаляясь в сторону соленых колодцев.

Четыре дня Андрей Антонович исправно возил к глиномешалкам техническую воду. Ни разу он не заблудился и не стоял, ловя «искру в баллоне». Впрочем, может, было с ним и

такое, но никто этого не видел. На буровые он не опаздывал. Помимо всего, он проложил новую дорогу, в стороне от разъезженной пыльной реки, ведущей по скважинам.

А дороги выматывали душу. По суткам машины ныряли с бугра на бугор, в кабинах клубилась липкая пыль. Моторы беспрерывно перегревались. Ночью фаланги выползали на свет фар, и звезд не было видно сквозь пелену пыли, висевшую над омертвелой равниной.

Каждый раз после смены Андрей Антонович возился и возился с машиной, будто это было задачей его жизни. То он подзаряжал аккумуляторы, то менял треснувшую крестовину кардана, то переставлял баллоны с учетом износа резины. Провода электрооборудования он заменил новенькими, в пластмассе, пожертвованными для такого случая прижимистым радистом.

К вечеру у Андрея Антоновича отекали ноги, набрякшие ладони покрывались ссадинами. Но настроение было боевое.

— Порядок! — задиристо говорил он, сливая на скважине очередную цистерну, и с тяжеловесной стариковской лихостью закуривал сигаретку.

Трехствольное ружье так и висело в палатке в щегольском чехле.

Теперь никто не называл его «товарищ генерал», а Андрей Антоныч. И это нравилось ему. Вечером он отдыхал в холодке, пил чай, перекуривал с буровиками у рации. Постоянно комментировал «Последние известия».

— Генерал Хиггинс? — с усмешкой говорил он про упомянутого по радио американца.— Знаю такого генерала. Маленький такой мужчина. С большим самолюбием. Петушок. Маленький, а заносчивый. Встречался я с ним в Контрольном совете... Вот уж мастак на банкетах речи говорить! Все больше про солдатскую дружбу... Теперь, видишь, другие песни поет. Ишь, кнопку готов нажать, а? Петух... Одно слово — петух.

— Андрей Антоныч, болтают ребята, басмачей вы здесь гоняли, лет тридцать тому назад.

— Было дело... Ну, тогда я еще молодой был. Комвзвода...

— У меня такой вопрос,— сказал буровой мастер Чихачев.— Вот вы Белинкова уволили. Несмотря, что ваш, можно сказать, однополчанин. А сами, Андрей Антоныч, неужто вовсе не пьете?

Генерал усмехнулся. Глаза у него стали хитрые, узкие.

— Отвечаю. Водку пью, но,— он предостерегающе поднял палец,— пью с отвращением. Понятно? И отношения с людьми на бутылке не строю... Так всем и объясните. Пьет, мол, наш генерал водочку не хуже всяких прочих, но с большим отвращением. А пьяных видеть не может. Они, мол, для него, как красное для быка.

Через неделю Андрей Антонович сдал водовозку прибывшему шоферу и собрался в обратный путь.

Машины теперь стояли сзади палаток строго по линии. На мачте полоскался самодельный флаг. И главный признак порядка — за бензиновыми бочками у глубокой помойной ямы громоздились свежие отвалы песка.

Озабоченный Савушкин, держась за дверцу, в который раз перечислял неотложные нужды отряда: запчасти, бензовоз, прицеп, ящики под керн...

— Второй год уже бьемся. Нам бы необходимое, не то что резерв. Кошмар прямо какой-то! То того нет, то другого, из-за шестеренки по нескольку дней стоим. Да что говорить, сами видели... Все на пределе.

Андрей Антонович слушал невнимательно, хмыкал. Вдруг откинулся на сиденье, стиснул пухлую ладонь начальника бурового отряда.

— Ясно. Будь здоров, Савушкин. Мой тебе совет: все же в трусах по лагерю не броди. Непорядок. Дай срок, будет тебе и резерв! А дисциплинку подтягивай. Иначе... Ну, ладно!

Генерал привез на базу дыхание пустыни.

Похудевший, коричневый от загара, он стремительно прошел по служебным помещениям. Бас его победно пророкотал в бухгалтерии, в гараже, в столовой, в камералке.

Всем все было уже известно. Административно-хозяйственный аппарат шумно обсуждал итоги деятельности генерала в буровом отряде. Главбух — старый гриб, видевший все на свете,— сняв очки, сказал своим подчиненным:

— Вот это тот человек. Человек, который наведет здесь порядок... Вы заметили, он понимает почти все, что ему говорят?

Главбух торжествующе сощурился, покрутил арифмометр и высокими прямыми цифрами вывел несокрушимое сальдо.

Целый день бегали за генералом шоферы автомашин, ремонтируемых на базе. Они просили послушать мотор после смены колец и помочь в приобретении дефицитного дизельного масла. Видимо, им просто хотелось поговорить с генералом.

Секретарь-машинистка не разрешала уносить в красный уголок газеты, поступившие с утренней почтой, пока их не прочтет генерал.

Оказалось, что экспедитор склада знает в округе все охотничьи угодья, в любой момент готов приступить к обязанностям егеря, лишь бы генерал пожелал охотиться.

Даже разномастные псы, с высунутыми языками лежащие у столовой, завидев генерала, начинали уважительно возить по пыли войлочными хвостами.

Общему настроению не поддался лишь завснабжением Головня.

Головня пил пиво из пятилитрового термоса. И мрачно сипел:

— Кругом я один. Это не обеспечил, то не обеспечил. Их дело — заявки писать. Давай-давай! Заявки писать — это их дело. Честисовести нет. Вали на Головню — хай у него горб вырастет! Вот какое ихнее дело! Баранку крутить, самодеятельность показывать! Я бы на таких героев посмотрел в совнархозе или в обкоме! Десять тонн обсадки, договор на каротаж, да долотья, да бентонит, да калька — двадцать пять рулонов. Все Головня! Да что говорить! Кому ордена-медали, а нам хоть бы сезон без выговора...

Последние трое суток Головня пропьянствовал в городе с «нужными людьми», существенно подорвав здоровье и понеся немалый материальный ущерб. Но впервые в его снабженческой практике результаты не оправдали затраченных усилий.

Решительный вид генерала, начальственный его бас и легенда о его подвигах в буровом отряде с похмелья были для Головни невыносимы.

Неизвестно, как проведал Андрей Антонович о выпадах Головни. Скорее всего сообщили доброхоты.

Словом, вскоре после прибытия на базу Андрей Антонович вошел к Головне туча тучей. Потребовал сводные заявки и сличительную ведомость по складу. Заявки Головня отдал, а насчет ведомости заметил, что ее следует спрашивать в бухгалтерии.

Андрей Антонович посмотрел Головне прямо в глаза и холодно сказал:

— Завтра двинемся в совнархоз. И в обком партии. Вместе. Ясно?

— Так точно! — неожиданно для себя выпалил Головня.

Впрочем, спохватившись, Головня успел-таки снисходительно пожать костлявыми плечами, сделать сочувствующее лицо и развалиться на стуле.

Почему-то так вышло, что в город их провожала чуть ли не вся база. С ноги на ногу переминался, не решаясь о чем-то спросить, завскладом. Пригорюнилась в окне секретарь-машинистка. Девушки-чертежницы, покинув камералку, болтали с приезжим шофером. Покуривал на крыльце главный бухгалтер. Собаки затеяли у ворот шумную свару.

Андрей Антонович был серьезен, выбрит, благоухал одеколоном. На кителе топорщились пять рядов орденских планок.

Главбух ободряюще махнул сигаретой.

— Ни пуха ни пера, Андрей Антоныч!.. Вы помните наш разговор? Все-таки лучше маленькая рыбка, а? Чем большой таракан!

Генерал засмеялся, закашлялся, покрутил головой и полез в машину.

После Головня взахлеб рассказывал об этой поездке, не упуская живописных деталей и даже, вероятно, многое присочиняя.

Первым делом они двинулись в совнархоз, к начальству, о котором Головня говорил, почтительно понижая голос.

В просторные кабинеты Андрей Антонович входил запросто, как к себе. Расстегивал пуговку кителя, стирал с висков жемчужный пот и с размаху плюхался в кресло.

Головня присаживался поодаль, на край стула. Каждый раз ждал, что выгонят за нахальство. По крайней мере его, Головню. На всякий случай, отвечая на вопросы, старался не дышать вчерашним перегаром.

Но ничего не случилось. Андрей Антонович был хитер. Сперва поминал общих знакомых, фронты, давние охоты. Густо смеялся, пил газированную воду из запотевших графинов. Затем вдруг доверительно излагал ситуацию. Начальство морщилось, как от кислого. Но в голосе генерала появлялся металл. В конце концов генерал жестоко торговался.

Раза три Андрей Антонович поскандалил. Он так насел на полного молодого человека — начальника окса, что тот пообещал жаловаться в обком.

«Эх, черт, испортит мне всю коммерцию!» — с веселым ужасом думал Головня и умиротворяюще жестикулировал за генеральской спиной.

Из совнархоза Андрей Антонович двинулся в дом с колоннами. Прошел в кабинет первого секретаря. Они обнялись и троекратно поцеловались. Это привело Головню в состояние молитвенного экстаза.

Дальнейшие воспоминания снабженца изобиловали столь фантастическими эпизодами, что их уже нельзя было принимать всерьез. Видимо, Головня временно потерял себя на высотах областного Олимпа.

Выходило, что все начальники, выслушав генерала, сейчас же снимали трубки белых телефонов. Поскольку белые телефоны работали безотказно, к вечеру третьего дня Андрей

Творцы «Утренней росы»

Зайдете зимой в магазин шелковых тканей — вам вдруг покажется, что вернулось лето. Это волшебство свершили легкие, как туман, шифоны, яркие, как солнечный луч, марокены, трогательные, как полевые цветы, репсы.

Многие из этих тканей, которые так нравятся вам, сотканы искусными руками работниц Киржачского комбината. Прошлой весной на Всесоюзной выставке текстильных изделий комбинат был награжден премией, получил диплом с отличием и четырнадцать медалей.

Слава киржачских ткачей родилась не сегодня. Еще в петровские времена наезжали сюда купцы скупать у ремесленников товар. Позднее в Киржаче выросла фабрика, затем другая. На их базе в 1932 году был образован шелкокомбинат. Из младенческого возраста комбинат давно уже вышел, но расти продолжает и сейчас: мощность ткацкого производства должна увеличиться на сто тысяч станков, строится новая красильня.

Словом, совсем скоро комбинат будет выпускать в год на четырнадцать миллионов метров тканей больше, чем теперь.

Коллектив комбината решил создать к XXII съезду КПСС новые красивые ткани из искусственного и натурального шелков. Недавно во Владимире на художественном совете совнархоза просматривались эти ткани. Многие из них были одобрены. Скоро наши женщины увидят в магазинах матовую с блестками «Утреннюю росу», белый «Лунник», веселую, как лесная поляна, «Блузочную», черную, с золотыми точками «Уфимку» (легкая и совсем не мнется), репс «Березку» — нежный, как молодая кора...

Л. МЕДВЕДНИКОВА

Киржач.

Антонович «выбил» лимиты на горючее, наряды на неслыханное количество бурового инструмента и запчастей. Заодно договорился об аренде новеньких двух с половиной кубовых цистерн и насчет оптовых закупок продовольствия прямо со складов горторга. Впрочем, последнее было уже не обязательно.

Самое интересное Головня рассказывал в конце.

Из обкома они с генералом, закончив дела, отправились в городской парк — пить пиво.

Вечерело. Жара шла на убыль. Сухой ветер полоскал листья платанов. Ковырялись в песке смуглые ребятишки. На скамьях девы в ситцевых платьях читали книжки.

Из-за поворота аллеи навстречу выкатился маленький квадратный человек в генеральской форме.

Андрей Антонович опустил на его плечо тяжелую руку.

— Гуляев?! Здравствуй, старик!

— Здравствуйте,— спокойно сказал встречный. Коричневые глаза его недоуменно прищурились.

— Ну, ты где? Что поделываешь?

— Здесь... Извините, не припоминаю...

Это было в самом деле очень смешно. Головня прыснул.

Вдруг маленький генерал составил каблуки, как бы даже стал выше ростом, одернул китель и удивленно сказал:

— Андрей Антонович! Здравия желаю! Выглядите, как бог! Что, в Карловых Варах были?

— Нет! Приехал, понимаешь, с поля. С полевых работ. На старости лет заделался геологом... Ну, а ты? На пенсии?

Маленький генерал передернул плечами. Шея его побагровела.

— А, кукую!.. Болезни меня одолели. Вот форму надел; марширую в госпиталь. Пока еще в форме без очереди пускают нашего брата.

Андрей Антонович посмотрел снисходительно.

— Эх ты, бедолага! Познакомься, мой коллега Степан Головня.

Маленький генерал воззрился на Головню, как на привидение.

Головня приосанился, протянул руку.

— Ты слушай, Гуляев, брось валять дурака. Иди к нам, в экспедицию. Ты же боевой генерал! А нам люди сейчас вот как нужны! Давай-давай, запиши телефон. Дома ни с кем не советуйся. Спросишь прямо меня. Или технорука Вихрова. Или вот его, Головню. Он тебя живо к делу приспособит...

Головня от растерянности переложил папку слева направо и обратно. У Андрея Антоновича глаза стали узкие, хитрые.

Маленький генерал долго сопел и двигал кустиками бровей. Искоса неодобрительно взглядывал на Головню, переводил взгляд на ухмыляющегося Андрея Антоновича.

Потом замедленными движениями, как в гипнозе, достал блокнот, толстую короткую авторучку. Потом долго водружал очки на широкий бугристый нос. Опять вздыхал. И косился...

И вдруг деловито сказал:

— Давай сразу уж адресок! Завтра и зайду. В девять ноль-ноль. Чего там по телефону разговаривать!

Из книги «Пять звезд над зеленой землей»

Николай **ТИХОНОВ**

* * *

В день воскресный, в раздолье осеннем,
Мы летели дорогой прямой
Из Шанхая в Пекин над вечерней,
Над великой, над тихой землей,

Над древнейшим на свете каналом,
Рассекавшим зеленый простор,
Проплывали мы рыжие скалы
Над тяжелою синью озер.

Сколько бурь над землей бушевало,
Сколько крови вскипело морей!
А сейчас она мирно дышала
Рек прохладой, покоем полей.

Точно вечер, сверкая крылами,
Говорил: только отдых вокруг.
Точно видел я сердца глазами
Миллиард отдыхающих рук,

Что с любовью такой непреклонной
Потрудились большие года,
Чтобы сделать всю землю зеленой,
Дать ей счастье и мир навсегда.

Мы не можем дышать по-другому
В этом небе, на этой земле.
Вот Пекинского аэродрома
Загорелись сигналы во мгле.

Мы садились, мы крылья кренили
На огней разноцветную вязь...
Пять сияющих звезд восходили,
Над зеленой землей золотясь!

Народное гулянье в Пекине

Это площадь, иль это мне снится,
Свет ракет надо мной негасим,
Никакой карнавал не сравнится
С океанским весельем таким.

И все кажется мне, как в тумане,
Точно люди китайской земли,
Все, от моря до высей Тяньшаня,
Все на площадь ночную пришли,

Опоясанную заране
Золотым огнецветным кольцом,
Вместе с Домом народных собраний,
Вместе с бывшим запретным дворцом.

Предо мной осветила ракета
Человека, знакомого мне.
Ну, конечно, мы виделись где-то.
А вот где и в какой стороне?

На заводе, в пастушеском стане,
У реки, на большом берегу?
Вспомнил я: металлург из Ухани,
А его я забыть не могу.

Точно память моя нагадала,
А тогда, как сегодня, на миг,
В золотистом сиянье металла,
Он, как в свете ракетном, возник,

Встал другим он на празднике этом,
Но лица его были черты,
Озаренные внутренним светом,
Так же точны и так же просты.

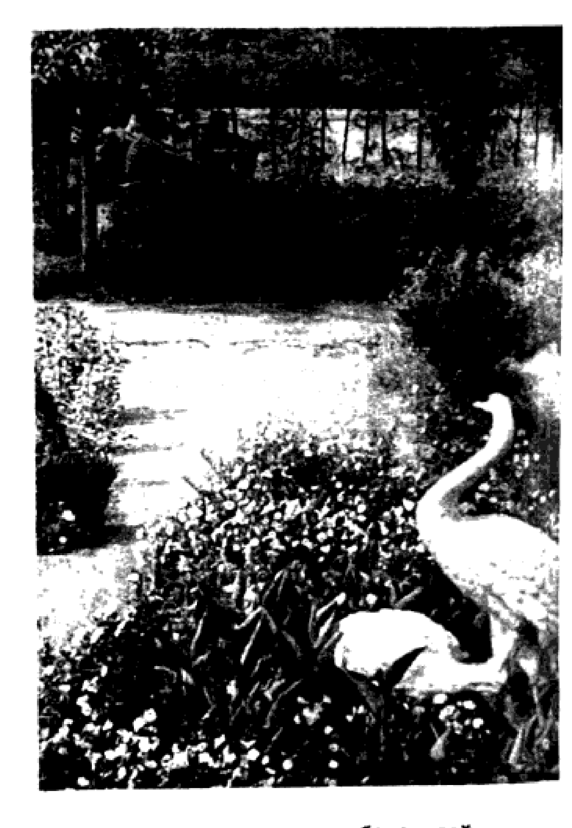
Тут я вспомнил, как в вечер тот дальний
Мне приятель сказал неспроста,
Что рождается индустриальный,
Никогда не бывалый Китай.

Я тогда согласился безмолвно.
— Верю! — нынче я громко скажу.
Верю я — и в народные волны
Океанских веселий вхожу!

БУДУЩЕЕ РЯДОМ С ТОБОЮ

С. **ИВАНОВ**

Семь

На заводском дворе в обеденный перерыв.

Шлифовщик Александр Албул работал весь этот месяц ничуть не лучше и не хуже прежнего. Шлифовал теми же самыми кругами на том же самом станке привычные детали. Но сделал не двести деталей, как всегда, а двести сорок.

Албул был готов поклясться, что не усердствовал, что даже работал с прохладцей: «Ни разу не почувствовал себя после смены уставшим, ни разу не ощутил в глазах тяжести, будто не в детали всматривался, а разглядывал катера с лузановского пляжа».

И вдруг — не двести, а двести сорок.

Вообще-то Албулу было известно, что так должно случиться, но всем существом он еще не в состоянии был воспринять причины волшебной перемены в работе. Албул верил в могущество техники и нисколько бы не удивился, если бы на его станок поставили программное устройство и сказали: «Теперь твоя выработка сразу подскочит». А тут? Ведра с краской да кисти — вот и вся техника. И как это до такой простой вещи не додумались раньше?

Албул, конечно, прав. То, что сделали у них, на «Автогенмаше»,

часов в радуге

в тысячу раз проще любого программного устройства. Но додуматься до этого сразу было нелегко. И решиться — тоже.

Вначале был опыт. Подмеченное с годами превращалось во что-то само собой разумеющееся. Опыт говорил: без напряжения невозможно разглядеть черное на черном и белое на белом. Для отчетливого восприятия нужен контраст.

Потом подсчитали: рассмотреть черную нить на черном фоне в 2 тысячи раз труднее, чем на белом.

Однако все не так-то просто, утверждают физиологи. Если станочник хоть раз в минуту перенесет взгляд с блестящей детали, поглощающей пять процентов света, на черный пол, поглощающий все девяносто восемь процентов, или даже на грязно-серый станок, он будет пять секунд снова приспосабливать свое зрение к детали — терять за смену целых полчаса.

Один станочник — полчаса. Полмиллиона станочников — свыше тридцати пяти тысяч рабочих дней. За смену! Даже не верится как-то. И, значит, дело не только в том, что на чем лучше видно.

Всякий знает, что означает избитое выражение «радовать глаз». Но почему одно радует глаз, а другое нет? Как-то на одном чикагском заводе построили столовую. Отделали ее великолепно. Но рабочие утверждали, что кормят там невкусно, и предпочитали ходить в старое кафе. Администрация недоумевала: пищу готовили те же повара. Непопулярность столовой объяснил специалист по функциональной окраске. Стены ее были выкрашены в белый цвет и подсознательно ассоциировались с больницей. «Перекрасьте стены в розовато-оранжевый—и от посетителей отбою не будет»,—посоветовал ученый. Так и вышло.

В другом месте рабочие, таскавшие одинаковые по весу белые и черные ящики, в один голос заявили: «Черные тяжелее». Подсознательная ассоциация: все массивное чаще бывает темным.

Влияние цвета на психику и работоспособность начали изучать во многих странах. Тончайшие наблюдения провела лаборатория цветового зрения в Москве, руководимая профессором Е. Б. Рабкиным. В разработку основ промышленной эстетики — так стала называться новая наука — включились конструкторы и технологи, художники и архитекторы, физиологи и психиатры.

Общее мнение таково: человек никогда не остается равнодушным к цвету. Цвет не просто поглощает или отражает свет и в зависимости от этого помогает или мешает работать. Сложными путями он действует на психику и на некоторые физиологические функции. Он вызывает приятные и неприятные ассоциации. Он улучшает и ухудшает наше настроение.

Рабочие, таскавшие ящики, имели дело с «тяжелыми» и «легкими» цветами. Потом стали различать цвета «теплые» и «холодные». Синие стены вызывают у рабочих горячих цехов ощущение прохлады. Красное окружение раздражает.

Спокойные — зеленый и желтый — вот лучшие цвета для работы. Зеленый понижает внутриглазное давление, обостряет слух, нормализует кровообращение, повышает работоспособность мускулов. Желтый помогает зеленому. Но обилие желтого вызывает морскую болезнь даже у пилотов. Главное — разумное сочетание разнообразных цветов, сочетание, которое поможет человеку быстро и правильно реагировать на сменяющие друг друга сигналы, утомляться как можно меньше.

И вот рождается первый «проект красоты» — проект научной окраски машиностроительного предприятия. По инициативе бывшего директора института «Оргстанкинпром» О. В. Спасской его создает группа инженеров во главе с В. А. Нижегородцевым.

Кое-кто встречает «промышленных эстетов» в штыки. Еще бы! Они осмеливаются посягать на серый цвет, на практичнейший серый цвет! Ничего подобного, возражают «эстеты», он самый непрактичный. Мало того, что унылый серый колорит крадет треть электроэнергии, расходуемой на освещение, и портит глаза. Если станок сер, за ним плохо следят. Если он ярок и красив, его берегут. Никто не заметит пятна на серой рубашке, а с белой тотчас выведут. И грязно-серые станки подвергаются ремонту вдвое чаще, чем окрашенные по правилам промышленной эстетики.

Половина всех несчастных случаев, говорит чешский ученый Петр Тучны, результат необдуманной окраски. Цветовая анархия, снижающая трудоспособность и вызывающая травмы, обходится нам в 20 раз дороже правильного оформления цехов. Разумно подобранная окраска — это двадцатипроцентное увеличение производительности труда, величайшая статья экономии...

«Проект красоты» был размножен в нескольких тысячах экземпляров и разослан предприятиям. И у него нашлись сторонники.

Больше всех в Одессе мечтал о красоте на производстве Сергей Афанасьевич Мезенцев. Люди иногда посвящают досуг занятиям самым неожиданным. Три знаменитых физика были великолепными музыкантами, четвертый сочинял стихи, пятый прославился как альпинист, шестой — как отчаянный мотоциклист. Чудачество? Я представляю себе, как импровизирует Эйнштейн, как всматривается в снежные вершины Тамм, как мчится на безрассудной скорости Капица, и ясно вижу оплодотворяющую связь между их отдыхом и работой. Есть в скрипичной игре глубина проникновения, в покорении вершин — воплощенная целеустремленность, в бешеной гонке—дерзость. А может ли современный физик не быть глубоким, целеустремленным, дерзким? Отдых — зеркало работы...

Директор завода «Автогенмаш» Мезенцев обожал живопись.

В 1945 году ему, молодому инженеру, посчастливилось стать свидетелем спасения сокровищ Дрезденской галереи. С тех пор он только и думает о живописи. Он собирает картины. («Вот, например, знает ли товарищ корреспондент, что он попирает, разгуливая по Приморскому парку? Ах, не знает? Пусть посмотрит на картину «Взятие крепости Хаджибей адмиралом Дерибасом». Там же, в парке, развалины этой крепости».) Он собирает великолепную коллекцию открыток: тут и старые мастера, и передвижники, и маринисты. Он пишет сам, пишет так, «для себя», чтобы выразить ту музыку цвета, что звучит в его душе.

Но ему тесно в маленькой мастерской, в своей домашней галерее. Можно ведь выполнять программу, наслаждаясь окружающей симфонией красок, и все будничное, набившее оскомину, исчезнет, уступит место счастливому вдохновению. Краски создадут радостное настроение у рабочих, сделают мысль острее, а движения увереннее.

Эти мечты еще расплывчаты, но Мезенцев все чаще возвращается к ним.

...Одесский завод «Автогенмаш» только еще строится. Это будет очень большой завод, пока же есть только половина. Пока это строительная площадка. Рядом с развороченными котлованами — цеха, в которых уже надо делать машины. Какая уж тут симфония цвета! Но при всем том у людей должно быть отличное настроение. Должно быть, а...

Завод на далекой окраине. Автобусы ходят редко. Пока человек доберется, из него вымотают всю душу. И он отправится не к станку, а в курилку и станет отводить душу, честя и администрацию, и городские порядки, и всю вселенную.

Директор добивается от горисполкома, чтобы дали побольше автобусов. В цехах устраивают душевые: приехал, устал — беги освежись. Душ как рукой снимает усталость. И сам Мезенцев, прежде чем идти в кабинет, бежит в душ, кряхтит, хохочет, стыдит за жирок, рассказывает, как надо делать зарядку.

Наш завод — наш дом. Мы проводим тут самые деятельные часы. Будем как дома. А это значит, например, что у тебя должен быть не один шкаф, а два: для обычной одежды и для спецовки. Ты меняешь спецовку не два раза в месяц, а раз в неделю: мы строим прачечную. Ты становишься опрятнее и, естественно, хочешь, чтобы все вокруг было опрятнее.

Мезенцева угнетает беспорядок: дома его коробит от неподметенного пола, на заводе — от хлама. На собраниях он напоминает людям крылатые слова Ильфа и Петрова: «Хватит бороться за чистоту, надо взять метлу и подметать». Люди смеются, но берут метлу и подметают... Кто-то предлагает сорвать все плакаты о соблюдении чистоты: дома же не висят плакаты: «Уважай труд жены и не плюй на пол». Дом так дом.

Строится не только прачечная. В «бытовках» цеха автогенных машин открываются сапожная мастерская и парикмахерская. Комсомольцы тащат всех небритых к парикмахеру: для начала директор приказал бриться даже в рабочее время. Скоро к первым бытовым благам прибавятся поликлиника, аптека, магазин, сберкасса. Завком ищет таланты: строится клуб на пятьсот человек (и это рядом с едва вылупившимися фундаментами цехов!). Люди веселеют, люди хлопочут, благоустраиваются. Дом так дом.

Коммунисты и комсомольцы разрабатывают план завода-сада. Но как возделывать свой сад, когда подле тебя грохочут экскаваторы? Директор отдает распоряжение: отгородить стройку от готовых корпусов. Отвели строителям особые пути. Расчистили дорожки. Привезли землю. И вот уже благоухает сирень, цветут яблони и черешни, вьется виноград, выстраиваются подстриженные стенки туи, сооружается теплица для зимних цветов. Будут в цехах и пышные хризантемы, и скромные примулы, и нежные левкои.

В обед Мезенцев торопливо обходит цехи и гонит курильщиков и любителей домино в сад: «Дышите кислородом. И цехи будут проветриваться. Легче станет работать. И вообще курите поменьше. Пойдите-ка лучше потанцуйте с молодежью под духовой оркестр. Или посмотрите, какую карту отгрохал наш художник Орлов. Вон там, у велосипедной стоянки».

На каждом заводе вы найдете карту, на которой есть большой кружок — завод, соединенный с маленькими кружками — городами, куда идет продукция. Но Мезенцеву хочется поинтереснее. Он приходит к Орлову (его мастерская тоже в «бытовке», рядом с парикмахерской) и говорит: «Тихон Гаврилович! Рисуй с воображением, чтобы каждый понимал свое значение!»

И Орлов рисует. Он рисует большой кружок и красные нити. Но нити тянутся не к кружкам, а к картинкам. Я насчитал 32 картинки. Вот фиорд. Это Норвегия. Сфинкс — это Египет. Страусы — Судан. Тростниковая плантация — Куба. Парфенон — Греция. Оперный театр — Австрия. Готические

Самая красивая и уютная автобусная остановка в Одессе.

башенки — Швеция. И даже гейзеры — Новая Зеландия. В 32 государствах работают кислородные и автогенные машины, сделанные в Одессе.

«Наш завод — наша гордость!» Этот лозунг висит у входа. И это не просто красивые слова.

Вы подъезжаете к «Автогенмашу» и видите устремленную к солнцу белую фигуру девушки с голубем, ажурную, легкую ограду («Никаких серых заборов, пусть радуются люди своему дому еще издали!»), видите карту, сады и площадь с памятником Ленину и трибунами, где собираются на торжества рабочие, и чувствуете, что здесь думают о людях непрестанно, начиная с мелочей, с того, чтобы не было окурков и выбитых стекол. И вы понимаете, как забота переходит во всеобщую привычку, как равнодушие уступает место горделивому любованию.

Поздно вечером Мезенцев, как обычно, обходит свой завод-сад и слышит в цехе стук. «Кто позволил работать сверх смены?» «Никто не позволил,— оправдывается слесарь, — но заготовки дали только к четырем, не мог же я уйти!» «Мог,— возражает Мезенцев,— никто не вычтет за несделанное, никто не прибавит за сверхурочное». «Слушайте, а вы уйдете из кино, если вам интересно? Мне тут интересно. Это моя хата. В моей хате должен быть порядок. Кстати, а вы сами что тут гуляете?»

Какая там хата, когда по два цеха в одном! Но вот я был в арматурном. Мне кажется, что это самый тесный цех на свете, разве что станок на станке не стоит. И он занимает первое место по чистоте. А за первое место дают премию. И вот председатель цехкома Чернов собирает народ: «Давайте-ка сделаем нашу арматурку поуютнее. Какие будут

Велосипедная стоянка.

Фото Ю. Кривоносова.

предложения?» Предложений два: радиоприемник и аквариум с золотыми рыбками. Денег хватит? Не хватит—добавим. Теперь в тесной арматурке играет музыка, и сквозь зеленовато-мутное стекло оранжевые рыбы таращат глаза на хохочущих «экскурсантов» из соседних цехов.

Завод-сад движется по пятам за заводом-котлованом. Сверкают стены из бетона и ракушечника. Взлетают фонтаны, как новозеландские гейзеры на орловской карте. На площадках надо ставить столбы и развешивать прожекторы. Обычные столбы? Мезенцев чертит эскиз усеченного и перевернутого конуса. Такой будет мачта-столб. Зачем перевернутый? На широкой площадке, которая окажется наверху, поместится больше прожекторов, чем на узкой. Мачты сделаем из отходов и окрасим их во все цвета спектра. «Тихон Гаврилович, найди-ка в энциклопедии вклейку со спектром. Пусть люди видят на мачтах разложенный на части солнечный луч и радуются ему, как солнцу».

А тут дожди. Люди выходят, ждут автобуса и мокнут, и улыбок что-то не видно. Мезенцев уезжает домой хмурый. Наутро он приглашает конструкторов. «Сделаем крытые остановки. Я тут набросал эскиз. Столб, а над ним вогнутый овал из плексигласа. Слишком модерн? Чудаки вы, товарищи. Вогнутый же для того, чтобы с крыши не капало на людей. Архитектура должна быть современной, красивой и разумной. И не только на выставках, а везде».

Гарий Чернушенко, секретарь комитета комсомола, рассказал мне, между прочим, такую историю. В Москву на совещание приезжала молодежь, работающая над созданием сварочных производств, и автозаводцы пригласили гостей к себе посмотреть показательный сварочный участок. Все аппараты тут были выкрашены в приятный салатный цвет. Одесситы вежливо улыбались, а потом пригласили автозаводцев на «Автогенмаш» познакомиться с их достижениями в промышленной эстетике.

Промышленная эстетика — вот чем увлечены сегодня и Чернушенко, и парторг Дикий, и главный инженер Ительсон, и начальник планово-экономического отдела Юсим, который собирает всю литературу о ней, и шлифовщик Албул, который обрабатывает теперь на сорок деталей больше, и Мезенцев, главный ее почитатель и поборник.

Люди понимают: завод-сад — это еще не все, далеко не все. Вокруг цветы, а в цехах грязно-серые стены, грязно-серые станки. Все грязно-серое. И Мезенцев, и Ительсон, и Дикий, и Юсим чувствуют: это и безобразно, и вредно, и невыгодно. Люди опытные, они знают, как утомляет всякое однообразие. Цвет не может не влиять на работоспособность, на настроение.

В директорском кабинете собирается штаб: экономисты, конструкторы, художники. Юсим разворачивает «проект красоты» Оргстанкинпрома. Штаб принимает решение: одобрить проект и внедрить его.

Маляры, за работу! Все станины и неподвижные части — в светло-зеленый, все движущиеся части — в желтый, все кнопки управления — в красный. Фермы мостовых кранов и подкрановые пути — в серебристый, блоки крюков — в черный. По голубым трубам идет кислород, по белым — ацетилен, по желтым — азот, по черным — воздух. Стены должны сверкать белизной.

«38» и «46»! Эти две цифры знает каждый на «Автогенмаше». 38 тысяч рублей — такова была годовая выработка рабочего. 46 тысяч — такой она стала после окраски станков. На 21 процент поднялась выработка только благодаря новой окраске.

И если вы спросите Дегтярева, Замуруева — любого из авторов «Одессы», великолепной газорезательной машины, легкой, удобной, высокопроизводительной, с полупроводниками, с электронными и фотокопировальными устройствами, машины, получившей высокую оценку инженеров, ученых,— если вы спросите их, сделали бы ее так быстро и так ловко в старых грязно-серых цехах, они ответят вам: «Нет, копались бы и по сей день».

Секретарь Одесского горкома партии тов. Стамиков привозит на «Автогенмаш» весь партактив: смотрите, вот где строится и работает завод будущего. Не мешает перенять этот опыт. Поговорите с экономистами — они дадут цифры, поговорите с рабочими — они расскажут, как легко и приятно трудиться в цветовой гамме.

За «Автогенмашем» промышленная эстетика приходит на «Радиалку», на завод средств механизации и автоматизации.

Мезенцев может быть счастлив. Я думаю, что он счастлив. Все мечты его о празднике красоты соединились с его профессией, и все, кто работает с ним, заразились той же мечтой и тоже счастливы. Но они озабочены — и Мезенцев, и Юсим, и Чернушенко, и Албул. Красоту надо поддерживать. Возводится огромный корпус. Как мыть окна? А не мыть — значит свести на нет все труды. Кто сможет поддерживать гамму цветов, белить стены, красить станки? Нужны межзаводские конторы промышленной эстетики, вооруженные средствами механизации. Все, что делается сейчас,— кустарщина. Конторы смогут сделать все, что нужно заводам. Их существование с лихвой будет окупаться тем эффектом, который дает промышленная эстетика.

«Мы,—продолжает размышлять Мезенцев,— поймали солнечный луч, разложили на части и окружили себя радугой. А звук? Разве нельзя и звук заставить служить человеку? Есть установки, поглощающие грохот, их следует дать заводам. Устранить шум и наполнить цехи музыкой, располагающей к размышлению или ритмичной, бодрой. А запахи? Как хорошо работалось бы в запахе хвои и озона! Ведь добиться этого вовсе не трудно. Значит, создавать институт промышленной эстетики? Конечно. И институт, и выработка общесоюзных стандартов, и обобщение опыта. Создана группа промышленной эстетики в Литовском совнархозе. Но красотой надо заняться во всесоюзном масштабе. Двадцатипроцентное увеличение производительности и двадцатикратная, аргументированная учеными экономия — разве это не убеждает? А в какие цифры укладывается хорошее настроение, свежесть мысли, душевная легкость, желание петь?»

Рождается новый Артек

Архитектор А. ПОЛЯНСКИЙ

Об Артеке написано много. Много сложено и спето песен про этот сказочный детский городок... А сейчас пойдет разговор не о прекрасной дружбе пионеров, рожденной в этом городке, а о том, как преобразуется, строится новый Артек.

Наш коллектив архитекторов проектного института № 5 Министерства строительства РСФСР много думает о том, как сделать Артек еще более красивым, удобным и просторным. Если в этом году за одну смену здесь отдыхали полторы тысячи молодых граждан, то в недалеком будущем

Легкие, ажурные железобетонные конструкции, алюминий и стекло. Новый лагерь «Артека» очень красив, а главное, удобен.

Фото И. ТУНКЕЛЯ и В. ТЮККЕЛЯ.

Артек примет шесть тысяч пионеров.

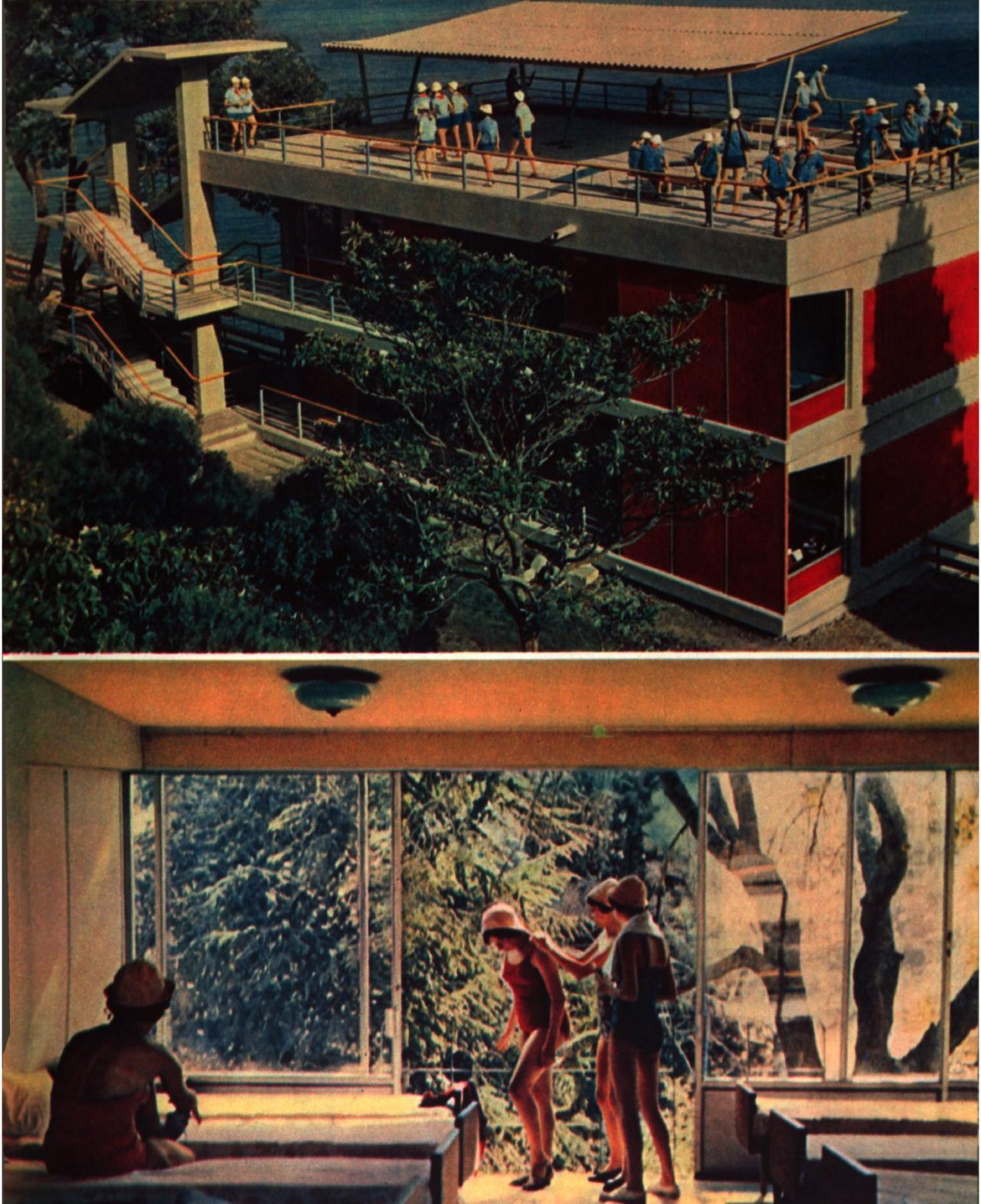
В этом году у подножия горы Медведь открылся новый лагерь — «Морской».

Архитектура и природа дополняют здесь друг друга. В частности, очень хорошо использованы особенности рельефа местности: горы и долины.

Удачно расположены спальные корпуса. Комнаты смотрят на море. Окна во всю стену из стекла и алюминия раздвигаются легко, превращая спальню в большую лоджию. Весь лагерь напоминает палубу огромного корабля.

Теперь вместо обычно принятой нумерации дружин и корпусов даются названия: «Лесная дружина», «Полевая дружина», «Озерная дружина». Поэтичны и названия корпусов: «Рябина», «Калина», «Клен», «Колокольчик», «Ромашка».

В живописнейшем месте между горой Аю-Даг и Гурзуфом на площади более двухсот гектаров рождается «Новый Артек». Здесь будет создан центральный городок науки, техники, культуры и спорта.

Венгерские пионеры.

На снимках слева (сверху вниз):

Круг дружбы.

Без переводчика.

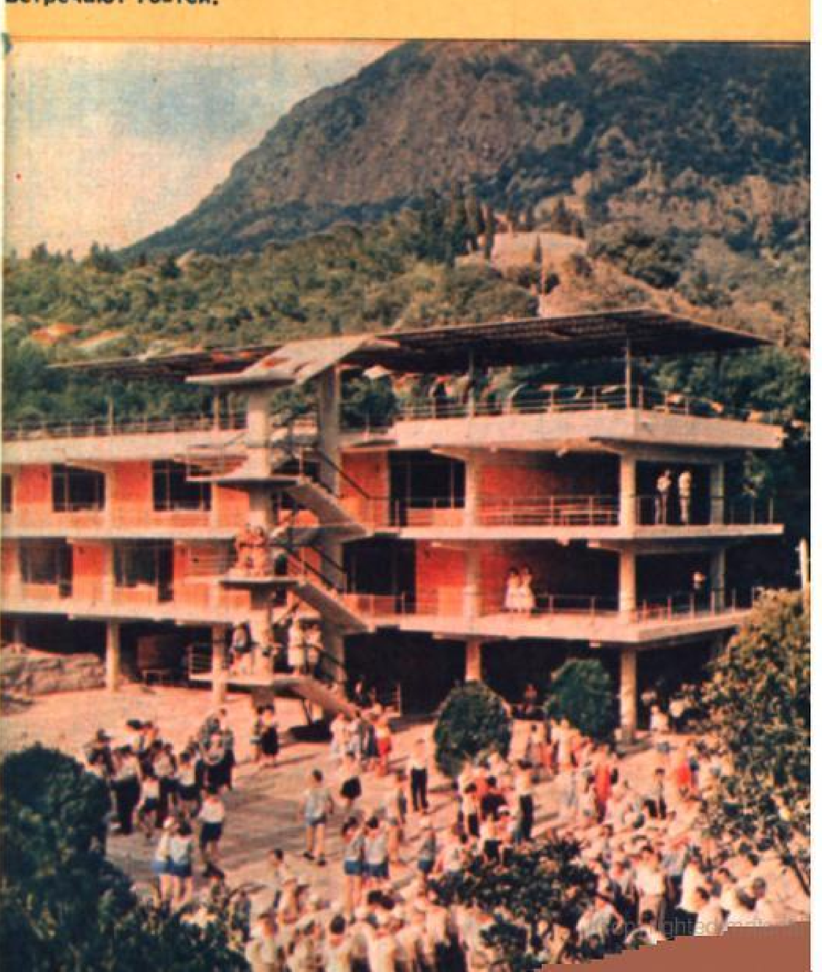
Утром.

В столовой.

В центре:

Подружились...

Встречают гостей.

Вьетнамские девочки под крымским солнцем.

Жан ВИЛЛЕН,
французский журналист

Репортаж о нелегальной поездке по Южно-Африканской Республике

РЕСПУБЛИКА ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Посадка в Йоханнесбурге

Очень томительной была эта бессонная ночь в душном Леопольдвиле. Утро мы встретили на балконе ресторана в аэропорту, где нас атаковали бесчисленные рои кровожадных москитов, которых поджидали в своих вязких сетях огромные волосатые черные пауки. Остались позади таинственные огненные знаки, зловеще вздымавшиеся вокруг нас в районе алжирского городка Тугурта; никто не мог бы в точности сказать, что они означают: были ли то столбы пламени над горящими арабскими селами или газовые факелы в новых франко-американских нефтяных районах.

Потом мы увидели под собой степные пожары. Эти пожары ползли по Камеруну, и казалось, что, извиваясь длинными красными жалами, они охватят весь континент. И о них не было известно, пожирали ли они краали африканцев или плантации европейских колонизаторов.

Осталось, наконец, позади и фантастическое зрелище тропической грозы: из бледных, почти до нас вздымавшихся тяжелых туч беспрерывно, в раскатах грома низвергался огонь, беспорядочно сотканный из длинных и желтых, как сера, молний, в то время как молодой месяц, окруженный множеством неправдоподобно больших ярких звезд, заглядывал, ухмыляясь, почти осязаемо близкий, к нам в кабину, а надоедливый гул реактивных моторов тонул в раскатах грома.

Теперь мы уже пересекаем Анголу. Потоки солнечного света льются из черно-синего космического пространства. Внизу, под нами, не видно больше пожаров, и нет уже ни домов, ни дорог, ни железнодорожных линий, ни деревень. Вокруг только красно-желтоватые каменистые пространства Калахари. Гиблая земля, песок и скалы. Еще не так давно южноафриканские расисты надеялись, что эта земля защитит их территорию от проникновения национально-освободительного движения. Как будто стремление угнетенных к человеческим правам и самоопределению — вирусное заболевание, от которого можно уберечься при помощи строгой изоляции и карантина...

Кто-то похлопал меня по плечу. Это стюардесса, приветливо улыбаясь, протягивает мне большой анкетный лист с бесчисленными колонками вопросов. Имя? Вероисповедание? Откуда прибыли? Профессия?.. Тут я, всю жизнь бывший репортером, одним росчерком пера превращаю себя в простодушного «экономиста», интересующегося преимущественно вопросами импорта-экспорта и инвестиций.

К какой расе принадлежите вы? Вы европеец?.. Если вы житель Северной Америки или Новой Зеландии, то вас, пренебрегая географией, все же причислят к европейцам, раз у вас кожа светлого цвета. Но если вы не сумеете сослаться на свое безупречное «европейское» или обставленное всеми гарантиями чисто американское происхождение, то вам останется объявить себя евреем, азиатом или — да спасет вас господь бог! — «туземцем». Лица, которые хотя и снабжены настоящими американскими паспортами, но появились на свет с черной или красной кожей, также могут считать себя впредь «туземцами».

...Ненужное просьба зачеркнуть. Ложные сведения, согласно таким-то и таким-то параграфам, караются по суду тем-то и тем-то.

Есть ли у вас огнестрельное оружие? Мы настоятельно обращаем ваше внимание, что таковое на территории Южно-Африканской Республики вы не должны ни продавать, ни терять, иначе вас подвергнут большому штрафу.

Везете ли вы с собой деньги в золоте или бриллианты?

Поскольку вы въезжаете в страну крупнейших в мире монополий по добыче золота и алмазов, мы настоятельнейшим образом рекомендуем вам в ваших же интересах отвечать на этот вопрос особенно чистосердечно и продуманно, в противном случае вы на основании параграфа такого-то...

Ответили ли вы на упомянутые выше два-три десятка вопросов абсолютно правдиво и в полном соответствии с велениями вашей совести? Изучили ли вы достаточно основательно изложенные на оборотной стороне анкеты санкции, которыми грозит вам подача неверных сведений? В таком случае будьте добры поставить свою подпись!

* * *

Мы покидаем воздушное пространство Бечуаналенда и пересекаем Лимпопо, пограничную реку. Медленная и мутная, она тысячами изгибов вьется между пустынных девственных берегов. Ее неисчислимые, известные своей прожорливостью крокодилы и населяющие каменистые берега ядовитые змеи освобождают правительство Фервурда от необходимости содержать эскадроны конной полиции...

Шум реактивных моторов начинает стихать. Нос нашего воздушного корабля устремляется из стратосферы вниз. Под крыльями самолета проносятся первые убогие, крытые жестью дома фермеров, окруженные еще более убогими, вросшими в землю и крытыми соломой хижинами африканцев. Проселочная дорога, свежевспаханные поля, деревушка, где на какую-нибудь сотню бунгало приходится девять церковных колоколен, шоссе...

Самолет направляется на посадку. Земля наклоняется, и вместе с нею наклоняется скопище серебристо-серых копров из ажурной стали. Рискованно косо промчались мимо окон нашей кабины с полдюжины огромных желтых пирамид, насыпанных из отвальных пород. Это вечные памятники современного рабства, воздвигнутые поколениями шахтеров-африканцев, добывающих золото. Они не уступают тем, другим, величественным памятникам рабского труда, стоящим на Ниле, в Египте. Самая маленькая из них по объему значительно превосходит Хеопсову пирамиду! Только одним отличаются они друг от друга. Как явствует из древних источников, на строительстве древних пирамид была однажды проведена с успехом забастовка: у фараонов не было еще специальной полиции с бронемашинами и пулеметами. В наше время ни одна стачка на шестидесяти золотопромышленных шахтах Витватерсранда[1] не закончилась победой рабочих.

И наконец появляется — тоже в рискованно косом ракурсе — и сам город. Но это еще не его центр, заселенный европейцами. Сначала мы различаем лишь однообразные, необозримой длины шеренги бедных, поставленных просто в поле хижин. Грязные лужи тщатся отразить кусочек голубого неба. Деревьев или хотя бы кустарников не заметить в этой коричнево-серой монотонности, почти нет и столбов — фонарных и для электролиний. Растительность здесь не допускается, возможно, из соображений военно-политических: в кустах или среди деревьев можно, скажем, спрятаться от облавы. Столбы же нечего искать, вероятно, по той про-

[1] Витватерсранд — крупнейший в капиталистическом мире золотоносный район (провинция Трансвааль). — **Ред.**

На снимках:

Памятники современного рабства — горы отвальных пород, воздвигнутые поколениями шахтеров-африканцев, добывающих золото.

За рядами колючей проволоки находится гетто для черных.

Деловой центр Йоханнесбурга.

Африканское селение.

Африканцы сжигают ненавистные «паспорта».

стой причине, что только немногие обитатели африканского гетто могут платить за электрический свет. Но зато можно установить другое: вокруг всего поселения, состоящего из каких-нибудь пяти тысяч бараков, протянута достаточно хорошо видная с высоты ста пятидесяти метров и, несомненно, достаточно прочная колючая проволока.

А дальше — пастбища. На целые километры. Потом другое, такое же длинное поселение. У его главного входа высится небольшое каменное здание для охраны. Перед ним два стража в новеньких мундирах, задрав головы, смотрят вверх. И лишь когда мы миновали этот новый лагерь, из голубой дали появляются окутанные дымкой силуэты небоскребов Йоханнесбурга.

Узкий зал ожидания. Два десятка пассажиров молча сидят с паспортами в руках. Воздух густ от табачного дыма, и у меня от этого учащается сердцебиение. А может быть, не от этого?

Два африканца, севшие в самолет в Леопольдвиле, словно сквозь землю провалились. Наверное, они ждут выполнения формальностей в другом помещении: ведь у входа в наш зал огромная надпись на трех языках: «Только для европейцев!»

Хрипящий радиорупор дребезжащим голосом выкрикивает: «Мистер Виллен, просьба зайти в кабину номер три».

Кабина примерно два метра на два. За огромным, похожим на баррикаду столом — полицейский чиновник. Перед ним моя анкета, и он с каменным выражением лица, не ответив на мое приветствие, долго изучает ее. Напряженное молчание нарушает «иммиграционный сотрудник», спрашивая меня, какой район Южной Африки намерен я посетить. Он желал бы также знать, в каких сферах народного хозяйства я, экономист, особенно компетентен. И еще он интересуется, каких людей намерен я посетить. При этом он сверлит взглядом анкетный лист.

— Вы, очевидно, забыли заполнить соответствующую графу?..

Ничего я не забыл. Но не мог же я написать, что имею в виду посетить известного левого политического деятеля X, выдающегося борца против апартеида и расистских законов Y, прогрессивного африканца M, индийского ученого N, равно как и других лиц такого же рода. Из предосторожности я даже не записал их адреса, которые перед отъездом заучил наизусть.

— Но имеете ли вы по крайней мере контакт с кем-нибудь из представителей здешнего делового мира? — продолжает допытываться любознательный полицейский.

Как? Ни с кем?

Он явно поставлен в тупик и не знает, как быть. Мне тоже делается не по себе. За столом в стену вделана кнопка звонка. Но все же чиновник не думает воспользоваться этим устройством, чтобы более близко ознакомиться с обстоятельствами приезда «экономиста» Жана Виллена. Несколько раз по его тонким губам незаметно пробегает скупая, снисходительная улыбка, обнаруживающая неровный ряд плохих зубов.

— О'кэй, я понимаю. Вы, значит, прибыли сюда, чтобы завязать деловые отношения.

Если бы полицейский знал, как он попал в точку!

После того как я предъявил чиновнику весь запас моих фунтов стерлингов, мои аккредитивы и обратный билет, тот стукнул спасительным штемпелем по паспорту, и я получил наконец возможность направиться туда, куда меня влекло.

Сегодня «господний день» — воскресенье, когда по всей Южной Африке наглухо закрыты двери кино, баров, «ботлсторс»[1], театров, дансингов, плавательных бассейнов, спортивных залов и других увеселительных мест. Это во славу грозного бога всемогущей «нидерландской реформистской церкви», деревенским проповедником которой состоял, между прочим, некий господин Малан до того, как в 1948 году стал премьер-министром расистского правительства. Интересно напомнить, что не так давно во имя того же господа-бога в Оранжевой Республике по воскресеньям приостанавливалось даже железнодорожное движение...

Наравне с сотнями тысяч других здешних людей я со вздохом смирения беру в руки номер «Санди таймс» — «ведущего еженедельника белой Южной Африки». Алкоголь или респектабельная сорокастраничная газета — только так можно убивать время в этот день диктатуры скуки, организованной церковью и государством.

Пойти куда-нибудь в гости я сейчас не могу. Два южноафриканца, которых я надеялся встретить в Йоханнесбурге, оказались в тюрьме. Их отправили туда вместе с 18 тысячами других людей, схваченных после покушения на премьера Фервурда без предъявления каких-либо обвинений и брошенных в переполненные тюрьмы или концентрационные лагеря, в которые были спешно превращены свободные казармы и военные форты.

О том, что эти два человека арестованы — они, кстати сказать, были заключены в крепости, расположенной меньше чем в двух километрах от моего отеля, — я узнал совершенно случайно. За несколько часов до того, как я намеревался повидать их, местные газеты опубликовали официальный список нескольких сот арестованных, который прежде долго считался государственной тайной. Служба «спешиел бранч» — южноафриканского гестапо — предупредила членов семей арестованных, что им категорически запрещается сообщать даже ближайшим родственникам и друзьям, где находятся их отцы, жены, сестры и сыновья.

Из запечатленного в моей памяти скромного списка прогрессивных южноафриканцев я не обнаружил в официальном перечне арестованных лишь одного человека. Но когда я уже стоял перед входом в его домик на дальней окраине города, дверь приоткрылась и старая женщина, недоверчиво оглядев меня и быстро орудуя предохранительной цепочкой, грубо бросила мне, что мистер X уехал в Свазиленд. После чего дверь снова захлопнулась, и мне все стало ясно. В британские протектораты Свазиленд и Бечуаналенд бежали те, кого полиции не удалось схватить в первую ночь массовых облав, организованных расистами из «спешиел бранч».

Страница газеты. Огромный заголовок красной краской: «Три новых секс-скандала!». Тут, в рамках старательно размазанной истории, рассказывается, как некий мистер Ян Дебоер, 35 лет, владелец небольшой фермы, женатый, отец шести детей, однажды подобрал на дороге в свою машину некую молодую «цветную» женщину и нарушил с нею «имморалити-акт», то есть «закон против безнравственного поведения», изданный при правлении Малана и запрещающий половую связь между лицами разного цвета кожи. К счастью для закона, как раз в данный момент «случайно» оказался представитель достопочтенной полиции, при помощи карманного электрического фонаря уличивший преступников.

Мистер Дебоер утверждает, конечно, что он стал жертвой ловушки, устроенной ему, и что страж порядка был в предварительном сговоре с «цветной». Изобличив мистера Дебоера в преступлении, полицейский первым делом спросил фермера, сколько у него с собой денег. В кармане у Дебоера оказалось всего несколько шиллингов. Блюститель нравственности выразил готовность закрыть глаза на прискорбный случай, если ему будет уплачена мзда по крайней мере в тридцать фунтов. Поскольку переговоры не привели к желаемому результату, полицейский в конце концов отказался от своего предложения и снова вернулся к неприятно официальному тону разговора. Это дало основание мистеру Дебоеру вынуть револьвер и тут же уложить полицейского.

Мистер Дебоер пошел на этот шаг, ибо ему было совершенно точно известно, что угрожавший ему «секс-процесс», от которого он фатальным образом не смог откупиться, сделал бы его жизнь абсолютно невыносимой как в близком его окружении, так и вообще в его пуританско-ханжеском отечестве, и что после отбытия наказания ему предоставлялся бы лишь выбор между быстрейшим отъездом из страны и положением презренного отщепенца. Приговор: пятнадцать лет тюремного заключения.

Другая история касалась молодого человека, который на протяжении месяца посещал «цветную» женщину в целях все той же «безнравственной связи». Некий отважный полицейский, в высшей степени проникнутый сознанием своего долга, уличил однажды грешников, взобравшись по водосточной трубе в окно.

Обезоруживающе наивный аргумент, приведенный преступниками, что они были вместе по обоюдному любовному влечению, судья принял во внимание, очевидно, лишь в той мере, в какой этот аргумент служил доказательством, что преступление было совершено с отягчающей вину преднамеренностью. Приговор: каждому по восьми месяцев каторжных работ и по десяти ударов плетью во дворе тюрьмы.

Третий, очень банальный случай, произошел с двумя португальскими матросами, которые, появившись впервые в Южной Африке и не имея представления о том, как легко здесь вступить в конфликт с законом, очень быстро оказались в затруднительном положении.

Больше ничего интересного я в газете не нашел и почувствовал неотложную потребность в чистом воздухе.

...Поздней ночью в мой номер с улицы донеслись обрывки какой-то невероятно веселой, несмотря на воскресенье, музыки. Она подняла меня с постели, и я выглянул наружу. Внизу были видны только сторожа лавок — африканцы, вооруженные палками и дубинами. И все же она где-то тут неподалеку, эта музыка, которая волнует и бодрит, как хорошее шампанское.

Я снова выглядываю в окно и теперь вижу уже, в чем дело. Из темной боковой улицы выходят трое мужчин. У среднего гитара, у того, кто справа, блеснула в руках при свете уличного фонаря жестяная флейта, какую можно купить в любом универсальном магазине за два с половиной шиллинга, третий держит темно-коричневую деревянную флейту. Все трое в обычной для африканских рабочих одежде: дешевые полотняные штаны цвета хаки и белые рубашки. Музыканты импровизируют с радостью и пылом, которым дышит их музыка. И звучит она как торжествующе оптимистический, неотразимо веселый вариант классического нью-орлеанского блюза.

Увлеченные собственной игрой, непрерывно находя все новые, напоминающие связку жемчужин мелодии, сопровождая наиболее удачные пассажи приплясываниями, прошли они мимо помпезного здания отеля. И последние такты их песни умолкли лишь после того, как они сами уже давно скрылись в холодной, кажущейся такой враждебной ночи африканской осени.

Как попадают в Ланге

Если бы ты был «туземец», то есть, имел бы кожу кофейного цвета, черные, как смоль, глаза, курчавые волосы и рваные желтые полотняные штаны, то все бы выглядело в твоих глазах по-иному. Тебе пришлось бы тогда бесконечно долго ждать в тревоге у входа в гигантское гетто, именуемое Ланге которого не найти ни на одной из здешних карт для туристов, хотя оно занимает площадь бо́льшую, чем иные города, и было ареной кровавых событий. Тебе пришлось бы ждать, пока полицейские «вспомогательных сил», люди одного с тобой цвета кожи, проверят и тебя и всех прочих пассажиров, сидящих в ярко-красном автобусе. Они не торопятся с проверкой, эти люди в шлемах

[1] Дословно: «бутылочные лавки», в которых белые клиенты могут, дав свои адреса, приобретать вино, пиво, ликеры. Продажа спиртных напитков африканцам запрещена. Им остается покупать спирт-денатурат (прим. автора).

и с дубинками в руках, ибо автобус задерживается здесь по их воле, и они для сидящих в нем людей всемогущи, как сам бог.

В порядке ли твой «референс бук» — паспорт? Есть ли в нем все подписи, которые должен проставлять твой белый работодатель каждый месяц? Своевременно ли проставлены штемпеля налогового ведомства? Действительно ли бюро труда разрешило тебе работать, и имеется ли об этом надлежащая отметка в твоей потрепанной паспортной книжке? А самый важный амулет, оберегающий от полицейских придирок,— измятая квитанция о взносе денег на содержание администрации для племени банту?

Но ты не «туземец». У тебя белая кожа, и полицейские называют тебя «мистером», а не окликают: «Эй, ты!» Одетые в военную форму стражи выскакивают из караульного помещения у ворот гетто еще до того, как твоя машина остановилась, и без единого вопроса возвращают, козыряя, зеленую книжку паспорта.

Паспорт дает тебе, «мистеру», право лишь проехать до здания центрального управления, где придется во всех подробностях изложить, чем ты намерен заняться здесь, в гетто. Разумеется, чиновник, принимая во внимание твою белую кожу, допросит тебя самолично. А тем временем сотни африканцев будут сидеть вокруг на голой земле с повестками и прошениями в руках, долгими часами дожидаясь, когда наконец им удастся с палящего солнечного зноя перебраться в прохладную тень канцелярии.

И вот ты протягиваешь администратору с лисьим лицом, глубоко запавшими, зоркими глазами и оттопыренными ушами некую бумагу с некими подписями. Он долго недоверчиво разглядывает ее, почесывает затылок и в конце концов ворчливо и неохотно дает свое согласие на посещение гетто. Ты намереваешься с ним распрощаться, но не тут-то было!

Оказывается, сам начальник этого района для африканцев будет лично сопровождать тебя при посещении легендарного Ланге якобы затем, чтобы «оградить от опасностей», которые подстерегают тебя среди хижин.

И вот я в сопровождении «опекуна» проник в пределы того белого пятна на карте страны, где, согласно официальной статистике, должны были проживать 25 104 человека, а именно: 19 549 мужчин, 1 870 женщин и 3 685 детей. Сначала я вижу длинный ряд кирпичных, неоштукатуренных бараков, крытых ржавым волнистым железом, с множеством входных дверей.

— Общежития для холостых...— бормочет двуногая лиса. К задней стенке барака прилепился перекосившийся загон с кудахтающими, взъерошенными курами. Рядом к столбу привязана усталая, в струпьях лошадь. На пороге неподвижно сидят трое полуголых африканцев богатырского телосложения. Не поворачивая головы, они хмуро, искоса наблюдают за нами. Мы подходим к ним совсем близко, почти вплотную, а они не шелохнутся.

Молча вошли мы в полутемное помещение со слепыми от грязи окошками, немытым полом и покрытыми пятнами стенами.

— Это кухня...— бурчит мой провожатый. Грязный стол, сколоченный из досок какого-то ящика, маленькая печка для древесного угля, подвешенный на веревках к потолку велосипед и жестяная чашка в углу — да, это, должно быть, кухня.

Три двери из неструганых досок ведут в другие помещения барака. Лиса наугад толкает ногой одну из дверей. При скудном свете, который пропускает завешенное дырявым одеялом окошко, можно кое-как различить четверо узких нар без матрацев. На нарах ворох тряпья. После того как дверь снова заскрипела, из одного вороха выглянуло человеческое лицо со впалыми щеками и мигающими глазами, до крайности перепуганное.

— Что мы сделали плохого? — бормочет человек, увидев нас, заикаясь от страха.

— О, ничего...— ухмыляется мой спутник и как бы мимоходом приподымает крышку с чугунного горшка, кипящего на керосинке в углу.

— Только кукуруза, хозяин... Вчера купил... Ничего другого, хозяин, только кукуруза...

Начальник благосклонно машет рукой, и крышка от горшка со звоном падает на пыльный цементный пол.

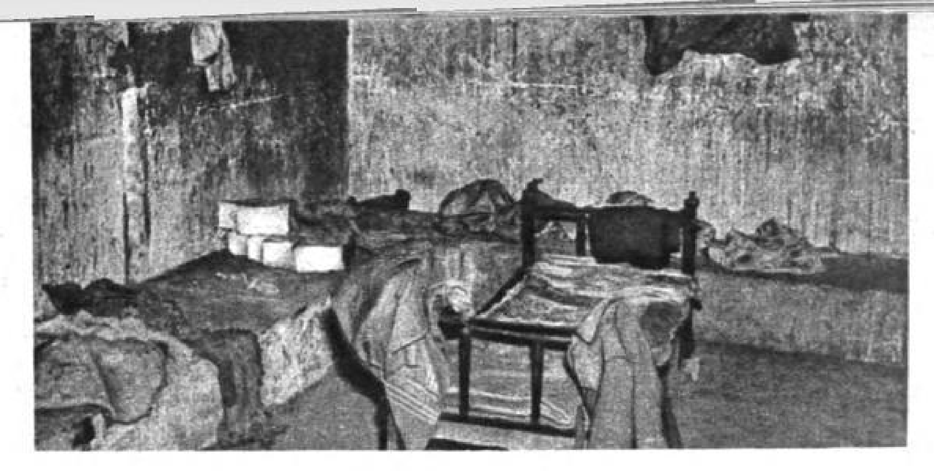
Озираясь, ходит двуногая лиса мимо протянувшихся нескончаемой чередой дырявых лачуг, с широкими, в ладонь щелями в гнилых деревянных стенах.

— Это наши склады...— объясняет мой гид. Но был бы ты «туземцем», тебе было бы известно, что он врет. Это тоже жилые помещения. Но они в таком состоянии, что показывать их постороннему человеку невозможно. И каждый из обитателей этих конур за то, что сырой ветер надувает ему ревматизм, за то, что холодный, пронизывающий дождь, который приносят тучи с Атлантики, поливает его сквозь дырявую крышу, должен платить ежемесячно больше фунта стерлингов.

Затем проходим мы мимо каких-то обгорелых развалин. Тут была школа. Лиса бормочет, что ее якобы сожгли «бунтовщики» во время «мартовской революции». И снова он врет. Ибо будь ты «туземцем», тебе было бы известно, что тут была вовсе не школа, а паспортное бюро Ланге, уничтоженное огнем в те мартовские дни.

И наконец мы добираемся до длинной площади, окаймленной высокими белыми строениями. Мой спутник насвистывает какую-то модную песенку. Будь ты «туземцем», тебе было бы хорошо известно, что именно здесь в марте расстреливали людей, здесь падали, обливаясь кровью, убитые и раненые и плакали в отчаянии вдовы и сироты.

— Эти блоки жилых домов построило правительство. Исключительно для холостых. Как видите, мы все же кое-что делаем для людей. А какая за это благодарность? — И снова рот моего телохранителя сужается в тонкий шнурок. Начальник лагеря властным жестом указывает на ряды окон ближайшей жилой казармы. Большинство стекол в первом и втором этажах выбито. Но вы обнаруживаете, что поврежден весь фасад дома и притом — это уже

Жилище африканца.

совершенно ясно — поврежден в результате обстрела. Мое замечание на этот счет лиса пропускает мимо ушей.

— Прошу войти...

Первым делом мне показывается пустая, хоть шаром покати, «комната отдыха».

— Во время бунта туземцы поломали мебель...— слышу я объяснение моего гида. Но если бы ты был «туземцем», твои друзья из Ланге могли бы рассказать, что мебель была вовсе не поломана, а увезена полицией. И не в марте, а за год до этого. Дело в том, что однажды в воскресенье холостое население общежития для молодежи пригласило без разрешения высокого начальства несколько девушек послушать национальную музыку и потанцевать. Узнав об этом, власти направили сюда своих вооруженных людей, чтобы пресечь двойное преступление: нарушение предписаний, касающихся воскресного отдыха, и организацию веселья без разрешения начальства. В результате возникли столкновения, во время которых лагерная полиция пустила в ход огнестрельное оружие.

Лестница приводит нас в коридор со стенами высотой едва ли в человеческий рост. Из темной бесконечности коридора эхо ваших собственных шагов возвращается к вам, как в склепе. По обеим сторонам, на равном расстоянии, видны немногочисленные двери. Лиса колотит кулаками в первую попавшуюся из них.

Лишь после четвертой серии громовых ударов дверь приоткрылась, кто-то выглянул из нее и мгновенно скрылся, с треском захлопнув за собой дверь.

— Черт возьми, открой! — взревел хозяин лагеря. И, обращаясь ко мне, он ядовито прошептал: — Видно, привел к себе потаскуху. Не откроешь — придется позвать полицию.

Угроза оказывает свое действие. Полиция — это, значит, облава, а что такое облава — хорошо знают обитатели общежитий в Ланге, где два месяца подряд ежедневно вооруженные автоматами патрули искали «опасное оружие» и забирали в качестве такового столовые ножи, вилки, ложки и зонты.

Вот дверь открывается, и я вижу немыслимо тесную, жалкую тюремную камеру. Две сложенные из кирпича лежанки, на них тонкие циновки, два ящичка из проволоки, позволяющие видеть, что арестанты содержат в них, далее — примитивный стол, на нем керосинка с чугунным горшком, и перед ней, вытянувшись во весь рост,— молодой африканец с гневными, широко раскрытыми глазами.

Все. И никаких девушек. Начальство посрамлено. Оно поворачивается и уходит. Глаза его сузились, как у кошки. В них тлеют ненависть и убийство.

Быстрым шагом проходим мы по короткой улице для семейных. Здесь живут лишь немногие. Вообще в Ланге почти нет холостых людей — по крайней мере восемьдесят процентов мужчин имеют где-нибудь в резерватах свои семьи, но «уполномоченный по делам туземцев» разрешает только немногим из них привозить сюда жену и детей. «В интересах поддержания тишины и порядка», как официально это объясняется.

Перед некоторыми домиками для семейных высажены цветы, кое-где у порогов дверей играют дети. Но краски цветов лишены яркости. Режущий ветер, который засыпает вам глаза песком и пылью, наполовину ослепил и их, а дети умолкают при вашем приближении.

Жалкая торговая улочка, где укутанные в одеяла женщины могут покупать консервы и домашнюю утварь, сделанную из старых канистр.

Далее следуют шестнадцать церквей Ланге — шестнадцати разных признанных в Южно-Африканской Республике вероисповеданий, и — тут глаза моего спутника засверкали торжеством — больница гетто.

Надо сказать, что выглядит больница хорошо. И внутри тоже. После того, что я видел, она кажется просто оазисом. Чернокожая сестра показывает первым делом детское отделение. Оно залито солнечным светом, снабжено современным оборудованием.

В затянутой сеткой кроватке, сжав кулачки, спит курчавая девочка лет двух.

— Что с ней? — поинтересовался я.

— О, джаст мэлнутришн. Просто недоедание!..— отвечает со странным спокойствием смуглая девушка в белой косынке.

— А у этого? — Ты показываешь на другого ребенка. И сестра отвечает:

— О, джаст мэлнутришн...

— А этот?

— Тоже...

И опять:

— О, джаст...

Ком подступает у меня к горлу.

В отделении для взрослых та же стерильная чистота и то же обилие света, что и в детском отделении. Больные даже приветствовали меня, когда я вошел. Только на крайней кровати человек, увидев нас, повернулся лицом к стене. Странно! Во второй и в последний раз рискую я, находясь в Ланге, задать вопрос. Лиса начинает нервничать, а сестра, которая только что так услужливо давала мне пояснения, теперь вдруг как воды в рот набрала: она ничего не знает... Мне не остается ничего другого, как прочесть на табличке диагноз: «Пулевое ранение в легкие»...

Наперехват!

Алексей ГОЛИКОВ,
Дмитрий БАЛЬТЕРМАНЦ

Специальные корреспонденты «Огонька»

Самолет «нарушитель» в прицеле истребителя перехватчика. →

Двадцать пятый, в воздух! — командует по радио дежурный, капитан Антипов.

На аэродроме истребительной части объявлена тревога. Зоркий глаз локатора обнаружил самолет-«нарушитель», идущий под покровом ночи в глубину территории страны.

Мгновенно вспыхивают огни ночного старта, раздается мощный гул реактивного двигателя, и из репродуктора звучит спокойный голос летчика-перехватчика гвардии капитана Маслова:

— Двадцать пятый в воздухе! Задача?!.

Мы на стартовом командном пункте. Тускло блестят стекла приборов. Стену занимает планшет для нанесения общей воздушной обстановки. Над мерцающим экраном локатора склонились офицеры.

Перехватчику помогают аппараты, созданные на основе последних достижений автоматики и электроники.

Импульсы на экране локатора сближаются. «Нарушитель» обнаружил преследователя и энергично маневрирует. Но тщетно! Луч локатора держит его мертвой хваткой. Капитан Маслов по радио докладывает:

— Цель настиг, атакую!

Что-то там сейчас?!

...Стартовый командный пункт — двухэтажный домик, раскрашенный черно-белыми шашками. Поднимаемся на второй этаж. Здесь всего одна комната. Стеклянные стены придают ей сходство с капитанской рубкой корабля. За стеклом — чернота ночи, расцвеченная красными огнями взлетно-посадочной полосы. Мягким зеленым светом мерцает посадочное «Т». А в конце аэродрома вспыхивает и гаснет красный глаз неонового маяка. Полетами руководит опытный летчик-истребитель гвардии подполковник Михаил Иванович Бахмач.

...Истребитель выруливает на старт. Видны только его бортовые огни — зеленый и красный. Взлет разрешен — и огоньки стремительно проносятся мимо нас, взмывают вверх и почти мгновенно исчезают. Скорость истребителя значительно превосходит скорость звука. Через несколько минут летчик уже за сотни километров от аэродрома. Тем не менее Бахмач точно знает, где в данное время находится каждый его самолет, и со всеми поддерживает связь.

— Пятьдесят пятый, как видимость в вашем районе? — запрашивает он по радио.

— Подо мной облачность с разрывами. Земля просматривается,— отвечает пятьдесят пятый.

Бахмач получает последнюю метеосводку и заботливо предупреждает идущего на посадку летчика:

— Шестьдесят седьмой, попутный ветерок метров восемь в секунду, учти.

Вспыхивают прожекторы, ярко освещая блестящую от дождя посадочную полосу, самолеты на стоянках и темнеющий вдалеке лес. В белом луче возникает серебристый истребитель — грозный, стремительный... Шестьдесят седьмой учел предупреждение командира и сажает машину точно у посадочного знака.

— Сколько времени в воздухе второй? — спрашивает Бахмач у дежурного штурмана гвардии капитана Анатолия Доценко.— И командует: — Второй! Возвращайтесь на свой аэродром. Проверьте количество горючего.

Работа на стартовом командном пункте идет слаженно. Кажется, что самолеты в воздухе и все наземные службы действуют, как хорошо выверенный часовой механизм. Но вот к аэродрому светлячком приближается идущий на посадку истребитель. Опытный глаз Бахмача сразу замечает ошибку летчика.

— Восьмой! Рано снижаетесь! Заходите на второй круг.

Огоньки восьмого проносятся над аэродромом и уходят вверх. Снова снижаются — и опять неточно.

— Еще раз заходите на посадку,— говорит Бахмач,— не волнуйтесь, производите расчеты, как обычно.— И, отстранив микрофон, объясняет нам: — Очень способный летчик, но давно не летал...

Восьмой снова подходит к аэродрому.

— Хорошо рассчитал,— хвалит подполковник.— Молодец! Сядешь отлично...

Вспыхивают прожекторы. Бахмач облегченно вздыхает и голосом, из которого ушла отеческая мягкость, командует:

— Восьмому явиться на старт!

...Ночные полеты подходят к концу. Гаснут огни аэродрома. Мы идем в штаб, где собрались летчики.

— Видели, как «нарушителя» сбили?

Это говорит командир эскадрильи перехватчиков гвардии майор Василий Дмитриевич Гусаков.

— С земли-то кажется просто. А как там, ночью, в облаках? Не всем летчикам это удается сразу,

← Вылет по тревоге.

«...Держит связь с перехватчиком.»

«Цель настигнута, атакую!» — докладывает на КП гвардии капитан Маслов. →

хотя в перехватчики отбирают наиболее способных и учат в тренировочных полетах. Один летчик — «нарушитель», другой — атакует, перехватывает его.

— Но ведь можно столкнуться?

— «Цель» оборудуется специальным устройством «защиты хвоста»,— объясняет Гусаков.— Как только перехватчик подходит на дистанцию открытия огня, раздается звуковой сигнал. Да и у перехватчика на приборной доске вспыхивает лампочка, и он прекращает атаку.

— А как узнать, поразил летчик цель или нет?

— Когда он открывает «огонь», автоматически включается киноаппарат и снимает экран прицела. По этим снимкам можно точно сказать, были «попадания» или нет. Вот сегодня командир звена капитан Геннадий Маслов наверняка «уничтожил противника». Он отлично стреляет и пилотирует самолет по приборам.

— Это требует постоянной тренировки,— вступает в разговор Маслов.— В слепом полете у летчика порой возникают ложные ощущения. У меня недавно было так: ночью, в облаках, сближаюсь с «целью» и вдруг чувствую, что лечу вниз головой. Смотрю на приборы: все в порядке, полет нормальный, а иллюзия полная. Заставил себя верить приборам, хотя очень хотелось перевернуть машину в «нормальное» положение.

Глядя на Маслова, его плотную фигуру, скупые жесты, веришь, что он при всех обстоятельствах владеет своими чувствами.

— А как вам нравится у нас? — спрашивает майор Гусаков.— Наверное, думаете: лесной гарнизон, глухомань. А мы тут живем хорошо. Квартиры с газом, ваннами, паровым отоплением. Есть хорошая библиотека, да и у каждого офицера своих книг много. Новые кинофильмы смотрим наравне с москвичами. А какая рыбалка, охота!..

...Из авиационного гарнизона мы уезжаем утром. Дорога, пройдя молодой березняк, поднимается на холм. Отсюда хорошо видны авиационный городок и аэродром с четкими рядами самолетов на стоянке. Здесь живут, учатся и несут службу зоркие часовые советского неба — летчики-перехватчики.

↓ Возвращение с перехвата.

Дмитрий КОВАЛЕВ

Свое близкое

Да только знал ли я,
Что мне судьба с тобою?
Не многие в живых остались там...
И все ж весна ступала по пятам
С предчувствуемой первою любовью.
И веру в жизнь душа сберечь сумела,
Вся отдана сполна ее страстям.
И скорости
Невидимо, не смело
К космическим стремились скоростям.
И очень бережно вынашивалась встреча
С одной боязнью — от людей отстать...
И, всем на свете дважды два переча,
Другая юность распрямляет стать.
Подчас обидно нас не понимая,
Порой обиженно сама права...
И так же точно зелена трава,
И плит скала такая же немая...
Но вздрагивает вечный свет салюта
В той полночи, что от него бела,
С печалью той, в которой почему-то
Как бы виновность нас, живых, была.
Да можно ли печаль в упрек нам ставить
Примешанную к радостям побед?
Нам помогает в жизни эта память.
И без нее нам будущего нет...
Кристальны реки наши на излуках.
Синь ключевая в грозовом дыму.
И лишь страшусь —
Чтоб не отстать в разлуках
И не остаться в прошлом одному.

Жигулевская береза
(Песня)

На краю того утеса,
Что в народе знаменит,
Жигулевская береза
В темной зелени шумит,—
Иль Степана вспоминая,
Ермака ли с Иртыша,
Непокорная, земная,
Наша русская душа.

Вся исхлестана ветрами,
Как мужицкий холст, бела,
Солнце гибкими ветвями
На утесе обвила,—
То ли душу открывая,
То ли думу затая,
Окрыленная, живая,
Сокровенная моя.
Все зовешь куда-то с детства
На разводья Волги ты,
Все не можешь наглядеться
На Россию с высоты,—
То ли прошлое листая,
То ли будущим дыша,
Неуёмная, простая,
Наша русская душа.

Любовь

Ржаного северного утра вотчина.
Рассвет нежнее ржания коня.
Иду, блестя ступнями, вдоль обочины,
Как полный колос, голову клоня.
И не прохожий здесь
И не напрасный я...
Так и уйду, любви не утоля...
Моя неблизкая зарница красная.
И светится в хлебах моя земля.

Дикарка

Ей-то легко мимо всех проноситься —
Так, чтобы видели, словно в мечтах...
Ох, эти ветры весеннего ситца
В крупных, заоблачно зябких цветах!
Ох, этот взгляд, это дикое зелье!
На волоске повисает гроза...
И зелены же — как первая зелень —
У кареглазой дикарки глаза.
Сквозь синеватую алость малины
Кипень сияет, как солнце, бела...
Сколько безбожников бога молили,
Чтобы она их невестой была!

Таинс

А. Н. САБУРОВ,
генерал-майор, Герой Советского Союза

Фото В. Высоцкого и В. Фроленко.

Стиль капитана Налепки

Мы в Картеничах. Тихое, уютное село. С первого дня нам здесь очень понравилось... Просыпаюсь рано утром, смотрю в окно и вижу: на улице стоит повозка, груженная домашним скарбом, в нее впряжена пара серых волов. Со двора напротив выходит Рудольф. Он по-хозяйски, заботливо усаживает на повозку сначала мою знакомую старушку, «секретаря райкома», потом какую-то женщину, подает им двоих малых ребятишек, привязывает к задку корову.

Ничего не понимаю. Рудольф вчера вечером отправился в Буйновичи. Был он там или нет? Может, не дошел, вернулся? Куда и зачем отправляет он эту семью?

Открывается дверь, заглядывает хозяин — дед Колос.

— Товарищ командир. Часовой приказал передать: к вам словацкий солдат просится.

Через минуту заходит Галя, за ней Рудольф. Он переминается с ноги на ногу, потом вытягивается и докладывает по-военному:

— Чембалык отказался дать ответ на ваше письмо.

— Так-таки ничего и не пожелал сказать?

— Говорит, сам знаю, в учителях не нуждаюсь.

Ответ Чембалыка был достаточно резок. Однако спасибо и на том, что он не задержал Рудольфа. Значит, Чембалык, во всяком случае, не гитлеровский прихвостень. Не пожелал отвечать, ну что ж...

Я обратил внимание на Галю. Одежда преобразила ее до неузнаваемости: на ней был какой-то поблекший, потрепанный полушубок, ветхая коричневая шаль. Ее всегда чистое лицо в какой-то сыпи. Галя показалась мне совсем маленькой, забитой деревенской девчушкой.

— А вы зачем здесь оказались? — спросил я у нее.

Она недоуменно повела плечами, взглядом показала на Рудольфа.

— Рудольф,— сказал я,— посидите пока с хозяином.

Как только дверь за ним закрылась, Галя сказала:

— Налепка мне предложил вдруг перевезти мою мать в Ельск или же указать ее адрес. Вот я и примчалась спросить, что мне делать. Ну, а Константин Петрович мне уже подготовил «маму» и «бабушку». И даже двух «сестренок». Мы едем в Ельск.

— Погоди,— перебил я Галю. Я, кажется, начинал путаться в новых, непонятных для меня обстоятельствах.— Что за мать и что за бабушка у тебя появились? И почему в Ельск?

— В Ельск переезжает штаб 101-го полка. Я там должна работать по-старому в штабной столовой. А вы же знаете, что я Налепке наговорила.

Наконец-то я понял. Раньше Галя уезжала к нам под предлогом свидания с больной матерью. Налепка в эту версию не поверил и потому предложил привезти мать. Он явно проверял Галю. Петрушенко, видимо, все предвидел и заранее подготовил эту операцию. Рудольф должен был помочь Гале с переездом.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38, 39.

— Бабушка из Овруча,— объясняет Галя,— ее Налепка будто бы знает. Ну, а «маму» мне подобрали здесь.

Петрушенко, стало быть, решил использовать «секретаря райкома», а отныне «бабушку» Гали в своих целях. Если она узнает в капитане Яне Налепке своего словацкого офицера «Ивана», о котором так тепло отзывалась, это существенно изменит наш взгляд на капитана.

— Что у тебя с лицом? Уж не больна ли? — спросил я.

— Нет! — Галя расхохоталась.— Это я натерла каким-то зельем, девчата дали. Целые сутки щипало, думала, вся кожа сгорит. Но зато к таким не пристают.

— А кто же тебя в таком виде теперь в столовую допустит?

Партизаны на марше. Впереди, с зонтиком,

— Ничего, допустят... Есть такой состав: смажу — к ночи все пройдет.

— Ну, гляди... А как Налепка к тебе относится?

— Очень хорошо.— Галя поняла, что меня интересует. И продолжала: — У них там такой переполох, такое творится! Когда наше соединение пришло, они все словно с ума сошли. Я подробно обо всем доложила Константину Петровичу.

— А ну присядь, расскажи толком.

— Немцы готовят большое наступление против партизан. Приехал генерал из Германии, сказал, что из Берлина перебрасывают сюда дивизию жандармерии и одну дивизию «СС» из Югославии. А правительство Словакии дало приказ своей дивизии тоже участвовать в этой, как они называют, акции.

Мне почему-то очень не хотелось верить этому тревожному сообщению. Откуда, думал я, гитлеровское командование может быть уверено, что мы со своим соединением намерены долго действовать на Житомирщине, и поэтому именно сюда стягивает войска?

— Откуда ты все это узнала? — спросил я.

— Налепка, по обычаю, приказал принести к нему в кабинет кофе. Я зашла, а он опять — как тогда, помните, я рассказывала? — с кем-то начал говорить по телефону по-русски, и так подробно обо всем. Я было хотела уйти, но он сказал: «Подождите, вы мне нужны».

— Ты сама веришь во все это?

— Верю. Он даже просил меня подобрать людей, хорошо знающих лес, на роль проводников. Рассказал мне, какими местами они

твенная записка

интересуются, начертил маршруты продвижения войск в здешних местах, а потом оторвал часть чертежа и сказал: «Здесь будут наступать немцы, они сами подберут проводников». Вот тут я немножко не понимаю. Отрезанные листки он смял и бросил в вазу с печеньем, которую я принесла, и при этом сказал: «Печенье я не ем, возьмите себе». Я, конечно, и печенье взяла и куски чертежа тоже. Они у Константина Петровича.

«Это уже чересчур!» — подумал я и сказал:

— Налепка тебя проверяет. Берегись его, слышишь? Будь осторожна.

— Мне Петрушенко то же самое говорил.

Я невольно вспомнил Марию Гутареву — нашу отважную разведчицу в Брянских лесах. Она сумела войти в доверие к полковнику Сахарову, посланному Гитлером на борьбу с партизанами (отец Сахарова служил начальником штаба у Колчака). За участие в борьбе против испанских патриотов Гитлер наградил его орденами и присвоил звание полковника.

Сахаров умело разыграл Мусю и «пошел на связь». Муся не посчиталась с нашими предупреждениями и была схвачена гестаповцами. Она перенесла страшные мучения. К ней подсаживали старуху-провокаторшу, мать подлеца-полицейского, в надежде выведать партизанские тайны. Но Муся держалась героически. С допросов ее приносили полумертвую, но стоило ей прийти в сознание, она смеялась над беспомощностью гестаповцев и говорила старухе, не подозревая, что это шпик: «Бабушка, я их там так ругала и в лицо плевала, а они всё ждут, что Муся им расскажет про партизан. То, что у меня в голове и в сердце, врагам и каленым железом не вытянуть...»

И Муся сдержала слово: осталась верна партизанской клятве. Ее казнили. А старуха, глядя на эти чудовищные истязания, сошла с ума.

Словно поняв ход моих мыслей, Галя попыталась успокоить меня:

— Вы думаете, я такая уж простушка... Это я здесь такая, а там, будьте уверены, смотрю в оба...

— Пока у тебя нет оснований кому бы то ни было доверять там. Ты ведь слыхала, что ответил Чембалык на наше письмо.

— Чембалык — другой человек, Александр Николаевич, он с двойным дном. Его не ухватишь. Я вам расскажу, как он себя вел на траурном вечере...

— Почему траурном?

— Так его Чембалык назвал. Собрались в столовой офицеры — посидеть, выпить. Там был один артиллерист. Он как ударит кулаком по столу, как закричит: «Для меня нет больше командиров, они на убой нас гонят. Им ордена, а нам что — гроб?..»

Ну, все начали его успокаивать, а он еще больше разошелся: «Расстреляйте меня, а нет — сам повешусь». Тогда Чембалык подошел к окну, сорвал шнур от шторы и бросил этому офицеру. «На,— говорит,— дурак, иди вешайся...»

Шум тут поднялся невообразимый... Только Налепка не волновался. «Господа офицеры,— говорит,— беду словацкого народа слезами не отведешь...» В ответ Чембалык заорал, правда, он уже хорошо к тому времени подвыпил: «Вояницы, пóзор! — это по-ихнему значит «Внимание!» — Слово будет держать фарар». Это по-нашему поп. Я уже хотела уйти, но меня задержал Налепка, посадил к своему столу. «Послушай,— говорит,— божье слово...» Тут совсем забавно получилось. Священник вышел на середину и начал свою проповедь: «Сыны мои, все от господа бога. Вы сами бога прогневили. Кровью грехи придется смывать...»

И вдруг к нему подходит Чембалык с двумя рюмками коньяку и говорит: «Скажи, святой отец, партизаны от кого?» «От черта!» «А черт от кого?» «От бога». «Ну, значит, по-твоему, черт сильнее самого бога?» «Почему?» «Потому что фюрер — наместник бога на земле, а с партизанами справиться не может, словаков посылает». И Чембалык сунул в рот попу рюмку коньяку. Офицеры от хохота под стол повалились.

— А как реагировал на все это Налепка? — спросил я.

— Налепка мало пил и мало говорил.

Мы уже заканчивали беседу с Галей, когда вошел Лесин и напомнил ей, что Рудольф ждет.

Визит Чембалыка

По указанию из Москвы мы принимаем новый план боевых действий. Наша задача: опередить большое наступление противника, запутать вражескую разведку и вызвать словаков на открытые действия, чтобы наконец прояснить все. Надо нанести удар одновременно по нескольким гарнизонам врага.

Бородачев записывает в приказ:

«Реве со своим отрядом захватить Буйновичи».

— А этого архаровца Чембалыка не мешало бы взять живым в плен,— комментирует наш комиссар.

— Це можно, если он не драпанет первым,— весело откликается Рева.

— У меня вопрос,— сказал Бородачев.— Прежний приказ насчет словаков отменяется?

— Нет.

Тот приказ ограничивал командиров в самостоятельных действиях против словаков.

— Я бы воздержался от операции на Буйновичи,— сказал Костя.— Письмо мы послали ультимативное. Это, конечно, могло задеть самолюбие Чембалыка.

— И очень хорошо. Надо в конце концов заставить его отвечать за свои действия,— не отступает от своей идеи Богатырь.

— Обстановка усложняется,— сказал я,— нам хотелось обойтись без крови, но частям оккупационных войск, дислоцирующимся в деревнях среди лесных массивов, мы обязаны сразу давать бой...

Заседание штаба состоялось утром. А вот что произошло поздним вечером...

Я был один в комнате. Полулежа на разостланной карте, веду мысленно наступление на Буйновичи.

Сквозь двойные рамы приглушенно доносятся людской гомон и звуки баяна, потом песня. И вдруг слышу звон бубенцов. Думаю, чудят партизаны. Разнозвучный перелив быстро приближается.

Слышу, как коней рывком осаживают у самого дома, проскрипели ворота, сани въезжают во двор.

В соседней комнате послышались голоса, топот ног, стряхивающих снег. Вбегает Ларионов, выпаливает скороговоркой:

— Словацкий офицер приехал.

Я был ошеломлен.

— Давай сюда комиссара, Бородачева, Петрушенко. Живо!..

Быстро сворачиваю карту, застегиваю воротник гимнастерки, потуже подтягиваю ремень.

Входит командир роты Смирнов.

— На переговоры к вам прибыл командир Буйновичского гарнизона словацкий офицер Чембалык! — отрапортовал он.

— Каким образом он сюда попал?

— С Буйновичей. Прямо на мою заставу напоролся,— объяснил вполголоса Смирнов.— Слышим звон колокольчиков, приготовились. Смотрим, на нас мчится пара лошадей. В санях один человек. Решили пропустить на заставу. Остановили, видим — офицер. Он по-русски спрашивает: где командир? Я командир, говорю. А ему, оказывается, к вам надо.

Богатырь, Петрушенко и Бородачев явились почти одновременно.

Коля Маленький.

Заседает штаб соединения.

— Приехал все-таки, бродяга! — радостно воскликнул Костя.

— Пригласите Чембалыка.

Товарищи оправляют гимнастерки. Оглядываем друг друга. Договариваемся, что вначале разговор буду вести я. Костя не должен обнаруживать себя как разведчик.

В дверях появляется высокий офицер в немецкой форме. Сделал полшага в сторону, щелкнул каблуками так, что зазвенели шпоры, приложил два пальца к козырьку фуражки и по-русски, но с заметным акцентом представился:

— Товарищ командир дивизии! На переговоры по вашему письму прибыл из Буйновичей командир дивизиона особого назначения словацкий офицер подпоручик Чембалык.

И замер на месте.

Он, несомненно, красив. Стройный, подтянутый. На гладко выбритом лице озорные глаза, и от уголков их бегут насмешливые лучики еле заметных морщинок.

Он назвал меня командиром дивизии. Ну что же, пусть будет так. Следует сильное рукопожатие, словно он сразу хочет дать почувствовать свою искренность и расположение к нам, партизанам.

Чембалык снова щелкает каблуками и говорит:

— Прошу принять от офицеров и солдат моего гарнизона сердечный привет и скромный подарок.

приемно, что вам понятный мой русский язык. Я маю любовь до вашего Пушкина, большую любовь... Как начинается его революционный стих? — поворачивается он к Богатырю.

— Товарищ, верь...— сразу отозвался комиссар.

Чембалык подхватывает:

— ...взойдет она,

Заря пленительного счастья...

— Скажите, подпоручик, мы слыхали, что гестапо ищет в вашей дивизии какого-то Репкина. Это правда?

— То правда,— весело рассмеялся Чембалык.— Ищут, но не могут находить. Я им говорю: Репкин — это я, а они не хотят верить. Я имею любовь к шутке, товарищ командир дивизии. Вы понимаете меня?

«Этот Чембалык осторожен,— подумал я,— не проговорится, не скажет лишнего. Однако надо попробовать узнать у него кое-что».

— А как относится начальник штаба полка капитан Налепка лично к вам?

— Вы имеете знакомство с ним? — снова вырвалось у Чембалыка.— Вы хорошо знаете Яна? Да? — И глаза его настороженно впиваются в меня.

— Нет, мы, к сожалению, незнакомы с ним,— по-прежнему равнодушно говорю я.— Вы первый из словацких офицеров, которого мы имеем честь видеть.

Несколько мгновений Чембалык изучающе смотрит на нас, видимо, стараясь понять, насколько искренен мой ответ. Он удобнее усаживается на диване, закуривает сигару, говорит:

Встреча партизан со словаками.

Он легко поднимает с пола неведомо как очутившийся здесь объемистый пакет и передает мне. Почему-то я не решаюсь сразу развернуть его и кладу на стул.

Внимательно приглядываюсь к гостю. Он ведет себя просто: снимает шинель, усаживается на диван и сразу берет в свои руки инициативу.

— Прошу принять мои извинения. Я позволил себе не отвечать на ваше письмо. Как видите, вместо ответа прибыл сам.— Он озорно смеется и добавляет: — Привычка не оставлять следов на бумаге.

— Но ваш приезд может оказаться не бесследным,— улыбнулся и я, принимая предложенный тон разговора.

— О! То не есть страшно. Попутный ветерок заметет следы... Я телефонировал начальнику штаба полка капитану Налепке и сказал ему так: «Ян, что-то у меня в середине мутит,— и Чембалык с грустной миной показывает на грудь,— поеду до девочек, погуляю».

Услышав фамилию Налепки, мы с Костей переглянулись.

— Вы маете знакомство с капитаном Налепкой? — резко поворачивается ко мне Чембалык.

Оказывается, он наблюдателен.

— Нет, не знаем, но слыхали, что есть такой начальник штаба полка,— говорю я как можно более равнодушно и пытаюсь отвлечь его.— А вы, между прочим, хорошо знаете русский язык.

Видимо, похвала ему приятна.

— То не очень,— скромничает он,— но мне

Вы хотите знать, кто такой есть Налепка. Налепка есть главный человек в нашем полку. Да-да, главный. Вы будете меня спрашивать: а командир полка? О! Наш полковник Чани... как вам по-русски сказать... интересный...— Чембалык ищет нужное слово,— экземпляр.

Наши офицеры так про него говорят: «Кто не имеет желания работать, легко избавляет себя от обязанностей». Зато на обещания командованию не скупится. Налепка так говорит: «Обещания даются, дураки радуются, а жизнь старика Чани идет спокойно. Она ограничена обручальным кольцом на розовом пальчике его молодой манжелки...», то есть жены.

Наш гость явно доволен произведенным на нас впечатлением. Он начинает рассказывать пикантный анекдот о полковнике Чани, а я смотрю на него, и кажется мне, что он сознательно развлекает нас, стараясь оттянуть серьезный разговор.

Приглашаю всех к столу. В нарушение дипломатического этикета — ведь дипломаты сперва договариваются, а потом закусывают — мы решили начать с угощения. На столе консервы, колбаса, жареная баранина, квашеная капуста и огурцы. Потом появляется графин с разбавленным спиртом. Чембалык тотчас же поднимается и, обращаясь ко мне, говорит:

— Прошу позволения угощать вас нашим словацким вином.

Подпоручик быстро разворачивает преподнесенный нам пакет и ставит на стол бутылки с вином и французским коньяком.

Я собрался было провозгласить первый тост, но Чембалык заметил это и опередил меня:

— Я пью за союз наших правительств против фашизма, за победу над Гитлером.

Отнюдь не хрустальным звоном отвечают на соприкосновение наши грубые граненые стаканы, но вино в них отменное — золотистое, прозрачное, чуть терпкое. Я смотрю на Чембалыка и думаю: с кем я пью? Кто он, этот наш гость? И одновременно думаю о Налепке.

Чембалык задумчиво катает в пальцах хлебный шарик. Его глаза смотрят в угол комнаты. Очевидно, приняв наконец решение, Чембалык обращается ко мне, и в голосе его уже нет прежних веселых, шутливых ноток.

— Ваше письмо вы должны посылать не мне, вы должны посылать Налепке. Он, а не я, берет на себя ответ за жизнь словаков.

Так вот когда начинается серьезный разговор...

— Прошу дать мне прощение,— медленно продолжает Чембалык, тщательно подбирая каждое слово.— Вы должны иметь знакомство с Налепкой.

— Он что, коммунист? — спрашивает Богатырь.

— Думаю, нет...

— Он ваш друг? — быстро спрашивает Петрушенко, пытаясь вызвать гостя на откровенность.

— Да. Мы имеем с ним частую встречу. Он смелый и любит повеселиться. Мы делаем с ним шутки над стариком Чани, хотя и жалеем его,— заключает Чембалык.

— А за что вы жалеете Чани? — спрашивает Бородачев.

— Старик придерживается нейтралитета, но если нас всех возьмет гестапо, его не оставят на свободе.

— Вас возьмет гестапо? За что? — В голосе Бородачева звучит ирония.

Чембалык мрачнеет. Глубокая складка прорезает его лоб. Он крепко стискивает зубы, и на смугловатых, до синевы выбритых щеках резко вырисовываются скулы.

Надо спасать положение. Я поднимаю стакан с вином.

— За ваш приезд, господин подпоручик!

Чембалык чокается, выпивает вино и уже спокойно обращается ко мне:

— Я хочу отвечать господину офицеру. Позволяете? Благодарю вас.— Поворачивается к Бородачеву и, отчеканивая каждое слово, говорит: — Вы даете вопрос, за что нас может взять гестапо? За то, что мы имеем ненависть к Гитлеру, к германскому фашизму, врагу словенства. За то, что мы имеем надежду встретить на словацкой земле союзные войска... Вы имеете веру во второй фронт? — в упор глядя на меня, спрашивает он.

— Нам говорили в Москве, что второй фронт все-таки будет.

— Правильно.— Он сказал это столь утвердительно, будто являлся представителем союзного командования.— А Налепка всегда имеет спор со мной. Он говорит: в Словакию войдет только Красная Армия, а второй фронт — нонсенс. Как это по-русски? Прошу помогать,— обращается он к Петрушенко. Но тут же сам переводит: — То есть глупость, бессмыслица.

— Значит, капитан Налепка не верит во второй фронт? — уточняю я.— Напрасно! Второй фронт будет! Он нашим союзникам понадобится.

— Я есть очень радый: мы с вами имеем одну мысль.

Чембалык вынимает портсигар, угощает нас сигарами и, откинувшись на спинку стула, развивает перед нами высокую стратегию Вашингтона и Лондона.

По его мнению, союзникам сегодня невыгодно открывать второй фронт: путь до Берлина пока значительно ближе от Ла-Манша, чем от Сталинграда. И если сейчас союзники перешагнут в Европу и непосредственно нависнут над столицей Германии, кто знает, Гитлер может заключить сепаратный мир с Россией и бросить свои дивизии с Восточного на Западный фронт. При таком положении победа выскользнет из рук союзников или в лучшем случае будет стоить им большой крови.

В. В. Соколов. ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ.

В. К. Саморезов. ИЗ СУРОВОГО ПОХОДА.

А. И. Костюченко. УТРО.

Пока же Советская Армия перейдет в контрнаступление и подойдет, скажем, к Днепру, она будет утомлена, ослаблена. Вот тогда-то союзники ворвутся во Францию, и победа обеспечена: они или с боями захватят Берлин и Центральную Европу, или вынудят Гитлера заключить с ними выгодное им соглашение. Союзники тогда смогут уверенно диктовать свои условия.

— Черта лысого! — вырывается у Бородачева.

— То есть не черт лысый, то есть простой и верный расчет,— холодно бросает Чембалык.— Арифметика. Дважды два есть четыре, и только четыре. А наш сельский учитель Налепка говорит: «Пять». Он упорно имеет веру в словацкую революцию.

Наш разговор на общие темы затянулся, это снова могло увести нас в сторону от дела.

— Мы хорошо побеседовали,— говорю я.— Мы были взаимно откровенны. Не правда ли? Перейдем к делу... Насколько нам известно, словацкие части проявляют к нашему советскому народу только, я бы сказал, платонические симпатии — ездят по деревням, иногда дружески беседуют с колхозниками, поют с ними песни. Наконец, этот ваш любезный, даже, простите, демонстративно любезный приезд к нам с бубенцами. Теперь мы ждем активных дел, конкретной помощи.

— Я для того самого имел долг прибыть к вам лично.

— Тем лучше,— говорю я,— в таком случае давайте выработаем соглашение и подпишем его.

Чембалык резко поднялся, лицо его серьезно.

— Соглашение? Бумагу? Зачем бумагу? Слово солдата...

— Вы правы: слово солдата — золотое слово. Но все-таки...

— Значит, вы отказываетесь? — в упор спрашивает Костя.

— Нет... Почему же... Но я хотел бы знать: на каких вопросах будет стоять то соглашение?

— Мы считаем,— говорю я,— что вы должны обеспечивать нас разведданными, помогать оружием и боеприпасами. Ваш батальон, не поставив нас в известность, не будет выходить на акции против партизан. Со своей стороны мы гарантируем: партизаны не будут нападать на ваши подразделения.

— Вторая часть мне нравится,— пытается шуткой облегчить себе решение вопроса Чембалык.

— А первая?

После короткой паузы следует ответ:

— Мой батальон в партизан не стреляет. В остальном я постараюсь выполнить все, как вы того просите. Сведения по разведке я буду давать...

Он явно увиливает, и тогда Костя прерывает его:

— А остальное? Если уж на то пошло, подпоручик, то сведения мы и без вас можем получить.

Тон у Кости сухой.

Чембалык молчит, соображает, прикидывает.

— Я есть готовый! — наконец говорит он.

Мы быстро набрасываем текст соглашения.

Чембалык обязуется в ближайшее время передать нам десять ручных пулеметов, несколько десятков тысяч патронов, медикаменты, питание для радиостанции и обещает снабжать нас военной информацией.

Мы обязуемся отдать приказ нашим отрядам не открывать огня по подразделениям его гарнизона. Из разговора выяснилось, что фашистские оккупационные власти специально урезают нормы словацкой дивизии, толкая ее на грабеж населения. И мы выражаем готовность по мере возможности передавать гарнизону Буйновичей хлеб и мясо.

Чембалык первым подписывает документ. Его подпись, размашистая, с завитушками, точно характеризует нашего гостя.

— Теперь я есть не Чембалык, а Богданович,— протягивая мне текст соглашения, говорит подпоручик.— Прошу писать письма только Богдановичу. От меня к вам будет ходить хозяин моей квартиры Антон. Вы меня понимаете?

Он вынимает из кармана изящную кожаную коробочку и, ловко сорвав пломбу, протягивает ее мне.

— Прошу. То от меня лично.

Внутри на темно-синем бархате лежат карманные часы. На их массивной крышке марка известной швейцарской фирмы.

Я растерялся. Надо чем-то отдарить. Но чем?..

К счастью, вспоминаю, что не так давно партизаны принесли нам «трофей» — золотые часы с тремя крышками. Они были где-то на хранении у моего ординарца Лесина. Вызываю Степана и через несколько минут вручаю подарок Чембалыку.

— Пусть стрелки этих часов остановятся, если кто-либо из нас нарушит соглашение,— говорю я.

— Даю слово солдата. Я теперь самый богатый человек на Словакии,— смеется Чембалык. Потом доверительно наклоняется ко мне.— Прошу дать мне разрешение: я буду наливаться вашим спиртом. Мне надо возвращаться пьяным... Мне нужна осторожность, бо там должны знать, что Чембалык гулять ездил.

Через полчаса звонкие бубенцы снова огласили морозный воздух. Лихие кони увозили нашего нежданного гостя.

Окончание следует.

Нет, не вертится!

В мае этого года группа советских журналистов посетила Соединенные Штаты по приглашению Американского общества газетных редакторов. Гостям показывали очень многое; в программу поездок входил не только осмотр традиционных американских достопримечательностей, но и посещение ранее закрытых для иностранцев предприятий. Один из участников поездки, Ал. Романов, в книжке «Америка, какой мы ее видели», выпущенной Госполитиздатом, рассказал о своих впечатлениях.

Автор, внимательно вглядываясь в быт, экономику и культуру заокеанской страны, беседуя с политиками, учеными, фермерами, деятелями искусства, увидел большой, сложный общественный организм, снедаемый неизлечимыми недугами.

Ал. Романов с уважением отзывается о молодых, энергичных помощниках президента, которые понимают, что советские заявления об экономическом соревновании с США — это отнюдь не «пропаганда», и внимательно изучают развитие социалистической экономики, делая для себя определенные выводы. В то же время автор иронизирует над попытками этих ученых решить социальные вопросы без учета объективных законов общественного развития. А они продолжают действовать независимо от желания и воли советников президента.

— Что-то у нас не вертится,— сказал один американский журналист в беседе с Ал. Романовым.

Это признание не раз вспоминается при чтении книги.

На окраине Нью-Йорка строится «город будущего» — великолепные кварталы, изумляющие человека роскошью и удобствами. А рядом, в трущобах Вест-сайда, кишащих крысами, проживают тысячи бедных семей, которых не сегодня-завтра вышвырнут на улицу без предоставления другого жилья.

По данным министерства труда, в 60-х годах из 26 миллионов молодых американцев, которые придут на производство, десять миллионов не окончат среднюю школу, а четверть из них даже начальную школу. А в ближайшее десятилетие спрос на неквалифицированную рабочую силу будет стремительно сокращаться.

Автор видит, как в американском народе неотвратимо растет желание понять мир социализма, желание, которое не может удовлетворить официальная антикоммунистическая истерия, «то злобная, то плаксивая, то наглая, то глупая». О характере антикоммунистической пропаганды немало говорит так называемое «Общество Джона Бэрча», в «программе» которого записан такой девиз: «Води машину самым опасным образом, так как пешеход, которого ты собьешь, скорее всего коммунист». Но даже в таких условиях, отмечает Ал. Романов, правда о Советском Союзе проникает и в одноэтажные домики Де-Мойна и в небоскребы Нью-Йорка.

Двумя-тремя фразами рисует автор портреты рядовых и сановных американцев, с которыми ему довелось встретиться. Тут и секретарь городского профсоюзного совета Сан-Франциско Джордж Джонс, «щуплый, рыжеватый человек с небольшими, старательно подстриженными усиками и морщинистым лбом». И богатый фермер Росуэл Гарст, с «большой седой головой, характерным крючковатым носом на обветренном карминовом лице...» Тут и «типичный американец» Гарри Коч, «приветливый, скромно одетый человек с задумчивыми серыми глазами и удивительно приятной, мягкой улыбкой...». Ал. Романов описывает и встречу с президентом Кеннеди, который перед выборами объявил себя наследником Рузвельта и в первые же сто дней своего правления убедил соотечественников, что ждать им от «новой экономической программы, собственно, нечего».

Очерки Ал. Романова, написанные хорошим публицистическим языком, красноречиво показывают, как рядовой американец, полный забот, опасений и страхов, постепенно приходит к очень простому и важному выводу: «Да, что-то в Америке не вертится...».

В. ВОРОНОВ

Всеви

И. П. Копалин.

Фото Ю. Кривоносова.

Сел за стол, чтобы написать очерк о кинорежиссере Илье Петровиче Копалине, и задумался: с чего начать? И тут вспомнилась мне недавняя встреча с моим героем. Мы шли по улице Горького вверх от Охотного ряда к площади Маяковского. Поравнявшись с новым кафе «Космос», Илья Петрович остановился и сказал:

— Вот здесь старые кинематографисты всегда снимают шляпу.

— Почему? — удивленно спросил я.

— На том месте, где мы сейчас с вами стоим, был дом, в котором размещалось в начале двадцатых годов «Культкино». С него все и началось...

Теперь уже мало кто помнит и этот дом с широким подъездом, расписанным в псевдорусском стиле, и вечно шумный подвал, где собирались на свои дискуссии, на просмотры первых советских фильмов молодые и часто еще неопытные кинематографисты. Впрочем, дом этот при желании можно увидеть и сейчас. В середине тридцатых годов он был подвинут с красной линии в глубь двора первого тогда строящегося здания на реконструируемой улице Горького.

В те далекие годы многое было первым и молодым. Организация «Культкино» тоже была молодой. В киноискусство приходили молодые люди. Они шли туда не мирно служить. «Довольно грошовых истин!» — гремела эпоха устами своего поэта,— они шли туда ломать старое, искать, созидать, творить новое. Зарождалось реалистическое советское киноискусство, удивившее вскоре мир таким шедевром, как «Броненосец «Потемкин». В «Культкино» возникла тогда под руководством Д. Вертова первая группа документалистов, назвавшая себя «Киноглаз».

Уже само название говорило о целях и характере группы: быть в первом эшелоне жизни, искать в ней новое и честно, без грима и бутафории рассказывать об увиденном широким массам.

Трудно? Да, задача не из легких. Но у «Киноглаза» было не одно око. Вокруг профессионалов — операторов и режиссеров — создавался актив киноразведчиков, называвших себя «киноками». Вот таким «киноком» в 1924 году и стал Илья Копалин...

Мы идем с Ильей Петровичем Копалиным неторопливо. Вечер уже давно хозяйничает в городе. Только что закончился очередной сеанс фильма «Первый рейс к звездам», созданного И. Копалиным в содружестве с режиссерами Д. Боголеповым и Г. Косенко. Илья Петрович взволнован той теплотой, с которой приняли зрители фильм о первом космонавте. Тонкие пальцы теребят лацкан пиджака, на высокий белый лоб легли чуть заметные морщинки. Илья Петрович говорит мало, больше слушает. И вдруг...

— Вы любите сказки? — неожиданно спрашивает он и, не дождавшись моего ответа, продолжает: — Да как же их не любить! Полет Гагарина... Нет, теперь жизнь предвосхищает сказку! Полмира объездил... Сказочна жизнь на земле. Не везде сказки светлые. Есть злые, мрачные, но добрых, ох, как много добрых сказок! И вот хочется все их запечатлеть на пленке и показать людям. Смотри, человек, как светел мир, как захватывающе интересен каждый наш день!

В серых глазах Ильи Петровича вспыхнули огоньки. Морщинки на лбу разгладились. Илья Петрович рассказывает о том, как снимал «Первый рейс к звездам», о своей давней мечте сделать документальный фильм о коммунистах.

Вот он всегда такой — то сдержан и немногословен и даже, кажется, порой медлителен, то вдруг восторжен и деятелен до необычайности. Это не просто смена настроений. Это характер большого, вдумчивого художника — человека зоркого, который видит, казалось бы, в ничем не примечательных буднях и романтику подвига и высокую поэзию труда. И не только видит, но и умеет рассказать об увиденном, ярко, образно, увлекательно.

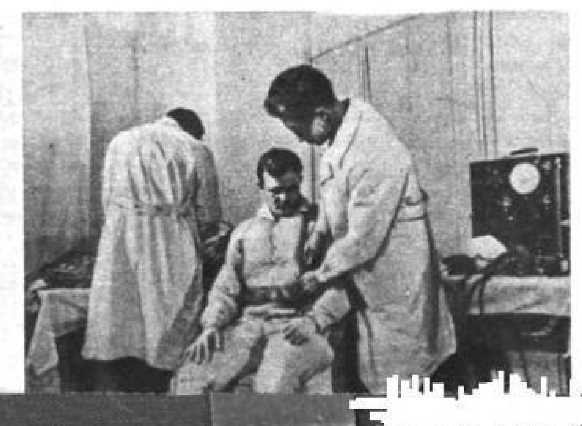
Кажется, чрезвычайно трудно по-новому и оригинально рассказать о Москве, запечатленной в сотнях документальных фильмов, в очерках, рассказах, романах, исторических исследованиях. Москва — давно любимый образ Ильи Петровича Копалина. Он впервые вместе с оператором М. Кауфманом снял фильм о Москве тридцать четыре года назад и возвращался к этой теме позд-

Слева направо:

1945 год. И. Копалин и В. Доброницкий снимают академика Зденека Неедлы для фильма «Освобожденная Чехословакия».

Кадры из фильмов: «Первый рейс к звездам», «Слава героям Хасана», «Город большой судьбы».

Борис **ИВАНОВ**

дящее око

нее много раз. Но вот мы смотрим новый фильм Ильи Копалина — «Город большой судьбы». Пятьдесят пять минут пролетают, как одно мгновение. Город-громадина как бы ведет разговор со зрителем о времени и о себе: делится своими радостями и заботами, своими мыслями и планами. Сколько улиц в Москве, сколько окон, сколько человеческих судеб! Авторы фильма пошли по тем улицам, заглянули в те окна, поведали о тех судьбах, которые наиболее полно раскрывают облик великой столицы.

Умение видеть!

В этой связи мне вспоминается встреча работников «Комсомольской правды» с Александром Довженко. Тогда он, говоря о подлинном искусстве, о самобытности творца, привел такой пример: поручите тремстам художникам написать этюд собора Василия Блаженного, а затем посмотрите эти работы, и вы не увидите ни одной похожей. Каждый вложит в этюд свое видение оригинала, свой почерк, свой, только одному ему присущий талант.

Индивидуальность в творчестве — это ли не ценный дар! За какую бы тему Илья Петрович ни взялся, его режиссерский глаз выхватит и подчеркнет именно то, что подымает документальный фильм до произведения подлинного искусства.

— Вы спрашиваете, как я стал «киноком»? — улыбаясь, говорит Илья Петрович.— Жаль, что этот термин сейчас забыт. А ведь в нем заложен большой смысл. Кинодокументалист — это не просто репортер хроники дня, а взволнованный художник, который средствами кино создает публицистические произведения о нашей современности. Его талант — в умении отобрать из вороха, казалось бы, незначительных фактов типическое, в шепоте одинокой березки услышать шум целого леса. Его глаз недремлющ. Око всевидящее. Он разведчик будущего... В общем, идемте ко мне домой, там подробности о «киноках».

Когда заходит речь о подробностях, журналисту не нужно повторять приглашение дважды. Через пять минут мы уже сидели с Ильей Петровичем в его небольшом домашнем кабинете за низким круглым столом. Стеллажи, книги. На стенах кинокадры из наиболее памятных фильмов. Два веселых белых медвежонка. Чем примечателен этот кадр? Тем, что он из фильма о советских полярниках, снятого не самим Ильей Петровичем, а его сыном Владимиром — оператором Центральной студии документальных фильмов. Закончила в этом году Институт кинематографии и его дочь.

— Подрастает у нас и третий документалист,— шутит Илья Петрович.— Мой внук Илья-младший. Сейчас он овладевает основным жанром — учится говорить.

На столе горка альбомов. В них как бы биография Ильи Петровича. Вот он простой деревенский паренек, только что вернувшийся из армии. Да такой ли он уж простой,— секретарь комсомольской ячейки подмосковного села Павловского? 1924 год. Тогда в село приехала во главе с Д. Вертовым киноэкспедиция снимать документальный фильм об открытии пионерского лагеря.

— Дзига Вертов,— говорит Илья Петрович,— попросил нас, комсомольцев, показать, что есть в деревне интересного. «Вы здесь знаете больше нас. Будьте нашими глазами, киноками, разведчиками». И мы помогали как могли. А потом он пригласил меня приехать в «Культкино». Приехал раз, два... и зачастил. Принимал участие в дискуссиях о новых кинокартинах, а дискуссий тогда было больше, чем фильмов. В общем, так я стал «киноком»...

И соратником Дзиги Вертова, добавим мы, вместе с ним заложившим основы передовой советской кинохроники.

С тех пор Илья Петрович Копалин неустанно ищет новые формы выразительности в документальном кино.

Целая страничка альбома отведена фильму «Один из многих». Начало тридцатых годов. Идет коллективизация в деревне. С глухого проселка крестьянство выходило на широкий большак. Об этом новом и рассказать надо было по-новому. В кино только что появились первые звукозаписывающие аппараты, еще далеко не совершенные. Но это не смущает Илью Копалина. Он неоднократно выезжает на натурные съемки в деревню, и на экраны страны выходит первый полнометражный звуковой документальный фильм о коллективизации — «Один из многих».

Цвет не сразу завоевал себе поклонников даже среди мастеров художественного кино. В споре «что лучше» принял участие и режиссер Илья Копалин, но не словом, а делом. Он опять же одним из первых среди документалистов вместе с режиссером И. Сеткиной создал цветной фильм «День победившей страны». Краски в сочетании с широтой охвата темы придали картине эпическое звучание. Зритель увидел жизнь своей страны во всей ее трудовой, творческой многогранности и романтической приподнятости.

Звуковой документальный фильм — среди первых И. Копалин. Цветной — он же. Приходит в кино широкий экран. И здесь Илья Петрович остается верен правилу, завещанному Дзигой Вертовым,— быть разведчиком. Он создает первый широкоэкранный документальный фильм — о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Все это как бы этажи в творческом здании, наполненном киноочерками и репортажами о днях жизни нашей страны, о всех ее значительных исторических этапах. Здесь фильмы о колхозе и первом писательском съезде, Великой Отечественной войне и фестивалях молодежи, об освобождении Чехословакии и о преображенной Волге. Сорокалетию Октябрьской социалистической революции Илья Копалин посвятил фильм «Незабываемые годы». А самой последней его работой является «Первый рейс к звездам».

«Первый рейс к звездам» — первый фильм о первом советском космонавте Юрии Гагарине. Но это общая формула. Скорее картина эта — философское раздумье о том, как дерзновенная мечта человека прорваться к звездам, высказываемая в легендах и сказках, в фантастических гипотезах и научных расчетах, наконец стала реальностью на советской земле. Это фильм не только о победе гения советских ученых, о победе духа советского человека — это прежде всего фильм о великих преимуществах социализма.

Скорость стала как бы нервом нашего века. Но не всегда хороша скорость в искусстве. Однако в документальном кино оперативность во многом решает успех всего дела. В этом и трудность и счастье кинодокументалиста.

— Фильм «Первый рейс к звездам» мы делали прямо-таки с космической скоростью,— говорит Илья Петрович.— Фильм получился глубоким, сюжетным потому, что был отличный сценарий Г. Кублицкого и Е. Рябчикова.

Старый конек! Спор об уместности сценария в документальном полнометражном кино идет давно. Но противники сценария не замечают того, что, даже монтируя «одночастевку», они делают это все же по сценарию, пусть не написанному на бумаге, по сценарию чувства меры и вкуса. Ведь из тысячи метров отснятой пленки они отбирают сотни таких, которые бы наиболее образно и ярко рассказывали о событии, и не только о его внешней стороне, но и о внутреннем содержании. Не случайно лучшие документальные фильмы, отмеченные высокими государственными премиями, поставлены по сценариям, написанным виднейшими советскими писателями и журналистами. Веский аргумент в споре.

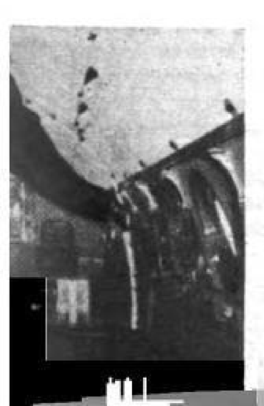
— Жаль только, что писатели не частые гости на нашей студии,— говорит Илья Петрович.

Нашу беседу все время прерывают телефонные звонки. Снова Илью Петровича зовут к телефону.

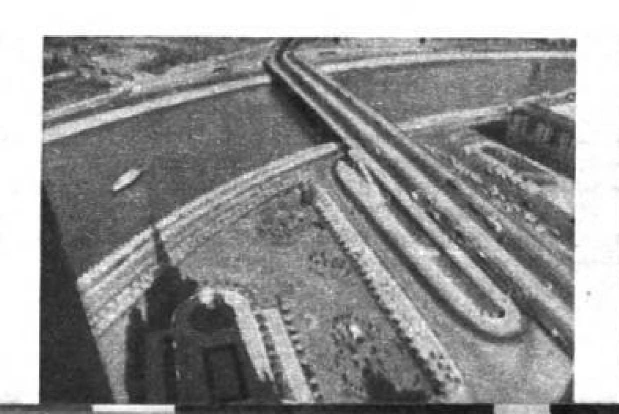
— Мои ученики, дипломники,— говорит он через несколько минут.— Этот звонил из Ленинграда. Снимает дипломную работу «Город ночью». Советовался.

С восхищением рассказывает Илья Петрович о своих учениках — студентах Всесоюзного государственного института кинематографии, где он уже много лет занимается преподавательской деятельностью. Бывшие студенты, а ныне режиссеры-документалисты из группы доцента И. Копалина успешно работают на многих советских студиях, на студиях стран Европы и Азии...

Возраст шестьдесят лет — уже не молодость. Но подлинное искусство не знает старости, ибо оно идет от жизни и движется вперед вместе с жизнью. Заслуженный деятель искусств, народный артист РСФСР, коммунист И. П. Копалин в расцвете своих творческих сил, полон новых планов, как полна ими наша советская действительность, о которой и рассказывает он народу.

Финиширует Одарка Фирцак — победительница областной колхозной спартакиады.

ная. В Билках очень вовремя «отпасынковали» хилые, надуманные спортивные секции. Оставили шесть-семь. Зато и дело пошло живее.

«Пасынки»... Какое точное определение для вещей надуманных и лишних в сельском спорте! Увлечение «пасынками» во многих республиках и областях и сейчас порой доходит до абсурда. Весной на конференции спортивного союза во Львове Т. Пасечный, делегат из поселка Сколе, расположенного в предгорьях Карпат, рассказал о факте, в этом смысле примечательном. Всем известно, что в горных речушках нырять негде, а областной совет ДОСААФ прислал в район план подготовки спортсменов по... подводному плаванию.

Те, кто «планирует» воспитание аквалангистов в карпатских лесах, не очень отличаются от тех, кто стремится иметь в селах мастеров по всем видам спорта. Правильно ли это?

Спортивная общественность уже выдвинула много интересных, насущных проблем организационной перестройки физкультурного движения в сельских районах. Такая перестройка началась в коллективах «Урожая» в Российской Федерации, на повестке дня она и на Украине.

Хорошо бы «районировать» колхозный спорт — вот какая мысль волнует сейчас многих организаторов спорта на селе. И, осуществляя эту интересную идею, в одном из сел на Станиславщине, Заболотье, активисты «районировали» волейбол. Он стал в районе самой популярной игрой. А в Билках соревнования штангистов и шахматистов собирают зрителей не меньше, чем иные футбольные встречи, а в Ворохте, в глубине Карпат, нет более популярного спорта, чем слалом.

Как дела, колхоз

Семен БЛИЗНЮК

Фото Л. Бородулина.

Наследство

...Дело происходило лет тридцать назад. Среди бела дня окруженный шумной толпой ньюйоркцев крестьянин из закарпатского села Билки Иван Иванович Фирцак лег под автомобиль. Фирцак не пытался уйти из жизни, он просто демонстрировал свою силу, зарабатывая деньги столь опасным путем. Погоня за деньгами швыряла его по всему свету. Закарпатский крестьянин боролся на цирковых коврах, гнул рельсы, вытаскивал зубами гвозди из досок. Но домой Фирцак вернулся с пустой «тайстрой» — сумкой верховинца...

Под вечер на обочине шоссе, за Свалявой, остановился тупорылый, стального цвета автофургончик. На него никто не обратил внимания: мало ли машин встречается на этой международной туристской магистрали, тем более, что сваляевцам и их гостям из Билок было недосуг: на помосте заканчивался матч штангистов двух колхозов! А в это время хозяин автофургончика, пытаясь сменить скат, неудачно подставил домкрат, и машина завалилась на бок. Вот тогда-то американец мистер Роджерс и обратился к колхозным силачам за помощью, и один из них, плечистый парень, примерился и легко приподнял гофрированный задок автомобиля. Гость не успел и опомниться, как смог снова сесть за руль. Он крепко пожал руку парню, и тот степенно отрекомендовался:

— Фирцак Иван Иванович.

Да, это был сын Ивана Фирцака, искавшего счастья за океаном. Но сын унаследовал от отца силу, а не его судьбу.

Сыновья и пасынки

В осенние дни Петра Юрьевича Билинца легче всего найти в поле. Колхоз «За нове життя» начал уборку кукурузы. Только поздним вечером удалось мне встретиться с председателем колхоза в правлении. Что же увидел я рядом с «оперативками», составленными бригадирами? Итоговую таблицу традиционной спартакиады пятнадцати колхозов области! На таблице рядом с цифрой «2», обозначавшей место, занятое в общекомандном зачете спортсменами Билок, была пометка: «Обсудить на правлении».

— Нет, обсуждать будем не для «разноса»,— говорит Билинец.— Мы понимаем: спорт есть спорт. Просто у ребят есть коекакие планы. Надо послушать.

Билинец не принадлежит к категории меценатствующих «болельщиков», готовых в любое время мчаться за «своей» футбольной командой на очередной матч. Он относится к спорту с тем же разумным вниманием, с которым решает вопрос о строительстве детских яслей или о работе школы. Он гордится успехами колхозных спортсменов.

Спортивный коллектив колхоза начал расти с тяжелой атлетики: сказалась добрая слава старого богатыря Ивана Ивановича Фирцака, привившего молодым друзьям любовь к гиревому спорту. Отец сам создавал первую группу штангистов, а затем руководителем секции стал Иван Фирцак-сын. Сейчас колхозники увлекаются многими видами спорта. Но сам Билинец, вспоминая рождение коллектива, считает, что ребята тогда просчитались и организовали слишком много секций, а силенок поднять их не хватило.

— И знаете, какую операцию мы тогда провели? — спрашивает он.— Обыкновенное пасынкование.

...Когда идет в рост кукуруза жадно впитывает соки, которыми поит ее земля, очень важно вовремя убрать лишние листки — пасынки, дать возможность побегу не тратить соки зря, набрать силы для крупных, мощных своих плодов. Пасынкование — вещь среди кукурузоводов общеизвест-

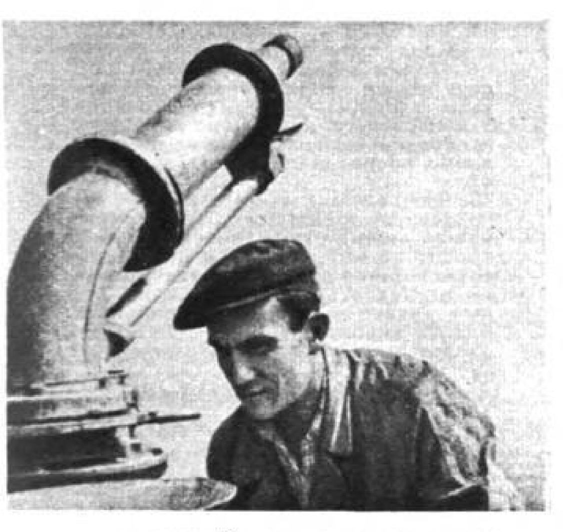
Только запевка...

Шумит зеленая листва. В тени ее, сжатые тесным кольцом зрителей, ведут схватку борцы. Кипят страсти на волейбольной площадке. Гремит штанга на помосте. И в перерыве футбольного матча, как на больших стадионах, разыгрывают эстафету легкоатлеты. Адрес? Село Ивановка, Береговского района, Закарпатской области.

У колхозного стадиона села Ивановки есть своя история. Несколько лет назад на сельскую окраину пришли с лопатами колхозники. Пришел заместитель председателя колхоза Степан Ревак, пришел инструктор-общественник Тиберий Гержени. Пришла добрая половина села. Девушки работали целыми звеньями: расчищали кустарники, резали дерн. Ребята готовили ямы для деревьев. Так на околице возник стадион-сад. Теперь в воскресные дни, во время, свободное от страды, на стадионе собираются все, от мала до велика, и председатель сельсовета Петр Иванович Регоши, любитель стрельбы, капитан команды ветеранов, в которую

Рудольф Кираль (на майке цифра «3») — отличный футболист...

...и лучший механик дождеполивочной установки.

тельством или переоборудованием на общественных началах колхозных стадионов. К тому же хозяева, естественно, делали все возможное, чтобы не терпеть у себя дома поражения. Лучше начинали работать секции, интерес к спорту становился всеобщим.

Нынешним летом такая спартакиада была проведена в Ивановке. Все способствовало успеху соревнований: и время, выбранное для этого — между жатвой и уборкой кукурузы и винограда,— и отличная организация праздника. Так, например, футбольные встречи проводились по сокращенному регламенту — 30 минут. Это делало поединки чрезвычайно острыми, а в случае ничейного исхода команды обменивались пятью одиннадцатиметровыми ударами.

На футбольном поле успех сопутствовал ивановцам. После одной ничейной встречи их вратарь взял три пенальти из пяти, в то время, как соперники пропустили три мяча. Ивановцы обыграли следующие две команды и в конце концов стали обладателями кубка. Но на штангистском помосте лучшими, как и следовало ожидать, оказались силачи из Билок, а девушки из горного села Вышкова заняли первое место в волейбольном турнире. И, наконец, полнейшая сенсация: общекомандное первое место завоевали спортсмены колхоза имени Ленина села Великие Лучки.

Все то, что происходит сейчас в Ивановке или Билках,— только запевка. Песня-то впереди... После спартакиады мы опять побывали в Ивановке. Партийная организация колхоза обсуждала проект Программы КПСС, пересмат-

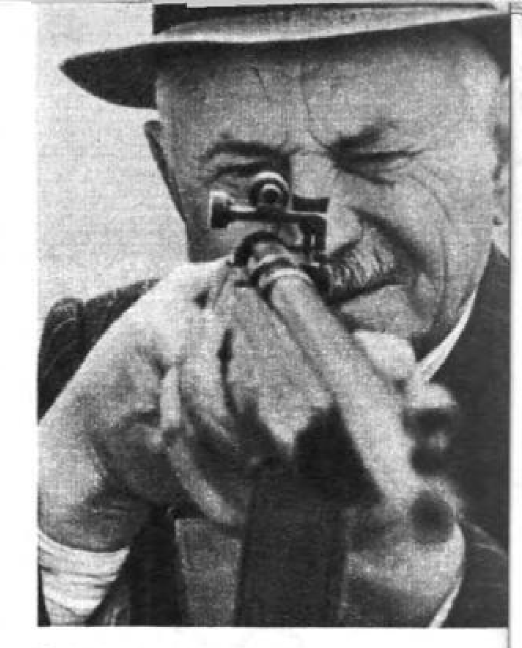
во львовском сельском районе один общественный инструктор приходится на 113 физкультурников, а в Рава-Русской нам пришлось увидеть на стадионе такую же картину, как и в Доманинцах. Только вместо лошадей на футбольном поле паслись коровы...

* * *

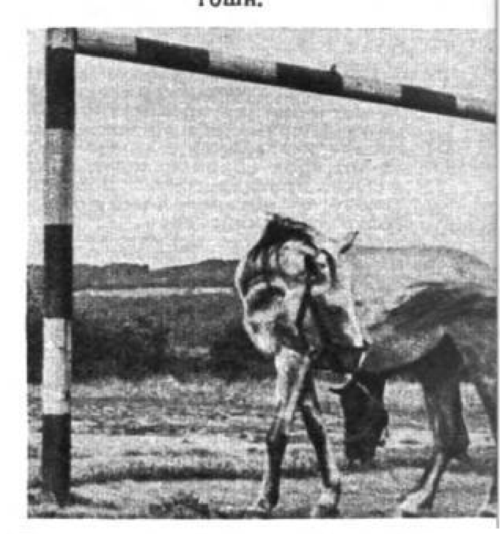
Скользят последние лучи солнца по островерхим крышам, по зеленым холмам, окаймляющим село. Зажглись светлячки тракторов. У трактора Семена Буковецкого отдыхает группа парней. Теплый вечер плывет неторопливо. Парни говорят о недавних соревнованиях, но питомец Львовского института физкультуры сельский учитель Виктор Горзов не вмешивается в разговор. Когда кончал он институт, предлагали ему работу в городе, но Виктор предпочел Билки. Он сколотил там группу активистов, сделал колхозных ребят своими верными помощниками. Спустя год уже полсотни билковцев носили на груди значки ГТО. И колхозники избрали учителя руководителем совета физкультуры. Вот он перед нами ворошит угольки и перелистывает потрепанную тетрадь в коленкоровой обложке.

Тетрадь эту я заметил у него еще в Сваляве, куда выезжали на матч билчане, и в Ивановке, на спартакиаде. В тетради учителя столбиком выписаны двенадцать заповедей. Выписал он их из проекта Программы КПСС так, для себя.

На сельских дорогах в эти осенние дни мне не раз приходилось беседовать с людьми, кото-

Капитан стрелков-«ветеранов» — председатель сельсовета Петр Регоши.

Почему пустует стадион в селе Доманинцы?

ные спортсмены?

принимаются стрелки не моложе 40 лет, начинает тренировку. А когда ветераны вызвали на матч молодых и победили их, разговоров об этом событии хватило на целую неделю...

Раньше в Закарпатье, как, впрочем, и во многих других областях, увлекались парадными соревнованиями. Ежегодные сельские спартакиады проводились в крупных городах. Участвовали в них сборные команды районов. Пять лет назад впервые активисты «Колгоспника» попробовали провести спартакиаду сильнейших коллективов колхозов в течение одного воскресного дня в Ивановке. Опыт удался. Теперь такие спартакиады стали традиционными.

По положению, спартакиада проводится в том колхозе, который на предыдущих соревнованиях завоевал общее первое место. В программу входят всего шесть наиболее популярных видов: легкая и тяжелая атлетика, волейбол, футбол, стрельба, велосипед.

Интерес такая «портативная» спартакиада вызвала огромный. Посудите сами: кто не захочет быть на следующий год ее «хозяином»? Уже принимали у себя гостей колхозники Билок, Ракошина, Великих Комят. И в каждом из этих сел подготовка к соревнованиям была связана со строи-

ривала колхозную семилетку. Коммунисты вписывали в план свои мечты — реальные, жизненные. И в этом плане, помимо пунктов, обозначающих магистральные дела, появился и такой: «К концу семилетки начать сооружение детского плавательного бассейна».

Бассейн в колхозе... Нужен ли он? Степан Ревак расшифровал нам этот пункт:

— Проект предусматривает заботу о детском спорте, предполагает расширение спортивных баз для детей. Нужны эти базы не только в городе. Расчеты показывают: укрепив экономику колхоза, мы сможем, опираясь на опыт народного строительства стадиона, соорудить и бассейн. Может быть, он будет межколхозным.

Жаль, что опыт ивановцев не перенимают все соседи! Сельские спортивные базы, даже самые простейшие, есть далеко не во всех закарпатских колхозах. Неподалеку от Ужгорода, в Доманинцах, где молодежь любит спорт не меньше, чем в Ивановке, застали мы на стадионе лишь... лошадей, щипавших траву. В чем же дело, почему опустел стадион?

Но только ли в Доманинцах зарастают травой стадионы и площадки? Только ли в Доманинцах нет инструкторов-общественников? Увы, нет. Рядом с Львовом,

рые примеряли свои мысли, заботы к проекту Программы КПСС, отыскивая в ней ответ на то, что их волновало. Вот и вопросам физической культуры нашлось место в партийном документе огромной важности. Спорт—одно из средств общекультурного подъема советского народа. Используем ли мы его во всей широте? Нет, и прежде всего потому, что стоят в стороне от спорта многие представители сельской интеллигенции. Так считает сельский учитель Виктор Горзов.

— Взять нашего агронома. Комплекса ГТО не знает. А сколько агрономов и зоотехников едет на село! Надо каждому в институте давать добавочную общественную профессию — инструктора физкультуры. И еще, видели вы выпускника физкультурного вуза в сельской школе? Как правило, оседают выпускники в областных центрах, там их быстренько распихивают по спортивным обществам. До села доезжают немногие.

Многие животрепещущие вопросы волнуют сельских спортсменов: и развитие самодеятельного начала, и подготовка тренерских кадров, и «пасынкование» спорта, и строительство своими силами стадионов, и организация соревнований...

Думают обо всем этом и в закарпатских селах.

Любят борьбу в Ивановке.

Михаил Ботвинник и Вольфганг Унцикер за шахматной доской.

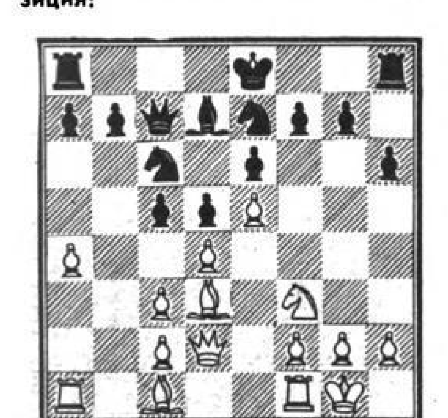
Под редакцией международного гроссмейстера Сало ФЛОРА

Поединок в Оберхаузене

Михаил БОТВИННИК, чемпион мира

Конечно, командное первенство Европы, что происходило в ФРГ в конце июня, не представляло большого спортивного интереса. При десяти участниках в каждой команде ни одна европейская страна не могла противостоять Советскому Союзу, от которого выступала когорта гроссмейстеров.

Тем не менее в Оберхаузене было сыграно немало интересных партий, а на первых двух досках, где почти от всех стран выступали гроссмейстеры, разгорелась упорная борьба. В частности, нелегко пришлось автору этих строк, особенно после партии пятого тура с В. Унцикером (ФРГ). После 11 ходов возникла следующая позиция:

Читатель, вероятно, уже догадался, что черными играл советский гроссмейстер — ведь получилась известная позиция из французской защиты, которую ранее я охотно применял.

Далее последовало:

11...	c5—c4
12. Cd3—e2	a7—a5

Как будто ранее эта идея не встречалась: черные собираются путем Кc6—a7—c8—b6 : a4 выиграть пешку a4. Но на этот маневр надо затратить четыре хода. За это время белые успевают развить сильнейшее давление на позицию черного короля.

13. Cc1 — a3	Кc6 — a7
14. q2—q3.	...

Может быть, тактически точнее было немедленное 14. Кh4, ибо продолжение 14... С : a4 15. С : e7 Ф : e7 16. Л : a4 Ф : h4 17. Л : a5 было к выгоде белых. Случайно ход 14. q3 оказался в дальнейшем весьма полезным (см. 20-й ход белых).

14...	Кa7 — c8
15. Кf3 — h4	Фc7 — d8

Как выяснилось впоследствии — равносильно капитуляции.

Необходимо было незамедлительное 15... Кf5. Я не торопился с этим маневром, выжидая f2 — f4, ибо при пешке белых на поле f4 и размене коней на поле f5 чернопольный слон и ферзь белых ограничивались максимальным образом. Позиционно все правильно, тактически — совершенно неудовлетворительно.

Остается добавить, что вариант 15... Кb6 16. f4 К : a4 17. С : e7 Кр : e7 18. f5 крайне опасен для черных, но отказ от этого продолжения был тождествен признанию недостаточности всей дебютной идеи!

16. f2 — f4	Кe7 — f5
17. Кh4 : f5	e6 : f5
18. Ce2 — f3	Cd7 — e6
19. Лf1 — b1	b7 — b6
20. Фd2 — a2	Лa8 — a7
21. Лb1 — b5	Лa7 — d7
22. q3 — q4!	

Выигрывающий ход: позиция черного короля оказывается беззащитной, ибо к давлению по диагонали a3 — f8 прибавляется давление по вертикали q. Через девять ходов черные сдали партию.

Некоторым «утешением» для меня было то, что, по сути дела, я проиграл эту партию не в Оберхаузене, а пять лет назад в Москве, когда подготовил весь вариант. Наконец этот вариант встретился в партии с Унцикером; сначала я был весьма доволен и лишь после 15 ходов понял, что при подготовке неверно оценил позицию...

Настроение, конечно, было мрачным. А тут еще один немец (как коммерсант он недавно побывал в Москве) пригласил меня поужинать вместе с Унцикером и другими советскими гроссмейстерами, чтобы отметить победу чемпиона ФРГ... Поразмыслив, я согласился: надо закалять нервы! За ужином шумно чествовали победителя, но опыт мне подсказывал, что даже с моим неблестящим результатом (3 очка из 6) можно будет еще побороться за первое место.

Критический момент борьбы наступил в предпоследнем туре. По «счастливой случайности» я попал в партии с венгерским гроссмейстером Л. Сабо в тяжелое положение. В. Унцикер верно оценил мою позицию и, чтобы гарантировать себе первое место, согласился на ничью с испанцем Пересом. Немецкий гроссмейстер, однако, не учел психологических моментов борьбы: Л. Сабо крайне опасен, лишь когда он в настроении, а так как в предыдущих двух турах он уже терпел неудачи, то не удержался от поражения и в партии со мной...

Итак, перед последним туром у В. Унцикера было 6 очков из 9, у автора этих строк — 5 очков из 8. Если В. Унцикер в последнем туре (соревнование проходило в два круга) не явится на партию со мной (в каждой команде имелись по два запасных), то дележ первого места будет ему обеспечен. Если явится и проиграет, то останется лишь на втором месте.

Всех очень занимал вопрос: какое решение примет чемпион ФРГ? Большинство наших гроссмейстеров считали, что Унцикер уклонится от боя. Я придерживался противоположного мнения. «Унцикеру не первое место нужно,— доказывал я В. Смыслову,— а признание. Как он может завоевать признание шахматного мира, если уклонится от игры?»

Конечно, он пришел на игру. Это была самая трудная партия из всех, что мне пришлось сыграть в Оберхаузене. Жара стояла необычайная — свыше 30° в тени. В тесном, хотя и вполне современном молитвенном зале местной религиозной общины, несмотря на ранний час, в воскресенье собралось несколько сот зрителей. Один участник команды ФРГ — мастер Нипхауз — принял единственно правильное решение: он играл в трусиках... Все остальные европейские шахматисты проявили исключительную выдержку и не последовали его примеру. Обстановка осложнилась еще тем, что в Оберхаузене, крупном центре Рурской области, расположено немало электростанций, металлургических заводов и химических комбинатов. К чести немецких инженеров следует сказать, что дымовые фильтры там работают превосходно, но все же и отфильтрованный дым не украшает город.

Довольно быстро мне удалось выиграть пешку, но в решительный момент я не нашел верного продолжения, и мой партнер получил контригру. После обоюдных неточностей в цейтноте белым пришлось записывать ход в позиции, изображаемой на диаграмме:

Заманчиво выглядит жертва ферзя, но после 42. fe Л : e4 43. ef + + Крf8 44. Л : d1 Л : q4 (45. Лe1 Лq1 + !) я не мог за доской найти форсированного выигрыша. Поэтому я решил играть на эндшпиль с лишней пешкой и после 20-минутного обдумывания записал ход

42. Фe4 — e3	...

Из полуторачасового перерыва на обед у меня на анализ оставался лишь один час. Вместе с мастером С. Фурманом анализировали мы эндшпиль, получающийся после 42... Ф : e1 + 43. Ф : e1 Л : e1 + 44. Кр : e1 qf 45. qf Кq5, и пришли к выводу, что продолжение 46. f6! h6 47. Крe2 Лe4 + 48. Крd2! и Cd3 дает ясный перевес белым. Результаты анализа были одобрены В. Смысловым, и, наскоро пообедав, я побежал на доигрывание. Неожиданно последовало

42...	Фa5 : e1 +
43. Фe4 : e1	Кe6 — f4!

Здесь я понял, что В. Унцикер нашел лучший практический шанс: грозит q6—q5, а размен на d1 невозможен из-за мата. Хотя времени оставалось немного, все же белым удалось найти правильный план в эндшпиле.

44. f5 : q6	h7 : q6
45. h2 — h4	...

Ход q6—q5 теперь невозможен.

45...	Крq8—q7
46. Лf2 — c2	Лd1 : e1 +
47. Крf1 : e1	f7 — f5
48. q4 : f5	q6 : f5
49. Cc4 — f1!	...

Сильнейшее! Маневр Лc2 — c5 — a5 черные не в силах парировать. В. Унцикер стремился разменять пешки королевского фланга, чтобы получить некоторые шансы на ничью.

49...	Крq7 — q6
50. Лc2 — c5	Крq6 — h5
51. Лc5 : f5 +	Крh5 : h4
52. Лf5 — a5	Лd4 — d7
53. Крe1 — f2	Лd7 — e7
54. Крf2 — f3	Кf4 — q6
55. Cf1 — c4	Кq6 — e5 +
56. Крf3 — f4	Кe5 — q4

После 56... К : c4 57. bc пешка c проходит в ферзи.

57. Лa5 — a6	Крh4 — h5
58. Cc4 — d5	Кq4 — e5
59. Cd5 — e4!	

Теперь у черных цугцванг: в случае 59... Кf7 60. Cf3 + Крh4 решало 61. Лa5! — и В. Унцикер сдал партию. Если в первой нашей партии я провалился как исследователь, то во второй отличился как практик!

В тот же вечер В. Смыслов решил выяснить причины, заставившие моего партнера явиться на игру. «Вольфганг,— спросил экс-чемпион мира,— зачем вы играли в последнем туре?» Унцикер побагровел. «Как зачем? — Его баварский акцент был сильнее обычного.— Если бы я не пришел, я был бы последний... трус». Унцикер так волновался, что хоть и успешно изучал русский язык, но вспомнил нужное ему слово лишь с помощью собеседника.

●

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В СЕВЕРНОЙ РОДЕЗИИ. На снимке — остатки самолета, в котором летел Даг Хаммаршельд, направлявшийся на встречу с главарем катангских мятежников М. Чомбе. Мировая печать сообщала, что убийство Д. Хаммаршельда было осуществлено катангскими воздушными пиратами.

Фото ЮПИ.

«НЭНСИ» СВИРЕПСТВУЕТ

Страшное бедствие обрушилось на Японию. Тайфун «Нэнси», возникший в районе Маршалловых островов, пронесся над страной, причинив огромный ущерб. Более двухсот человек погибло, 280 тысяч домов затоплено. Особенно пострадал от тайфуна город Осака. На снимке, полученном от агентства Джапан Пресс, вы видите одну из улиц Осаки. Так она выглядела в первые часы после того, как прошел тайфун.

Равнодушие

Фельетон

К. ОБОЛЕНСКИЙ

У каждого человека свой характер. Даже отрицательные персонажи, герои многочисленных фельетонов, обязательно имеют резко выраженную индивидуальность. Единственное исключение составляют люди, зараженные микробом равнодушия. Они удивительно схожи.

— Голубчик, потрясающая новость! Брумель поставил новый мировой рекорд!

— Ну и что?

— Как что? Вы понимаете, мировой рекорд!..

— Да ничего особенного...

Назначь такого человека начальником пожарной команды, и он обязательно на первый же тревожный звонок ответит:

— Ну и что?..

В коммунальной квартире равнодушный сосед не особенно опасен. Если у вас выкипает чайник, он не будет, как это сделал бы склочник, прибавлять пламя газа. Он хладнокровно пройдет мимо.

Значительно опаснее представители существующего еще племени равнодушных, наделенные служебными полномочиями.

В 1940 году по решению Моссовета были переселены в Наро-Фоминский район три с половиной тысячи москвичей. Людям помогли деньгами, материалами, и вскоре возле станции Толстопальцево выстроились шеренгами новые веселые домики. На плане очень эффектно выглядели черточки и квадраты — клуб и аптека, баня и школа, детсады и ясли.

Двадцать лет назад наверняка все эти квадраты и черточки превратились бы в здания, водонапорные башни, добротные асфальтированные дороги, но грянула война. Потом пришлось восстанавливать разрушенное. А потом...

Потом как-то стало стираться в памяти даже у «новоселов-старожилов», где, собственно говоря, собирались строить баню, а где должен быть клуб. И в редакцию пришло письмо, полное обиды на откровенное равнодушие к самым элементарным нуждам людей.

Никаких яслей-садиков или аптек-больниц в поселке Толстопальцево нет и в помине. Третий год идут разговоры о школе, а заложили лишь фундамент. Недостроенную пекарню собрались переделать в кинотеатр, но до сегодняшнего дня ни хлеба, ни зрелищ. В распутицу липкая грязь сдирает с ног не только галоши, но и сапоги. Ночью на улицах ни лампочки, ни фонарика.

Как-то не верилось, что в получасе езды от Москвы, словно островок, оказался поселок, забытый равнодушными людьми.

— Ну и что? — спокойно ответили нам в отделе капитального строительства Мосгорисполкома, прочитав письмо. — Все правильно, в Толстопальцеве только одна стройка — школа. Постепенно, так сказать, наращиваем темпы!..

— Ничего особенного, — пожали плечами в областном управлении культуры. — Кинотеатр накануне пуска. Строительство было неплановое, брали ссуду в банке; на днях открываем.

И вот я в злополучном поселке, где наращивают темпы и готовятся сдавать пусковые объекты.

Две козы лениво пощипывали траву в зрительном зале кинотеатра. Ласточки вспорхнули со стен и взмыли вверх между стропилами. Ни одного строителя, никаких следов недавней работы. Коробка с кинобудкой — ни пола, ни потолка. Вот тебе и «открытие сезона»!

На строительстве школы лениво копошились несколько фигур. Валялись секции разобранного крана. Ни прораба, ни мастера мы не нашли. Пришлось говорить с бригадиром.

— Мы с прошлого года начали эту стройку, — рассказывает он.— Раньше было СМУ № 6 Кунцевского треста Мособлстроя, сейчас называется СУ № 119 Главмосстроя. В прошлом году фундаменты неправильно заложили, в этом году переделывали.

А в магазине? Запустение! Тут уж мне захотелось повидать председателя Наро-Фоминского потребсоюза. Случай свел нас с ним прямо на шоссе.

— Ну что? — хмуро изрек товарищ Цыганков, вылезая из машины.

Я изложил справедливые требования жителей поселка: наладить наконец работу магазина! Ведь плохо дело!

— Ничего особенного, — глядя куда-то в сторону, ответил он. — Машин мало, магазинов много, а я один. Все? Поехали!..

Много нужд у нашей страны. А денег на все сразу иногда не хватает. Вот за эту ширму и любят прятаться равнодушные.

— Верно, — заявили нам в Мособлплане, — неблагоустроено у нас еще Толстопальцево. Мы подсчитали, сколько денег на это надо,— за голову взялись!

Да, много надо! Но как осваиваются те деньги, что уже отпущены?

— Переселенческие поселки не забываем, — заверили нас в Моссовете. — Помимо Мособлисполкома, и мы каждый год сами деньги даем. Только их никогда полностью не расходуют. Мы подсчитали: в 1958 году из 4 миллионов освоили только половину. В 1959 году — две трети. В этом году за полугодие из 300 тысяч — только восемьдесят шесть!

В той же истории с Толстопальцевской школой, как в капле воды, отражается непроходимое равнодушие чинуш, которым приходится «заботиться» о людях. Ведь еще в прошлом году были деньги — 300 тысяч. А израсходовали десять. Те самые, на которые выкладывали кривые фундаменты. На этот год знаменитому СУ-119 дали в десять раз больше — 308 тысяч уже в новых деньгах. На место весной выезжали руководители Главмосстроя, вселив своим приездом радужные надежды в души жителей поселка.

Куда там! Строители и не думали начинать работу всерьез. Напрасно Наро-Фоминский горком КПСС собирал специальное заседание строительной комиссии. Напрасно телеграммами вызывал, просил приехать начальника СУ-119 тов. Басина. Тот даже не счел нужным ответить.

Теперь становится понятным, почему в другом переселенческом поселке, Ашукино, водопровод строится... пятнадцать лет! Ясно, почему третий год в Вострякове не могут закончить баню.

Среди хитроумных строителей еще бытует такая установка: «Строятся, мол, у меня завод, цех особого назначения, институт научно-исследовательский. Вот здесь держи ушки топориком! А все эти школы, садики, дорожки, магазинчики — это все так... Ну, поругают за них. Ну, пригрозят... Так ведь ничего не сделают!..»

А делать надо. Не подсчитывать равнодушно, на какую сумму снова будут лишены благоустройства переселенцы столицы. Не взирать хладнокровно на постоянный, ежегодный срыв строителями плана заботы о людях.

Пусть равнодушные исполнители держат ответ!

Яков КОСТЮКОВСКИЙ

У меня есть деловое предложение

ШУТКА

Грубость на футбольном поле по-прежнему продолжает беспокоить общественность.

Что делать? Какие меры предпринять?

У меня есть деловое предложение.

В целях борьбы с грубостью предлагаю ввести следующий прейскурант денежных штрафов:

Толчок в спину противника — 5 руб.

Рывок за трусы противника — 7 руб.

Жим локтем в бок противника — 8 руб.

Троеборье (толчок + рывок + жим) — 20 руб.

Выкручивание конечностей (за каждую конечность) — 3 руб.

То же самое с применением джиу-джитсу — 6 руб.

Перелом ноги:

Единовременно — 50 руб.

Каждый месяц пострадавшему — 10 руб.

Оскорбление судьи словами — 25 руб.

То же самое действием — на 50% дороже.

Не совсем вежливая мысль о судействе:

Не высказанная вслух — 10 коп.

Высказанная вслух — 10 руб.

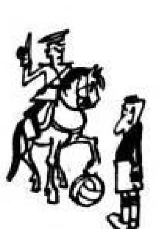
Симуляция пятиминутного обморока с лежанием на траве — 5 руб.;

за каждую дополнительную минуту — 1 руб.

Вымаливание у судьи штрафного — 2 руб.

То же самое — углового — 3 руб.

То же самое — пенальти — 4 руб.

Дебош на поле — 75 руб.

Вызов милиции — 100 руб.

Вызов конной милиции — 150 руб.

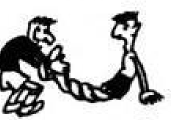
Обычное ругательство, произнесенное на поле, — 15 руб.

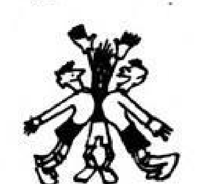
Трехэтажное ругательство — 15 суток.

За каждый дополнительный этаж — 1 сутки.

Как видите, прейскурант составлен так, что человек, живущий на скромную зарплату, может себе только позволить не совсем вежливую мысль о судействе, да и то не высказанную вслух.

На снимках (сверху вниз):

ПОСЛЕОБЕДЕННЫЙ СОН

Фото О. НЕЕЛОВА.

ЗНАКОМСТВО

Любопытному котенку повезло: он познакомился с ужом. Встреча состоялась в обстановке взаимного уважения.

Минск. Б. МАГАЛИФ

ГОЛОВА ЛОСОСЯ

Это голова лосося, погибшего после нереста. Она похожа на какое-то фантастическое чудовище, не правда ли?

М. ФЛОРЕНСКИЙ, М. СЕЛИФОНОВ

Камчатка.

ЭТО НЕ ЛИСТВА

Вы думаете, на деревьях листва?

Ошибаетесь. Перед вами место ночевки кишиневских птиц. Они устраиваются на больших деревьях в центре города.

С. ГЛАДКИХ

Москва.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Русский актер, ученик М. С. Щепкина. 5. Прибор для измерения количества выдыхаемого воздуха. 8. Первый татарский балет Ф. Яруллина. 9. Позднейшая эпоха каменного века. 12. Лиственное дерево. 13. Французский актер-мим. 14. Современный немецкий писатель. 18. Персонаж романа А. Фадеева «Разгром». 19. Город в Японии. 20. Узбекская певица, народная артистка СССР. 22. Кровельный материал. 26. Летопись. 27. Симфоническая сюита Н. А. Римского-Корсакова. 28. Полуостров в Африке. 31. Курорт в Латвии. 32. Европейское государство. 33. Старинное народное название залива, бухты. 34. Река в США.

По вертикали:

1. Хищная птица. 2. Кондитерское изделие. 3. Писатель. 4. Синтетическое волокно. 6. Английский мореплаватель. 7. Металлический брусочек с рельефным изображением печатного знака. 10. Сырье для бумажной промышленности. 11. Хлопчатобумажная ткань. 12. Комнатная собачка. 15. Автор картины «Березовая роща». 16. Поверхностный слой земной коры. 17. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 21. Скульптурное изображение на плоскости. 23. Гриб. 24. Жвачное животное. 25. Озеро в Канаде. 29. Морское животное. 30. Рассказ М. Горького.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39.

По горизонтали:

4. Кабалевский. 9. Леопард. 10. «Арзамас». 11. «Обоз». 13. Кибернетика. 15. Оять. 17. Штольня. 20. Секунда. 21. Козодой. 22. Гипотенуза. 23. Танганьика. 26. Яркость. 28. Кремень. 29. Оркестр. 32. Вани. 33. Консультант. 34. Июнь. 35. Кислота. 37. Стейниц. 39. Комментатор.

По вертикали:

1. Окоп. 2. Решетников. 3. Айва. 5. Борьба. 6. Курсив. 7. Вензель. 8. Самосуд. 12. Ботанизирка. 13. Канареечник. 14. Александрит. 16. Таджикистан. 18. «Кобзарь». 19. Лопасть. 24. Комплимент. 25. Амфибия. 27. Ревизия. 30. Анатом. 31. Паштет. 36. Лука. 38. Йорк.

На первой странице обложки: В Нижний Тагил, на металлургический комбинат имени В. И. Ленина, приехала большая группа инженеров Центрального научно-исследовательского института комплексной автоматизации. Они проводят исследовательские работы в мартеновском цехе. На одной из печей будет в результате установлена вычислительная машина, которая даст сталеварам возможность вести режим оптимальным образом.

Научные сотрудники института Генриэтта Иванова и Владимир Зорихин снимают динамические характеристики мартеновской печи.

Фото М. Начинкина.

На последней странице обложки: Мария Штепа — доярка совхоза «Коминтерн», Чернобаевского района, Черкасской области. В нынешнем году Мария уже надоила по 1 800 литров от каждой из своих двадцати коров.

Внизу: центральная усадьба совхоза «Коминтерн».

Фото Н. Козловского.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

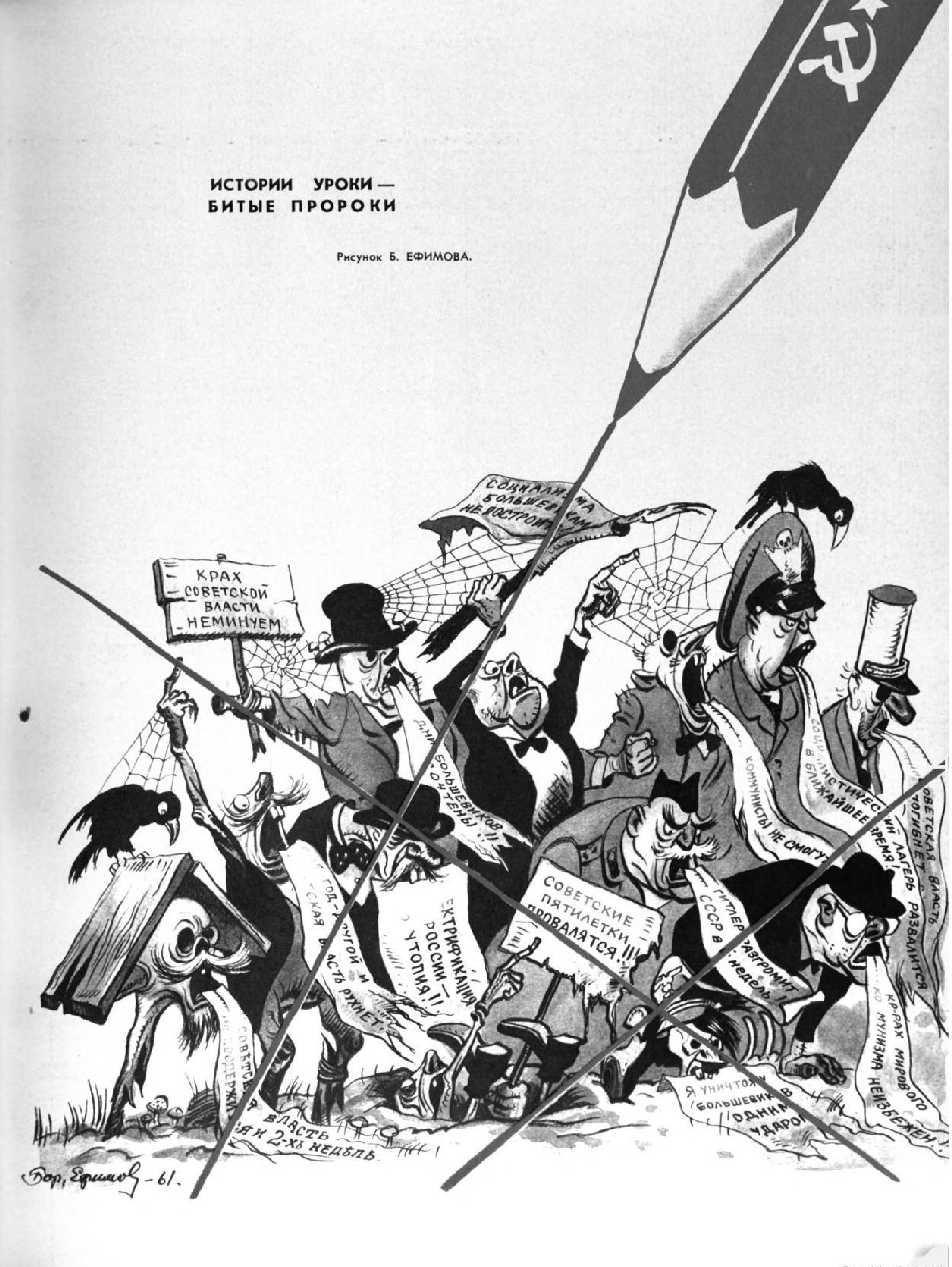
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05277. Подписано к печати 27/IX 1961 г.

Формат бум. 70×108¹/₈. 3,5 бум. л. — 6,85 печ. л.

Тираж 1 850 000. Изд. № 1280. Заказ 2370.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ИСТОРИИ УРОКИ — БИТЫЕ ПРОРОКИ

Рисунок Б. ЕФИМОВА.